

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 2 (171) февраль 2025

В НОМЕРЕ:

Добробаба М. Б.

Цифровая демократия в России
как компонент цифрового государства

Свирков С. А.

Частноправовое регулирование в сфере
возобновляемой энергетики:
особенности и проблемы развития

Стельмах В. Ю.

Пробелы нормативной регламентации
реабилитации в уголовном судопроизводстве

LEX RUSSICA



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)



- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашпилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 24.02.2025
Объем 20,80 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVVENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

24.02.2025
Volume: 20.80 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Слатин Р. В. Понятие экологических («зеленых») платежей 11

Филогин А. Г. Становление экологического налогообложения: принципы и подходы 20

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Добробаба М. Б. Цифровая демократия в России
как компонент цифрового государства 27

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Леканова Е. Е. Проблемы правовой регламентации сберегательных сертификатов 35

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Князькин С. И. Право на судебную защиту в Евразийском
экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты 44

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Субъективные социальные права:
конституционно-правовая сущность 58

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Шахназаров Б. А. Правовые основы рейтинговой
деятельности в сфере устойчивого развития 69

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Мозина Е. В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ
по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ 83

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Стельмах В. Ю. Пробелы нормативной регламентации
реабилитации в уголовном судопроизводстве 92

Даниленко И. А., Васильев Н. В. Значение междисциплинарного
характера института освобождения от уголовной ответственности 103

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Отюгочев А. В. Виды цифровых следов преступлений на финансовом рынке 111

Коринь А. В. Интернет вещей: криминалистические аспекты 125

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Колобов Р. Ю. Буферные зоны объектов всемирного природного наследия в российской и зарубежной практике 134

Рыжкова И. В. Использование принципа наиболее благоприятствуемой нации как инструмента финансовых санкций в отношении России 146

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

Халипов С. В. Применение Россией антисанкционных мер в регулировании внешней торговли товарами 154

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Свирков С. А. Частноправовое регулирование в сфере возобновляемой энергетики: особенности и проблемы развития 165

Contents

FINANCIAL LAW

- Slatin R. V.** The Concept of Environmentally Conscious («Green») Payments 11
- Filigin A. G.** Formation of Environmental Taxation: Principles and Approaches 20

LEGAL REGULATION IN IT SPHERE

- Dobrobaba M. B.** Digital Democracy in Russia as an Element of the Digital State 27

CIVIL AND FAMILY LAW

- Lekanova E. E.** Problems of Legal Regulation of Savings Certificates 35

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURES

- Knyazkin S. I.** The Right to Judicial Protection in the Eurasian
Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects 44

LABOR RELATIONS AND SOCIAL WELFARE

- Velieva D. S., Presnyakov M. V.** Social Rights:
Constitutional and Legal Essence 58

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Shakhnazarov B. A.** Legal Foundations for Ratings
Activities for the Sustainable Development Goals 69

CRIMINAL LAW

- Mozina E. V.** Recommendations of the Plenum
of the Supreme Court of the Russian Federation
on the Application of the Provisions of Part 6 of Art. 15
of the Criminal Code of the Russian Federation 83

CRIMINAL PROCEDURE

- Stelmakh V. Yu.** Gaps in the Regulatory Framework
for Rehabilitation in Criminal Proceedings 92
- Danilenko I. A., Vasiliev N. V.** The Importance of the Interdisciplinary
Nature of the Institution of Exemption from Criminal Liability 103

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

- Otogochev A. V.** Types of Digital Traces of Crimes in the Financial Market 111
- Korin A. V.** Internet of Things: Forensic Aspects 125

INTERNATIONAL LAW

Kolobov R. Yu. Buffer Zones of World Natural Heritage Sites in Russian and Foreign Practice 134

Ryzhkova I. V. Application of the Most Favored Nation Principle as an Instrument of Financial Sanctions against Russia 146

INTEGRATION LAW

Khalipov S. V. Russia's Use of Anti-Sanction Measures in Foreign Trade in Goods Regulations 154

ENERGY, ENVIRONMENTAL AND NATURAL RESOURCES LAW

Svirkov S. A. Private Law Regulation in the Sphere of Renewable Energy: Features and Development Problems 165

Понятие экологических («зеленых») платежей

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению экологических («зеленых») платежей. С точки зрения широкого подхода экологическими являются любые платежи, которые способствуют интернализации негативных экологических внешних эффектов, т.е. покрытию общественных издержек, связанных с охраной окружающей среды, возникающих в связи с деятельностью хозяйствующих субъектов. С позиции узкого подхода к экологическим («зеленым») можно относить только природоохранные платежи, т.е. форму отчуждения денежных средств, носящую компенсационный характер. Подобная квалификация возможна в случае, если: а) юридическим основанием для возникновения обязанности по уплате является осуществление деятельности, связанной с загрязнением окружающей среды, и (или) б) целью установления платежей является финансовое обеспечение мероприятий, направленных на компенсацию уже нанесенного ущерба и профилактику его возникновения в будущем (это может достигаться как посредством «окрашивания в зеленый», так и просто путем указания целей, на которые взимаются платежи). В рамках третьего — специального — подхода экологическими являются не все природоохранные платежи, а лишь «окрашенные», т.е. имеющие строго целевой характер (при этом на финансирование соответствующих расходов должны идти именно суммы поступивших платежей, а не их эквивалент).

Ключевые слова: экологические платежи; зеленые платежи; экологический налог; окрашенные платежи; охрана окружающей среды; зеленые финансы; природоохранные платежи; налоговые платежи; неналоговые платежи; экстерналии; экстернальная экономика.

Для цитирования: Слатин Р. В. Понятие экологических («зеленых») платежей // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 11–19. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.011-019.

The Concept of Environmentally Conscious («Green») Payments

Rostislav V. Slatin, Postgraduate Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
s0158688@msal.edu.ru

Abstract. The paper analyzes approaches to determining environmentally conscious («green») payments. Under the broader approach, environmentally conscious payments include any payments that contribute to the internalization of negative environmental external factors, i.e., to cover the public costs associated with environmental protection arising from the activities of business entities. Under the narrower approach, environmentally conscious («green») payments include only nature conservation, i.e., a form of alienation of funds that is compensatory in nature. Such qualification will be possible if: a) the legal basis for the obligation to pay is the implementation of activities related

© Слатин Р. В., 2025

* Слатин Ростислав Вячеславович, аспирант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s0158688@msal.edu.ru

to environmental pollution, and (or) b) the purpose of establishing payments is to provide financial support for measures aimed at compensating for damage already caused and preventing its occurrence in the future (this can be achieved both by «coloring green» and simply by indicating the purposes for which payments are charged). In the framework of the third — special — approach, not all environmental payments are environmental, but only «colored», i.e., having a strictly targeted nature (at the same time, the amount of received payments should be used to finance the corresponding expenses, and not their equivalent).

Keywords: environmentally conscious payments; green payments; environmental tax; colored payments; environmental protection; green finance; environmental payments; tax payments; non-tax payments; externals; external economy.

Cite as: Slatin RV. The Concept of Environmentally Conscious («Green») Payments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):11-19. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.011-019.

Налоговые и неналоговые платежи являются основным доходным источником бюджетов бюджетной системы, а следовательно, и финансирования мероприятий в области охраны окружающей среды. На сегодняшний день в научных работах, официальных документах международных организаций, российских органов государственной власти и иных информационных источниках используются разные термины («экологические платежи», «природоресурсные платежи», «природоохранные платежи», «экологические налоги» и т.д.), соотнести которые порой весьма сложно. В первую очередь это обуславливается отсутствием унифицированной терминологии в законодательных и подзаконных нормативных правовых актах, а также разными подходами к трактовке приведенных понятий в российской правовой доктрине. Полагаем, что более точному пониманию терминологического аппарата в рассматриваемой сфере будет способствовать не только сравнение доктринальных подходов, но и изучение истории становления теории экологического налогообложения, что позволит выявить теоретические основы данного явления, а также определить российские национальные особенности.

Следует отметить, что превалирующий подход к определению сути так называемого экологического налога, его видов, назначения

и т.д., отражаемый в документах таких ведущих международных организаций, как ООН и ОЭСР, базируется на сформулированной в 1920-х гг. теории английского экономиста А. С. Пигу об экстерналиях, роли государства в нивелировании негативных последствий рыночной экономики и корректирующей функции налогов¹. Позднее, в 1950-х гг., другой выдающийся экономист, американец П. Э. Самуэльсон, развил идеи предшественника в классическом труде «Основания экономического анализа»², введя в оборот термин «внешние эффекты».

Экстерналии (внешние эффекты) представляют собой позитивные или негативные эффекты, которые деятельность одного субъекта экономической деятельности оказывает на другого субъекта³. Указанные эффекты носят побочный характер и не отражаются непосредственно в рыночных ценах. Наиболее ярким примером отрицательного внешнего эффекта как раз и является деятельность хозяйствующих субъектов, связанная с негативным воздействием на окружающую среду. Например, деятельность организаций, осуществляющих вырубку леса, ведет к сокращению охотничьих угодий для охотхозяйств; следствием загрязнения рек и морей сточными водами, пластиковыми и иными отходами становится сокращение вылова рыбы. В то же время экстерналии могут иметь отрицательный эффект не только для отдель-

¹ См.: Пигу А. Экономическая теория благосостояния : пер. с англ. М. : Прогресс, 1985. Т. 1.

² Самуэльсон П. А. Основания экономического анализа / пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. СПб. : Экономическая школа, 2002.

³ Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика : в 2 т. СПб. : Экономическая школа, 2004. URL: https://microeconomica.economicus.ru/index.php?file=17_2 (дата обращения: 01.02.2024).

ных экономических агентов, но и для общества и экономики в целом. Например, загрязнение окружающей среды приводит к уменьшению продолжительности жизни человека, а следовательно, к снижению экономических показателей и уровня жизни населения.

Согласно теории А. С. Пигу, хозяйствующие субъекты в рамках своей деятельности преследуют предельный частный интерес. При его значительном расхождении с предельным общественным интересом соответствующие субъекты теряют стимул к интернализации, т.е. включению внешних эффектов в виде общественных издержек в свои издержки (доход). Иными словами, получается ситуация, при которой частное лицо тем или иным образом причиняет вред обществу и ничего не платит за это. Для исправления данной ситуации А. С. Пигу предлагал ввести корректирующие налоги (впоследствии ставшие широко именоваться *пигуанскими налогами* или *налогами Пигу*), аргументируя это тем, что такой обязательный платеж приведет к изъятию части прибыли частного лица, которая будет направлена на нивелирование негативных последствий от его деятельности. Еще один эффект от налогообложения проявляется в сокращении выпуска общественно вредных товаров (работ, услуг). Таким образом, корректирующие налоги направлены на создание баланса между частными и публичными (общественными) издержками.

Применительно к сказанному нужно отметить следующее.

Во-первых, считаем, что с финансово-правовой точки зрения допустимо утверждать, что под выработанным в экономике термином «корректирующие налоги» следует понимать обязательные платежи как налогового, так и неналогового характера. В рассмотренной выше теории не уделяется значительного внимания анализу правовой природы указанных платежей. Полагаем, что правильность сделанного

нами вывода подтверждается определениями, приводимыми в различных официальных документах, основанных на описанной выше теории. Например, в документе ОЭСР «Методические указания по учету экологических налоговых доходов»⁴ налогом предлагается считать обязательные безвозмездные платежи в денежной или натуральной форме, производимые институциональными единицами (*institutional units*) государственным единицам (*government units*).

Во-вторых, необходимо еще раз особо оговорить, что экстерналии — это любые внешние эффекты, не только негативные, но и положительные. Например, усовершенствование водоочистных сооружений предприятия ведет к уменьшению сброса загрязняющих сточных вод и, соответственно, улучшению экологической обстановки.

В-третьих, идея о корректирующих налогах легла в основу модели так называемого экологического налога (уже — климатического налога) — обязательного платежа, направленного на корректировку экологических экстерналий. В то же время к пигуанским могут быть отнесены все налоги, выполняющие регулируемую функцию: стимулирующую и дестимулирующую. В науке налогового права в качестве примера выполнения дестимулирующей функции налога чаще всего приводят акцизы — посредством обложения акцизами различных товаров, вредных в общественном потреблении, достигается снижение спроса на них. С точки зрения теории экстернальной экономики⁵ повышение акцизов на алкогольную продукцию ведет к снижению общественных издержек на поддержание общественного правопорядка, а введение акцизов на сахаросодержащие напитки — к уменьшению расходов на здравоохранение.

В-четвертых, приведенная теория может быть сходным образом описана в категориях финансового права. Очевидно, что авторы отводят ведущую роль государству: только благо-

⁴ Methodological Guidelines for Environmentally Related Tax Revenue Accounts / OECD. Paris, 2023. P. 8. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/10/methodological-guidelines-for-environmentally-related-tax-revenue-accounts_e6bc5aaa/d752d120-en.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Экономическая теория об экстерналиях // URL: <https://books.econ.msu.ru/economics-of-sustainable-development/sect02/chap04/4.1/> (дата обращения: 01.02.2024).

даря его вмешательству возможно достижение публичного и частного интереса. При этом регулирование соответствующих общественных отношений осуществляется в публичном интересе — для снижения скрытых негативных последствий для общества, которые влечет хозяйственная деятельность частных лиц. Важнейшими инструментами корректирующей политики государства, согласно рассматриваемой теории, являются обязательные платежи и «субсидии» (по сути, имеется в виду бюджетное финансирование). Корректирующие обязательные платежи (в первую очередь налоги) выполняют регулируемую функцию и вводятся в целях обеспечения справедливости. Сказанное обуславливает включенность общественных отношений, связанных с установлением и введением корректирующих обязательных платежей, в предмет финансового права.

В-пятых, в идеале предполагается, что хозяйствующие субъекты должны взять на себя общественные издержки, возникающие из-за их деятельности. Но в реальности это не совсем так. Очевидно, что если корректирующие налоги ведут к увеличению цены реализуемого товара (работы, услуги), то такое бремя будет переложено на конечного потребителя. Таким образом, эффективность пигуанских налогов может быть поставлена под сомнение.

Как бы то ни было, положения, выработанные в трудах А. С. Пигу и П. Э. Самуэльсона, в последующем были развиты в трудах иных ученых, и в настоящее время они составляют экономическую и идеологическую основу проводимой ООН, ОЭСР, ЕС и другими образованиями политики в области экологического налогообложения.

Одно из наиболее воспроизводимых в научных и иных публикациях определений экологического налога впервые было сформулировано в совместном документе ООН, Европейской

комиссии, МВФ, ОЭСР и Международного банка «Комплексный экологический и экономический учет 2003 г.»⁶: под ним предлагается понимать налог, налоговая база которого представляет собой физическую единицу (ее эквивалент) чего-либо, что оказывает доказанное определенное негативное воздействие на окружающую среду⁷. Стоит отметить, что, например, в упоминавшихся Методических указаниях по учету экологических налоговых доходов ОЭСР употребляется сходное понятие — «связанные с экологией налоги» (environmentally related taxes). Представляется, что оно имеет несколько иное смысловое наполнение, нежели термин «экологический налог». В то же время, как показывает анализ публикаций, данные термины принято воспринимать как равнозначные⁸.

Столь же традиционно, следуя разъяснениям ОЭСР, «экологические налоги» принято делить на четыре вида в зависимости от того, что выступает налоговой базой. В частности, выделяют налоги:

- на энергию (энергоносители) (включая налоги на топливо для транспорта);
- транспортные (за исключением налогов на топливо для транспорта);
- на загрязнение (именуемые также эмиссионными);
- на ресурсы (природные ресурсы, природоресурсную деятельность)⁹.

Кроме того, выделяют «экологические налоги (платежи)»:

- маркированные (окрашенные) — направляются на финансирование мероприятий в области охраны окружающей среды;
- немаркированные (неокрашенные) — зачисляются в публичные фонды без установления целей их расходования.

По мнению Л. А. Мочаловой и Д. А. Гриненко, только относящиеся к первой группе налоги

⁶ Integrated Environmental and Economic Accounting 2003 (Final draft circulated for information prior to official editing) // URL: <https://unstats.un.org/unsd/environment/seea2003.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

⁷ Integrated Environmental and Economic Accounting 2003. Р. 47.

⁸ Приказ Росстата от 31.12.2020 № 872 «Об утверждении Методических указаний по формированию счета экологических налогов и платежей» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Methodological Guidelines for Environmentally Related Tax Revenue Accounts. Р. 11.

являются собственно экологическими, стимулирующими налогами. Неокрашенные же налоги относятся к числу фискальных (финансирующих) налогов¹⁰. При этом авторы, говоря об «экологических налогах (платежах)», со всей очевидностью имеют в виду платежи как налогового, так и неналогового характера.

В настоящее время в налоговой системе Российской Федерации не предусмотрен отдельный экологический налог. Вместе с тем интересно отметить, что ранее действовавшим Законом РФ от 27.12.1991 № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»¹¹ плата за пользование природными ресурсами относилась к числу федеральных налогов (пп. «и» п. 1 ст. 19 НК РФ). В ходе проводившейся в конце 1990-х — начале 2000-х гг. налоговой реформы предполагалось установить налог экологического характера. Так, согласно первоначальной редакции ст. 13 НК РФ, среди федеральных налогов, помимо лесного налога, также выделялся экологический налог. При этом можно встретить несколько судебных решений, относящихся к переходному периоду становления нового на тот момент законодательства о налогах и сборах,

которые фактически ставят знак равенства между платой за загрязнение окружающей среды, платой за пользование природными ресурсами и экологическим налогом¹².

В дальнейшем законодатель отказался от установления экологического и лесного налогов, однако упоминания о соответствующих намерениях остались, в том числе в научной литературе. Например, Т. В. Петрова в докторской диссертации, подготовленной в 2000 г., критикует название «экологический налог». Автор отмечает, что название «должно давать представление об объекте налогообложения (например, доход, прибыль, добавленная стоимость)»¹³. В целом соглашаясь с указанным пожеланием, сделаем две ремарки. Во-первых, с сожалением приходится констатировать, что законодатель пренебрегает данным правилом юридической техники. Например, это относится к водному налогу. В науке критикуют и название специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹⁴. Во-вторых, название экологического налога, а шире — экологических платежей, можно признать устоявшимся в науке.

¹⁰ Мочалова Л. А., Гриненко Д. А. Проблемы и направления экологизации налоговой системы России // Дискуссия. 2018. Вып. 91. С. 71–72.

¹¹ Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 11. Ст. 527 (Закон утратил юридическую силу).

¹² Так, решая вопрос об обоснованности привлечения налогоплательщика к *налоговой* ответственности за неуплату за загрязнение окружающей природной среды, ФАС Уральского округа отметила, что «платность природопользования, включающая плату за природные ресурсы, за загрязнение окружающей природной среды и за другие виды воздействия, установлена Законом РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды». Порядок определения платы и ее предельных размеров за пользование природными ресурсами в силу ст. 20 упомянутого Закона был определен постановлением Правительства РФ от 28.08.1992 № 632 «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия»».

Согласно ст. 19 Закона РФ об основах налоговой системы в Российской Федерации и п. 15 ст. 13 НК РФ спорный платеж отнесен к федеральным налогам. См.: постановление ФАС Уральского округа от 03.02.2004 № Ф09-52/04-АК по делу № А60-15703/03.

Аналогичный вывод был сделан этим судом ранее — в постановлении от 15.10.2002 № Ф09-2189/02-АК по делу № А07-7831/02.

¹³ Т. В. Петрова, в частности, говорит о налоге на экологически вредную продукцию и на продукцию, произведенную с применением экологически опасных технологий (Петрова Т. В. Проблемы правового обеспечения экономического механизма охраны окружающей среды : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 257).

¹⁴ Поскольку такой налог фактически не относится к профессиональному доходу.

Модельный закон СНГ об экологических фондах¹⁵ в ст. 1 содержит определение понятия «экологические налоги, сборы и платежи»¹⁶. С одной стороны, данный подход повторяет ошибку, ранее допущенную законодателем в ст. 2 Закона РФ об основах налоговой системы в Российской Федерации, в которой давалось определение «налога, сбора, пошлины и другого платежа», т.е. разных по своей правовой природе категорий. С другой стороны, он позволяет отграничить платежи экологического характера от иных обязательных платежей. Главное, по мнению составителей рассматриваемого документа, заключается в том, что указанные налоги, сборы и платежи взимаются *за негативное воздействие на окружающую среду*.

А. А. Ялбулганов оперирует понятием «природоресурсные платежи», предлагая их развернутую классификацию. Так, по содержанию природоресурсные платежи делятся:

- на платежи за пользование природными ресурсами,
- платежи за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС)¹⁷.

Позиция автора основывается на анализе принципа платности природопользования, выражаемого в двух ипостасях: установлении платежей за природопользование и платы за негативное воздействие¹⁸. А. А. Ялбулганов подчеркивает, что НВОС является разновидностью

природопользования, а плата за него имеет двойственную правовую природу: с одной стороны, она носит компенсационный характер, с другой — фискальный¹⁹. Именно вторую группу платежей автор относит к числу экологических платежей (объединяются плата за НВОС, экологический и утилизационный сборы).

В зависимости от правовой природы природоресурсные платежи подразделяются:

- на платежи, имеющие налоговую природу (земельный и водный налоги, налог на добычу полезных ископаемых, сборы за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов);
- платежи, имеющие неналоговую природу (плата за НВОС, плата за НВОС при размещении отходов, экологический и утилизационный сборы, регулярные платежи за пользование недрами и некоторые другие)²⁰.

Называя приведенные выше три неналоговых платежа собственно экологическими платежами, А. А. Ялбулганов указывает на «экологический потенциал отдельных налогов и сборов»²¹, т.е. на возможность осуществления ими регулирования природоохранной деятельности (экологическая функция налогов и сборов)²².

Следует также отметить, что в литературе получил распространение еще один термин — «зеленые» налоги. Данное понятие начало входить в научный оборот с середины — конца

¹⁵ Модельный закон об экологических фондах (принят 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге постановлением № 55-4 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (ч. 1).

¹⁶ Экологические налоги, сборы и платежи — налоговые и неналоговые платежи за негативное воздействие на окружающую среду, в том числе за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, хранение и захоронение отходов производства и потребления, а также сборы на утилизацию тары и упаковки.

¹⁷ Ялбулганов А. А. Правовое регулирование природоресурсных платежей : учеб. пособие. М. : Юстицинформ, 2021. С. 12–13.

¹⁸ «Зеленые» финансы: приоритеты правового регулирования : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева, Ю. К. Цареградская. М. : Проспект, 2024. С. 62.

¹⁹ «Зеленые» финансы: приоритеты правового регулирования. С. 62–63.

²⁰ Ялбулганов А. А. Указ. соч. С. 18.

²¹ «Зеленые» финансы: приоритеты правового регулирования. С. 87–88.

²² «Зеленые» финансы: приоритеты правового регулирования. С. 89.

1990-х гг.²³ Проведенный анализ показывает, что термины «экологический налог» и ««зеленый» налог» чаще всего употребляются западными авторами в качестве синонимов²⁴. При этом российские ученые подчеркивают, что «по-настоящему «зелеными» являются только компенсационные платежи, поскольку они направлены на нивелирование негативных последствий, причиняемых экологии и окружающей среде»²⁵.

Подводя итог, можно выделить три основных подхода к определению экологических («зеленых») платежей (уже — налогов).

С точки зрения широкого подхода экологическими являются любые платежи, которые способствуют интернализации негативных экологических внешних эффектов, т.е. покрытие общественных издержек, связанных с охраной окружающей среды, возникающих в связи с деятельностью хозяйствующих субъектов. Именно данная трактовка, базирующаяся на положениях теории экстерналий экономики, лежит в основе политики, проводимой ведущими международными организациями. Аргументом в пользу обоснованности рассматриваемой позиции является превалирующий в настоящее время подход к определению предмета экологического права: к нему относятся общественные отношения по поводу использования и охраны природы, т.е. отношения в области природопользования и природоохранные отношения²⁶.

Таким образом, в качестве экологических следует рассматривать как природоресурсные, так и природоохранные платежи. Действительно, разграничение платежей на природопользовательские и природоохранные страдает

известным недостатком: поскольку зачастую невозможно разделить соответствующие функции, представленное деление отражает лишь главное предназначение указанных групп экологических платежей. Справедливо говорить о том, что загрязнение окружающей среды, на компенсацию которого направлены природоохранные платежи, является формой природопользования, но можно утверждать и обратное: платежи за пользование природными ресурсами способствуют интернализации негативных экологических внешних эффектов, снижению отрицательного воздействия на окружающую среду.

С позиции узкого подхода к экологическим («зеленым») можно относить только природоохранные платежи, т.е. форму отчуждения денежных средств, носящую компенсационный характер. Заметим, что цель и объект настоящей работы диктуют необходимость уделить первостепенное внимание именно платежам, которые являются природоохранными в полном смысле этого слова. Согласимся и с высказанными выше мнениями уважаемых авторов относительно того, что в качестве подлинно экологических («зеленых») можно рассматривать только платежи, которые четко направлены на устранение отрицательных последствий для экологии. В то же время возникает вопрос: что является основанием для отнесения платежей к числу природоохранных? На наш взгляд, *подобная квалификация возможна в случае, если:*

а) юридическим основанием для возникновения обязанности по уплате является осуществление деятельности, связанной с загрязнением окружающей среды, и (или)

²³ См., например: *Middleton Jr. G. L., McBurney C. M.* New energy policy act's «green tax» package will benefit project finance // *Strategic Planning for Energy and the Environment*. 1993. № 12 (4). P. 23–27 ; *Aronsson T.* On cost benefit rules for green taxes // *Environmental & Resource Economics*. 1999. № 13 (1). P. 31–43.

²⁴ См., например: *Huggett C., Hatch P.* Green tax or promoting environmentally friendly behavior // URL: <https://www.wolterskluwer.com/en/expert-insights/green-tax-environmentally-friendly-behavior> (дата обращения: 01.02.2024).

²⁵ *Ситник А. А.* «Зеленые» финансы: понятие и система // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 2. С. 72.

²⁶ *Экологическое право : учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова.* М. : Проспект, 2018. С. 25 ; *Тюльпанов Ф. М.* О предмете экологического права. Проблемы теории экологического права // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. 2018. № 3. С. 62–66.

б) целью установления платежей является финансовое обеспечение мероприятий, направленных на компенсацию уже нанесенного ущерба и профилактику его возникновения в будущем (это может достигаться как посредством «окрашивания», так и просто путем указания целей, на которые взимаются платежи).

Полагаем, что идентификация платежа в качестве природоохранного возможна при наличии одного из приведенных оснований. В то же время в рамках третьего — специального — подхода экологическими являются

не все природоохранные платежи, а лишь «окрашенные», т.е. имеющие строго целевой характер (при этом на финансирование соответствующих расходов должны идти именно суммы поступивших платежей, а не их эквивалент). В такой трактовке не будут относиться к рассматриваемой группе экологический и утилизационный сборы, которые в полном объеме зачисляются в федеральный бюджет, после чего на финансовое обеспечение утилизации транспортных средств и иных объектов выделяется эквивалентная сумма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Зеленые» финансы: приоритеты правового регулирования : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева, Ю. К. Цареградская. — М. : Проспект, 2024. — 144 с.
2. Гальперин В. М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика : в 2 т. — СПб. : Экономическая школа, 2004. — URL: https://microeconomica.economicus.ru/index.php?file=17_2 (дата обращения: 01.02.2024).
3. Мочалова Л. А., Гриненко Д. А. Проблемы и направления экологизации налоговой системы России // Дискуссия. — 2018. — Вып. 91. — С. 70–76.
4. Петрова Т. В. Проблемы правового обеспечения экономического механизма охраны окружающей среды : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2007. — 291 с.
5. Пигу А. Экономическая теория благосостояния : пер. с англ. Т. 1. — М. : Прогресс, 1985. — 512 с.
6. Самуэльсон П. А. Основания экономического анализа / пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. — СПб. : Экономическая школа, 2002. — 604 с.
7. Ситник А. А. «Зеленые» финансы: понятие и система // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 2. — № 63–80.
8. Тюльпанов Ф. М. О предмете экологического права. Проблемы теории экологического права // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2018. — № 3. — С. 62–66.
9. Экологическое право : учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. — М. : Проспект, 2018. — 376 с.
10. Ялбулганов А. А. Правовое регулирование природоресурсных платежей : учеб. пособие. — М. : Юстицинформ, 2021. — 232 с.
11. Aronsson T. On cost benefit rules for green taxes // Environmental & Resource Economics. — 1999. — № 13 (1). — P. 31–43.
12. Huggett C., Hatch P. Green tax or promoting environmentally friendly behavior // URL: <https://www.wolterskluwer.com/en/expert-insights/green-tax-environmentally-friendly-behavior> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Middleton Jr. G. L., McBurney C. M. New energy policy act's «green tax» package will benefit project finance // Strategic Planning for Energy and the Environment. — 1993. — № 12 (4). — P. 23–27.

Материал поступил в редакцию 3 февраля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. «Zelenye» finansy: priority pravovogo regulirovaniya: monografiya / otv. red. E. Yu. Gracheva, Yu. K. Tsaregradskaya. — M.: Prospekt, 2024. — 144 s.
2. Galperin V. M., Ignatev S. M., Morgunov V. I. Mikroekonomika: v 2 t. — SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2004. — URL: https://microeconomica.economicus.ru/index.php?file=17_2 (data obrashcheniya: 01.02.2024).
3. Mochalova L. A., Grinenko D. A. Problemy i napravleniya ekologizatsii nalogovoy sistemy Rossii // Diskussiya. — 2018. — Vyp. 91. — S. 70–76.
4. Petrova T. V. Problemy pravovogo obespecheniya ekonomicheskogo mekhanizma okhrany okruzhayushchey sredy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2007. — 291 s.
5. Pigu A. Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya: per. s angl. T. 1. — M.: Progress, 1985. — 512 s.
6. Samuelson P. A. Osnovaniya ekonomicheskogo analiza / per. s angl. pod red. P. A. Vatnika. — SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2002. — 604 s.
7. Sitnik A. A. «Zelenye» finansy: ponyatie i sistema // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 2. — № 63–80.
8. Tyulpanov F. M. O predmete ekologicheskogo prava. Problemy teorii ekologicheskogo prava // Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. — 2018. — № 3. — S. 62–66.
9. Ekologicheskoe pravo: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. N. G. Zhavoronkova, I. O. Krasnova. — M.: Prospekt, 2018. — 376 s.
10. Yalbulganov A. A. Pravovoe regulirovanie prirodoresursnykh platezhey: ucheb. posobie. — M.: Yustitsinform, 2021. — 232 s.
11. Aronsson T. On cost benefit rules for green taxes // Environmental & Resource Economics. — 1999. — № 13 (1). — P. 31–43.
12. Huggett C., Hatch P. Green tax or promoting environmentally friendly behavior // URL: <https://www.wolterskluwer.com/en/expert-insights/green-tax-environmentally-friendly-behavior> (data obrashcheniya: 01.02.2024).
13. Middleton Jr. G. L., McBurney C. M. New energy policy act's «green tax» package will benefit project finance // Strategic Planning for Energy and the Environment. — 1993. — № 12 (4). — P. 23–27.

Становление экологического налогообложения: принципы и подходы

Аннотация. В настоящее время экологическое налогообложение является признанным инструментом экологической политики государств, направленной на борьбу с изменением климата и защиту окружающей среды. Комплексность задач, стоящих перед государствами при установлении экологических налогов, требует анализа макро- и микроэкономических показателей, а также социальных последствий. Цель статьи состоит в исследовании вопросов внедрения системы экологического налогообложения. В работе рассматриваются экономические концепции использования налогов в качестве средства регулирования экологической сферы, суть экологических налогов и принципы их организации. Анализируются различные модели и концепции налогообложения, их преимущества и недостатки, определяются принципы построения системы экологического налогообложения, а также намечаются пути оптимизации экологической налоговой системы для достижения наилучших экологических и экономических результатов. Дополнительно обращается внимание на потенциальные препятствия, с которыми сталкивается государство при внедрении экологического налогообложения как инструмента экологического регулирования с учетом сложившегося опыта.

Ключевые слова: принципы налогообложения; экологическое налогообложение; природоресурсные налоги; экология; защита окружающей среды; типы налоговых баз; экологическое регулирование; налоги; загрязнение окружающей среды; принцип увеличения экономических издержек загрязнителя.

Для цитирования: Филогин А. Г. Становление экологического налогообложения: принципы и подходы // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 20–26. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026.

Formation of Environmental Taxation: Principles and Approaches

Anton G. Filogin, Advocate; Postgraduate Student, Department of Public Law, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation
agfilogin@gmail.com

Abstract. Currently, environmental taxation is a recognized instrument of States' environmental policy in their fight against climate change and in protecting the environment. The complexity of the tasks that States are facing in setting environmental taxes requires an analysis of macro and microeconomic indicators, as well as social consequences. The purpose of the paper is to study the implementation of the environmental taxation system. The paper examines the economic concepts of using taxes as a means of regulating the environmental sphere, determines the essence of environmental taxes and the principles of their organization. The paper analyzes various models and concepts of taxation, their advantages and disadvantages, determines the principles of building an

© Филогин А. Г., 2025

* Филогин Антон Геннадьевич, адвокат, аспирант департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
agfilogin@gmail.com

environmental taxation system, and elucidates the ways to optimize the environmental tax system to achieve the best environmental and economic results. In addition, the author examines the potential obstacles faced by the State when introducing environmental taxation as an instrument of environmental regulation, taking into account the existing experience.

Keywords: taxation principles; environmental taxation; natural resource taxes; ecology; environmental protection; types of tax bases; environmental regulation; taxes; environmental pollution; the principle of increasing the economic costs of the pollutant.

Cite as: Filogin AG. Formation of Environmental Taxation: Principles and Approaches. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):20-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026.

Стремление многих государств к обеспечению быстрого экономического роста, повышению индикатора подлинного прогресса (GPI) сопровождалось усилением эксплуатации природных ресурсов и соразмерным увеличением негативного воздействия на окружающую среду, что привело к закономерным последствиям в виде возросшего числа климатических катастроф, истощения природных запасов и получения природной среды, непригодной для благополучного существования человечества.

Обеспокоенность мирового сообщества климатическими и экологическими проблемами детерминировала усиление международной кооперации в области экологической безопасности и устойчивого развития. Экологическая политика государств включает комплекс различных мероприятий, в том числе и меры экономического регулирования. Одним из эффективных инструментов государственного экономического регулирования является фискальная система. Установление и взимание различных налогов и сборов позволяет государству не только сформировать источник бюджетных доходов, но и управлять различными экономическими и социальными процессами в государстве, в том числе и экологическими, опираясь на поставленные задачи и цели.

Вопрос взаимосвязи состояния окружающей среды, а также иных внешних факторов и эко-

номического развития был исследован Артуром Пигу, сформулировавшим теорию положительных и отрицательных экстерналий (или внешних издержек), которые в зависимости от типа оказывают противоположное влияние на экономическое развитие. В соответствии с его концепцией налоги могут быть использованы как средство поощрения или ограничения инвестиций в определенные области экономики¹.

Разработанная А. Пигу теория также породила новую классификацию налогов — налоги Пигу. Пигуанским признается налог, взимаемый с продукта или деятельности, оказывающих негативное воздействие на общество, с целью компенсации такого негативного воздействия². Одна из форм негативных экстерналий — загрязнение окружающей среды, а экологические налоги призваны, исходя из теории А. Пигу, за счет налогоплательщиков, чья деятельность детерминирует такой негативный эффект, компенсировать дополнительные затраты государства, вызванные ухудшением состояния окружающей среды. Размер экологического налога, в соответствии с теорией А. Пигу, должен быть равен объему оказываемого негативного воздействия. Между тем применение данного подхода как основы экологического налогообложения является затруднительным ввиду невозможности в ряде случаев проведения денежной оценки оказываемого негативного воздействия³.

¹ *Pigou A. The Economics of Welfare. London : Macmillan, 1932. P. 132.*

² *Kagan J. Pigovian Tax: Definition, Purpose, Calculation, and Examples / reviewed by T. J. Catalano // URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/pigoviantax.asp> (дата обращения: 16.03.2024).*

³ *Baumol W. J., Oates W. E. The Use of Standards and Prices for Protection of the Environment // The Swedish Journal of Economics. 1971. Vol. 73. No. 1. P. 43. URL: <https://doi.org/10.2307/3439132>.*

Альтернативная методика расчета экологических налогов⁴, предложенная Уильямом Баумолем и Уоллесом Уоттлзом, состояла в использовании системы стандартизации качества окружающей среды и допустимого уровня загрязнения, в которой налоги и сборы выступают инструментом обеспечения установленных государством стандартов⁵. В сравнении с пигуанским налогом данная методика не требует определения максимального наносимого ущерба окружающей среде в денежном эквиваленте, а кроме того, может служить стимулом для загрязнителей снижать объемы негативного воздействия посредством дифференциации ставки налогообложения.

Доктринальная разработка вопроса экологического налогообложения сопровождалась закономерным ростом внимания со стороны международного сообщества. Началом становления международных принципов экономического регулирования можно считать введение Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в систему экологического регулирования принципа «загрязнитель платит»⁶, в соответствии с которым государства должны принимать меры, направленные на перераспределение расходов по восстановлению благоприятного состояния окружающей среды на непосредственного загрязнителя путем интеграции расходов на восстановление окружающей среды в стоимость товаров, работ и услуг, оказывающих такое негативное влияние.

В свою очередь, использование непосредственно налогов как средства экологического регулирования было сформулировано ОЭСР в 1991 г. в рамках Рекомендаций по использова-

нию экономических инструментов в экологической политике⁷, в соответствии с которыми налоги и сборы на загрязнение были выделены в качестве одного из инструментов экономического регулирования рационального природопользования и контроля состояния окружающей среды. Как инструмент экологического регулирования, согласно ОЭСР, могут быть использованы следующие группы налогов и сборов:

— налоги и сборы на выбросы (охватывают выбросы загрязняющих веществ в водные объекты, атмосферный воздух, землю, а также шумовое загрязнение);

— налоги и сборы с пользователей, которые подразумевают под собой плату за очистку сточных вод или бытовых отходов;

— налоги и сборы с продукции, производство, использование или утилизация которой оказывает негативное воздействие на окружающую среду.

Несмотря на возрастающее внимание государств к вопросам защиты окружающей среды и использования налоговых механизмов для данных целей, а также доктринальную разработку концепции экологического налогообложения, унифицированного на международном уровне понятия экологических налогов не было, что осложняло систематическое исследование и развитие данного института в мировой практике.

Унифицированное понятие экологических налогов, используемое Европейским Союзом, было сформулировано статистической службой Европейского Союза (Евростат). Согласно ее определению, экологическим налогом признается *налог, налоговой базой у которого выступает физическая единица (или ее экви-*

⁴ Miln J. E., Andersen M. S. Chapter 2: Introduction to environmental taxation concepts and research // Handbook of Research on Environmental Taxation. Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2012. URL: <https://doi.org/10.4337/9781781952146.00009>.

⁵ Baumol W. J., Oates W. E. Op. cit. P. 45.

⁶ Recommendation of the Council on the Implementation of the Polluter-Pays Principle. OECD/Legal/0132, adopted on 14 Nov. 1974 // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0132> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Recommendation of the Council on the Use of Economic Instruments in Environmental Policy OECD/Legal/0258, adopted on 31 Jan. 1991 // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0258> (дата обращения: 16.03.2024).

валент) источника, оказывавшего негативное воздействие на окружающую среду⁸.

Несмотря на то, что понятие экологических налогов, используемое Евростатом для целей статистического учета, предложенное в методических рекомендациях по экологическим налогам, основано на гармонизированной статистической системе, разработанной Евростатом совместно с ОЭСР⁹, в своих отчетах и публикациях ОЭСР не использует понятие «экологические налоги», а применяет собственное — «налог, связанный с окружающей средой», которым признается *обязательный, безответный платеж в пользу государства, налоговая база которого имеет особое значение для окружающей среды*¹⁰. Безответность, а корректнее сказать: безвозмездность, уплаты налогов в пользу государства обусловлена тем, что услуги (выгода, которую граждане получают от государства) не имеют пропорциональной зависимости от объемов уплачиваемых налогов.

Базируясь на предложенных ОЭСР и Евростатом дефинициях, экологическое налогообложение можно определить как систему налогов (а в расширенном понимании и сборов), вводимых государствами в отношении товаров, работ и услуг, жизненный цикл которых имеет негативное воздействие на окружающую среду. Вместе с тем при формировании экологического налогообложения особое значение имеет определение налоговой базы конкретного налога экологической направленности ввиду того, что от корректности и точности выбора физической величины, подлежащей обложению, будет зависеть не только степень охвата объектов негативного воздействия, но и экономический эффект

от создания данной системы. Кроме того, деление экологических налогов на основе налоговой базы представляется наиболее объективным критерием для целей международного сравнения и статистического учета¹¹.

Первоначально в качестве основных баз для экологических налогов Евростат выделял¹²:

- выбросы в атмосферу оксидов азота; оксида серы, содержащегося в ископаемом топливе; иные выбросы в атмосферу;
 - озоноразрушающие вещества (такие как хлорфторуглероды или галон);
 - выбросы сточных вод в водные объекты, включающие в себя: стоки окисляемых веществ (биохимическое и химическое потребление кислорода), иные сточные воды; сбор и очистку сточных вод, а также фиксированные налоги;
 - неточечные источники загрязнения, такие как пестициды, искусственные удобрения (например, фосфорные и азотные) и навоз;
 - сбор и переработку отходов, включая обращение отдельных видов отходов (упаковка, тара из-под напитков, батарейки, шины, смазочные материалы);
 - шумовое загрязнение;
 - энергоносители (бензин, дизельное топливо, сжиженный и природный газ, мазут, уголь, кокс, производство и потребление электроэнергии и теплоснабжения);
 - автотранспортные средства (импорт, продажа, владение транспортными средствами);
 - потребление и добычу природных ресурсов.
- Впоследствии Евростат сгруппировал основные экологические налоговые базы по четырем категориям, которые послужили основанием для формирования основных видов экологических налогов по классификации Евростата.

⁸ Environmental taxes — A statistical guide / Eurostat. Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2001. ISBN: 92-894-1358-1. P. 9. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5854253/KS-39-01-077-EN.PDF/5c97b328-6539-4290-9bca-97dea7b882bd?t=1414780347000> (дата обращения: 21.03.2024).

⁹ Environmental taxes — A statistical guide. 2001. P. 7.

¹⁰ Environmentally Related Taxes in OECD Countries: Issues and Strategies / OECD. Paris : OECD Publishing, 2001. P. 15. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264193659-en>.

¹¹ Environmental taxes — A statistical guide / Eurostat. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2013. ISBN: 978-92-79-33230-2. P. 11. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/5936129/KS-GQ-13-005-EN.PDF> (дата обращения: 21.03.2024).

¹² Environmental taxes — A statistical guide. 2013. P. 10.

В дополнение к сформулированным в 2001 г. типам налоговых баз экологической направленности в 2013 г. в данную классификацию были включены:

- 1) парниковые газы (содержание углекислого газа в топливе, выбросы парниковых газов);
- 2) в раздел, посвященный транспорту:
 - а) плата за пользование дорогами;
 - б) самолеты, корабли, железные дороги в качестве примеров транспортных средств;
 - в) плата за загруженность (или плата за проезд по наиболее загруженному участком города), плата за въезд в город;
 - г) перелеты и авиабилеты;
 - д) страхование транспортных средств;
- 3) сбор за пользование биологическими ресурсам (охота, рыбалка);
- 4) изменение ландшафта и вырубка лесов.

Основываясь на данной классификации налоговых баз, Евростат выделяет четыре вида экологических налогов¹³:

- энергетические (включая углеродные налоги);
- транспортные;
- налоги на загрязнение;
- ресурсные налоги.

В то же время ОЭСР использует иной подход в классификации налогов, связанных с окружающей средой. Дифференциация ОЭСР налогов экологической направленности основана не на различных видах налоговых баз, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, как это делается Евростатом, а в зависимости от совокупного деления по типу экономической активности, налогоплательщику и цели введения налога. Исходя из этого, основное деление ОЭСР налогов, связанных с окружающей средой, включает в себя¹⁴:

- *налоги на продукцию (налог подлежит уплате производителем за единицу производимой продукции либо в зависимости от содержащегося в ней загрязняющего вещества);*
- *налоги на потребление (уплачиваются с продажи конечных товаров потребителям с*

соразмерным увеличением цены продаваемой продукции) — нацелены на изменение модели потребления покупателями продуктов, загрязняющих окружающую среду, в пользу более экологически безопасной продукции;

— *налоги на выбросы загрязняющих веществ*, цель которых — стимулирование сокращения выбросов, в том числе путем технического переоснащения производства.

Между тем различные подходы к формулировке понятия экологических налогов, их видов, а также открытый перечень налоговых баз, которые могут использоваться для классификации налогов в качестве экологических, указывают на необходимость выделения более общих принципов экологического налогообложения, опираясь на которые можно было бы определить, является тот или иной налог экологическим или нет. Кроме того, определение общих принципов экономического налогообложения обеспечивает наличие единого руководства для государств по созданию системы экологического налогообложения, чтобы введенные налоги выполняли свои функции по защите окружающей среды и снижению негативного воздействия.

Такие единые принципы построения системы экологического налогообложения были сформулированы ОЭСР в качестве руководящих принципов для государств¹⁵.

Основываясь на методике ОЭСР, можно выделить:

- *принцип «загрязнитель платит»:* объектом налогообложения является источник загрязнения или активность, приводящая к загрязнению;
- *принцип пропорциональности:* действие налога должно быть пропорционально наносимому экологическому вреду, в том числе за счет применения дифференцированной налоговой ставки;
- *принцип предсказуемости:* система экологического налогообложения должна быть

¹³ Environmental taxes — A statistical guide. 2001. P. 12 ; Environmental taxes — A statistical guide. 2013. P. 13.

¹⁴ Environmentally Related Taxes in OECD Countries: Issues and Strategies. P. 25.

¹⁵ Environmental Taxation. A Guide for Policy Makers / OECD (2011) // URL: <https://www.oecd.org/env/tools-evaluation/48164926.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).

предсказуемой и прозрачной, что будет способствовать общественной и экономической стабильности, стимулировать экологизацию хозяйственной деятельности;

— *принцип гибкости*: система экологического налогообложения должна соответствовать текущему уровню инфляции, стадии экономического развития государства, техническому оснащению, потребностям в области защиты окружающей среды;

— *учет распределительных опасений*: введение экологического налогообложения может оказывать значительное негативное воздействие на уязвимые группы населения, что требует принятия дополнительных мер регулирования;

— *принцип конкурентоспособности*: введение налоговых инструментов экологического регулирования требует особой оценки влияния данных налогов на конкурентоспособность предприятий, чтобы не допустить их миграции в юрисдикции с более низкими экологическими стандартами, а также полного прекращения хозяйственной деятельности.

В дополнение к перечисленным принципам можно добавить еще один, выделяемый Евростатом, — *принцип удорожания экологически вредной продукции или деятельности*, в соответствии с которым в экологическое налогообложение включаются налоги, увеличивающие стоимость конечной экологически вредной продукции, переменные или постоянные затраты на ее производство.

Рассмотренные выше принципы построения системы налогообложения являются отличительными признаками системы экологического налогообложения, отражая ее комплексность и тесную взаимосвязь с различными сферами общественной жизни.

Таким образом, исходя из рассмотренных подходов к определению понятия экологических налогов, а также принципов их формирования, прежде всего необходимо отметить многогранность и неоднозначность данного инструмента экологического регулирования, который, с одной стороны, усложняет процедуру введения налогов и их последующего статистического учета, с другой стороны, выступает гибким инструментом, позволяющим охватить различные типы негативного воздействия на окружающую среду, служит средством достижения разнородных целей экологического управления, стоящих перед государствами. В основе экологического налогообложения лежит принцип увеличения экономических издержек загрязнителя. Однако ввиду сложности социально-экономических процессов реализация данного принципа требует создания четкой системы балансировки частных и публичных интересов, защиты уязвимых групп населения, а также учета глобальных тенденций, чтобы не допустить несправедливого распределения налоговой нагрузки, непропорционального роста экономических затрат, снижения экономической активности и роста социального давления при попытке создания более благоприятных условий окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Титова А. О.* Анализ системы экологического налогообложения Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2017. — № 2. — С. 185–191.
2. *Baumol W. J., Oates W. E.* The Use of Standards and Prices for Protection of the Environment // The Swedish Journal of Economics. — 1971. — Vol. 73. — No. 1. — P. 42–54. — URL: <https://doi.org/10.2307/>.
3. *Kagan J.* Pigovian Tax: Definition, Purpose, Calculation, and Examples / reviewed by T. J. Catalano // URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/pigoviantax.asp> (дата обращения: 16.03.2024).
4. *Miln J. E., Andersen M. S.* Chapter 2: Introduction to environmental taxation concepts and research // Handbook of Research on Environmental Taxation. — Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing, 2012. — URL: <https://doi.org/10.4337/9781781952146.00009>.
5. *Pigou A.* The Economics of Welfare. — London : Macmillan, 1932.

Материал поступил в редакцию 12 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Titova A. O. Analiz sistemy ekologicheskogo nalogooblozheniya Rossiyskoy Federatsii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». — 2017. — № 2. — S. 185–191.
2. Baumol W. J., Oates W. E. The Use of Standards and Prices for Protection of the Environment // The Swedish Journal of Economics. — 1971. — Vol. 73. — No. 1. — P. 42–54. — URL: <https://doi.org/10.2307/>.
3. Kagan J. Pigovian Tax: Definition, Purpose, Calculation, and Examples / reviewed by T. J. Catalano // URL: <https://www.investopedia.com/terms/p/pigoviantax.asp> (data obrashcheniya: 16.03.2024).
4. Miln J. E., Andersen M. S. Chapter 2: Introduction to environmental taxation concepts and research // Handbook of Research on Environmental Taxation. — Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2012. — URL: <https://doi.org/10.4337/9781781952146.00009>.
5. Pigou A. The Economics of Welfare. — London: Macmillan, 1932.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.027-034

М. Б. Добробаба*

Цифровая демократия в России как компонент цифрового государства

Аннотация. В статье рассматривается цифровая демократия как один из компонентов цифрового государства. Цифровая демократия определена как эволюционная трансформация традиционной демократии, обусловленная цифровизацией политико-правового пространства, новый способ политического участия, с помощью которого граждане могут выразить политическую волю, используя информационно-коммуникационные технологии. Установлено, что цифровая демократия на территории страны развивается неравномерно, что обусловлено проблемой цифрового неравенства. К иным проблемам реализации цифровой демократии, требующим решения, относятся: отсутствие процедур, которые бы гарантировали равенство возможностей при подаче гражданами обращений по общественно-политическим вопросам в разных формах (устной, письменной и в форме электронного документа); проблема идентификации и аутентификации субъектов, вступающих во взаимодействие в цифровой среде; проблема отсутствия эффективных инструментов популяризации механизмов электронной демократии среди населения; проблема информационной безопасности. Показано, что цифровая демократия в сравнении с демократией традиционной является более функциональной, обеспечивающей массовое участие граждан в публично-властной деятельности. Принятие концепции развития цифровой демократии окажет позитивное влияние на формирование и реализацию государственной политики в области развития цифровой демократии. Констатируется, что в перспективе развитие цифровой демократии будет направлено на вытеснение нецифровых способов участия граждан в политической жизни страны. Вместе с тем цифровая демократия не должна полностью заменить классическую демократию. Необходимо предоставить право гражданам на отказ от участия в «цифровых» отношениях и возможность выразить свою политическую волю традиционным способом.

Ключевые слова: цифровое государство; демократия; цифровая демократия; цифровое общество; цифровые правоотношения; цифровое неравенство; информационно-коммуникационные технологии; граждане; органы публичной власти; публичная деятельность; государственная политика; права граждан; управление государством; механизмы цифровой демократии; электронное голосование; информационная безопасность.

Для цитирования: Добробаба М. Б. Цифровая демократия в России как компонент цифрового государства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 27–34. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.027-034.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Киберправо»).

© Добробаба М. Б., 2025

* Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
dobrobaba_mb@mail.ru

Digital Democracy in Russia as an Element of the Digital State

Marina B. Dobrobaba, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of IT Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dobrobaba_mb@mail.ru

Abstract. The paper examines digital democracy as one of the elements of the digital state. Digital democracy is defined as an evolutionary transformation of traditional democracy due to the digitalization of the political and legal space, a new way of political participation through which citizens can express political will using information and communication technologies. It has been established that digital democracy in the country is developing non-uniformly, due to the problem of digital inequality. Other problems of the implementation of digital democracy that require a solution include: the lack of procedures that would guarantee equality of opportunity when citizens submit appeals on socio-political issues in various forms (oral/written and in the form of an electronic document); the problem of identification and authentication of subjects entering into interaction in a digital environment; the problem of the lack of effective tools to popularize e-democracy mechanisms among the population; information security problem. It has been shown that digital democracy, in comparison with traditional democracy, is more functional, ensuring the mass participation of citizens in public power activities. The adoption of the concept of the development of digital democracy will have a positive impact on the formation and implementation of public policy in the development of digital democracy. It is stated that in the future, the development of digital democracy will be aimed at crowding out non-digital ways of citizens' participation in the political life of the country. However, digital democracy should not completely replace classical democracy. It is necessary to provide the right of citizens to refuse to participate in «digital» relations and the opportunity to express their political will in the traditional way.

Keywords: digital state; democracy; digital democracy; digital society; digital legal relations; digital inequality; information and communication technologies; citizens; public authorities; public activities; public policy; citizens' rights; government; digital democracy mechanisms; electronic voting; information security.

Cite as: Dobrobaba MB. Digital Democracy in Russia as an Element of the Digital State. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):27-34. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.027-034.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program («Cyber Law» Competence Center).

В настоящее время под воздействием цифровых технологий происходит глобальная трансформация общественных отношений, что неизбежно приводит к цифровой эволюции общества. При этом в алгоритме цифровой эволюции общества построение цифрового государства — этап, предшествующий построению цифрового общества¹.

Концепция «цифрового государства» является многокомпонентной и включает в себя, наряду с цифровым правительством, цифровым правосудием, цифровыми избирательными тех-

нологиями и цифровым общественным контролем, также такую составляющую, как цифровая демократия².

Термин «демократия» (греч. *demokratia*) появился в V в. до н. э. в Греции, которая считается колыбелью демократии, что означает буквально «правление народа».

Традиционная демократия — один из институтов конституционного права. Одной из ее форм является *прямая* демократия, осуществляемая которую граждане принимают решения не через представителей и законодательные

¹ Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 32–41.

² См.: Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. № 5 (133). С. 47–52.

органы, а непосредственно осуществляя свои политические права.

Представительная демократия реализуется посредством выборов. Примечательно, что в современных государствах представительная демократия стала ведущей формой участия граждан в управлении государством.

Наряду с традиционной демократией участие граждан в общественно-политической жизни общества осуществляется с помощью такой ее особой формы, как цифровая демократия (digital democracy), или электронная (electronic democracy), что присуще именно цифровому государству. В юридической литературе иногда в качестве синонима используют термин «кибер-демократия».

Возникновение цифровой демократии связывают с появлением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Вместе с тем цифровую демократию не следует противопоставлять демократии традиционной, поскольку обе они преследует одну и ту же цель — непосредственное осуществление народом суверенной власти³.

Являясь инновационной формой традиционной демократии, обусловленная цифровизацией политико-правового пространства цифровая демократия нашла отражение в ряде стратегических и концептуальных документов, в частности в *Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г.*, в соответствии с которой *электронная демократия является формой организации общественно-политической деятельности граждан*, которая обеспечивает качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими

структурами, достигаемый за счет широкого применения ИКТ⁴.

В этих условиях цифровая демократия позволяет обеспечить более широкое и активное участие граждан в общественно-политической жизни, с помощью которого они могут выражать свою политическую волю посредством ИКТ.

Впервые Кеннет Л. Хакер и Ян ван Дейк использовали термин digital democracy в целях раскрытия особенностей отношений, складывающихся между государством и технологиями, в качестве «набора попыток практиковать демократию без ограничений во времени, пространстве и других физических условий» для *дополнения традиционной демократии*⁵.

Цифровая демократия в нашей стране, как и в других государствах мира, только развивается. Соответственно, правовой институт цифровой демократии не сформирован, речь идет только об определении его общих рамок.

Развитие цифровой демократии в России осуществляется в соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»⁶, где в качестве ключевых задач применения ИКТ для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства обозначено «*совершенствование механизмов электронной демократии*» (пп. «ж» п. 40). Одновременно указывается на развитие технологий электронного взаимодействия граждан с государством при сохранении возможности такого взаимодействия без применения ИКТ (пп. «д» п. 40).

Цифровая демократия реализуется в рамках механизма, включающего ряд составляющих:

1. Во-первых, составляющей механизма цифровой демократии является *электронное*

³ Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2 (14). С. 14.

⁴ Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года // URL: <http://edemocrata.ru/s/blog/msg?textId=10292940> (дата обращения: 22.01.2021).

⁵ Hacker K. L., Dijk J. What Is Digital Democracy? // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. CA : SAGE Publications, 2000. P. 1–9.

⁶ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

голосование⁷. Нормативное определение «электронного голосования» содержится в п. 62 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 15.05.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁸, в соответствии с которым электронное голосование представляет собой «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства». Проведение электронного голосования предполагает использование электронного бюллетеня и комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы».

Особое значение имеет электронное голосование по вопросам социально-экономического развития страны, а также совершенствования государственного и муниципального управления, осуществляемого посредством интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», используя который граждане могут выдвигать и рассматривать гражданские инициативы. Данный ресурс функционирует в соответствии с правилами, утвержденными Указом Президента РФ от 04.03.2013 № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”»⁹.

Среди реализованных общественных инициатив, результатом которых стало принятие соответствующего федерального закона, — «введение минимально допустимого уровня содержания спирта в крови», «введение на пешеходных переходах диагональной разметки “зебры”», «сохранение номера мобильного телефона при переходе от одного оператора связи к другому» и др. В настоящее время в числе наиболее популярных инициатив, находящихся на рассмотрении, — «снижение возраста уголовной ответственности в свете реальной общественной опасности деяний малолетних»,

«запрет работать мигрантам во всех сферах экономики России», «введение уроков медицины в школах», «изменение миграционного законодательства в части получения гражданства РФ» и др.

2. Другой составляющей механизма цифровой демократии является *сетевая коммуникация граждан с органами публичной власти*, с помощью которой граждане контролируют их деятельность и воздействуют на принятие решений, в том числе посредством массовых обсуждений. Используя сетевую коммуникацию, например, такая категория граждан, как инвалиды, не имея возможности физически контактировать, могут обсуждать волнующие их проблемы. Это же касается и граждан, отдаленных территориально. Пример применения данного механизма цифровой демократии — реализация интернет-дебатов, организуемых в период предвыборных агитаций, участники которых обсуждают перспективы развития избирательных округов, задачи, стоящие перед кандидатами, и другие актуальные вопросы.

Примечательно, что в настоящее время процедура обсуждения гражданами законопроектов упорядочена, что позволяет учитывать общественное мнение при законотворческой деятельности. Так, в соответствии с пп. «а» п. 1 Указа Президента РФ от 09.02.2011 № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных и федеральных законов»¹⁰, на общественное обсуждение направляются «законопроекты, затрагивающие основные направления государственной политики в области социально-экономического развития Российской Федерации». Такие законопроекты размещаются на специально созданных сайтах в сети Интернет (пп. «б» п. 1).

3. *Онлайн-сообщества* граждан являются, по сути, аналогом объединений граждан в онлайн-среде, посредством которых участники сообщества планируют и организуют онлайн-

⁷ Домнина А. В. Развитие механизмов электронной демократии в современной Российской Федерации // Вестник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (2). С. 70–73.

⁸ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

⁹ СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

¹⁰ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 939.

мероприятия. Примером таких мероприятий могут служить акции, флешмобы. Так, 22 августа 2024 г. на сайте Музея Победы состоялся онлайн-флешмоб «Цвета Российского флага», в котором приняли участие около 5 тыс. человек¹¹; 89 регионов России прислали свои работы на флешмоб; из всех работ Музей Победы, крупнейший оператор платного ТВ в России «Триколор» и телеканал «День Победы» развернули единый виртуальный флаг Российской Федерации.

4. *Сетевая онлайн-коммуникация граждан*, осуществляемая на специализированных интернет-ресурсах в социальных сетях и блогах, с помощью которой организуется коллективное обсуждение социальных и общественно-политических вопросов.

5. *Общественное онлайн-управление* на муниципальном уровне, реализуемое с помощью городских интернет-форумов и социальных сетей, направленное на решение определенных проблем определенной группы людей. Примером названного механизма является Форум местного и общественного самоуправления «#НАМЕСТАХ.РФ»¹², который проходит ежегодно во всех федеральных округах. В Форуме принимает участие более 3 тыс. человек, его участниками являются активисты органов ТОС, старосты сельских населенных пунктов, представители общественных палат и советов, НКО, представители органов государственной и муниципальной власти, СМИ, эксперты и ученые. Направленность Форума обусловлена необходимостью консолидации гражданского общества на местном уровне. Вместе с тем, несмотря на серьезный потенциал, названный механизм цифровой демократии наименее распространен.

Сопоставляя цифровую и традиционную демократию, можно сделать вывод, что цифровую демократию следует рассматривать как этап эволюции традиционной демократии, учитывая,

что ее применение позволяет улучшить процесс взаимодействия граждан с субъектами публичной власти.

Цифровая демократия предоставляет новые возможности для участия общества в публичном управлении, создавая для этого необходимые условия:

- расширяется охват граждан, участвующих в публичной деятельности, увеличивается их заинтересованность в таком участии;
- снижаются управленческие затраты;
- реализуются общественные интересы на всех стадиях публичной деятельности¹³;
- обратная связь от власти к обществу становится более эффективной;
- государственным органам предоставляется информация о гражданской активности, а гражданам — о качестве проводимой государственной политики;
- снижается уровень бюрократизации государственного аппарата и уменьшаются коррупционные риски в публичном управлении;
- нивелируется риск фальсификации результатов волеизъявления населения;
- граждане, проживающие в отдаленных местностях, могут участвовать в политическом процессе.

Учитывая перечисленные возможности, цифровая демократия в сравнении с традиционной является более функциональной, обеспечивающей массовое участие граждан в публично-властной деятельности.

Цифровая демократия в России развивается неравномерно. Наиболее форсированно она внедряется в мегаполисах. Так, Москва, как город федерального значения и столица Российской Федерации, является примером внедрения инноваций, в том числе цифровой демократии, не только в масштабе России, но и в мировом. Правительство Москвы имплементирует новые формы цифровой демократии, к числу которых

¹¹ Онлайн-флешмоб «Цвета Российского Флага», 2024 // URL: <https://victorymuseum.ru/online-programs/competition/onlayn-fleshmob-tsveta-rossiyskogo-flaga-2024/> (дата обращения: 22.08.2024).

¹² URL: <https://форумнаместах.рф>.

¹³ Лолаева А. С. Электронная демократия в России: юридическая форма и доктринальная интерпретация // Журнал российского права. 2023. № 4. С. 37–47.

относятся: система электронного голосования¹⁴, доказавшая свою надежность; краудсорсинговая платформа Правительства Москвы crowd.mos.ru «Город идей», предоставляющая возможность жителям Москвы предлагать идеи по развитию города¹⁵. С помощью данной платформы были реализованы такие краудсорсинг-проекты, как «Московская поликлиника», «Мой техноград», «Комфортная Москва», «Предпринимай», «Москва читающая», «Мой спортивный район», «Питомцы в Москве», «Умный город — 2030», «Город спорта»; многие другие краудсорсинг-проекты находятся в стадии реализации. Еще пример развития цифровой демократии — проект «Активный гражданин», площадка для электронного голосования, помогающая решать вопросы развития города¹⁶. В Москве на портале mos.ru активно функционируют сервисы государственных услуг¹⁷. Эффективный инструмент управления многоквартирным домом в Москве — платформа «Электронный дом», созданная для взаимодействия жителей и управляющих организаций¹⁸.

В научной литературе обращается внимание и на ряд *проблем и препятствий* в применении механизмов цифровой демократии, в числе которых¹⁹:

- 1) отсутствие процедуры, гарантирующей равенство возможностей при подаче гражданами обращений по общественно-политическим вопросам в разных формах (устной, письменной и в форме электронного документа);
- 2) проблема цифрового неравенства²⁰;
- 3) проблема идентификации и аутентификации субъектов, вступающих во взаимодействие в цифровой среде;

4) проблема отсутствия эффективных инструментов популяризации механизмов электронной демократии среди населения;

5) проблема информационной безопасности.

Следует признать, что в законодательстве отсутствует нормативное закрепление термина «цифровая демократия» и связанных с ним понятий, составляющих содержание рассматриваемого правового института, не определены принципы реализации цифровой демократии. Полагаем, разработка понятийного аппарата, принятие концепции развития цифровой демократии окажут позитивное воздействие на формирование и реализацию государственной политики в области развития цифровой демократии.

Перспективы развития в России цифровой демократии обусловлены потребностями цифровизации политико-правовых процессов, связанных с формированием в России цифрового государства. По мере качественного развития цифрового государства будут вытесняться традиционные, нецифровые способы участия граждан в публичной деятельности, а сама цифровая демократия утратит признак инновационности.

В то же время цифровая демократия не должна полностью заменить классическую демократию, поскольку нельзя недооценивать риск того, что граждане, которые отказываются от участия в цифровых правоотношениях, будут отстранены от участия в публичной деятельности²¹. В связи с этим согласимся с предложением В. Б. Наумова законодательно закрепить право граждан на отказ от участия в ряде «цифровых»

¹⁴ См.: Закон г. Москвы от 10.06.2020 № 10 «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования» // Ведомости Московской городской Думы. 2020. № 4. Ст. 45.

¹⁵ Платформа Правительства Москвы «Город идей». URL: <https://crowd.mos.ru/> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁶ Проект «Активный гражданин». URL: <https://ag.mos.ru/about> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁷ Портал госуслуг Москвы. URL: <https://www.mos.ru/uslugi/> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁸ Платформа «Электронный дом». URL: <https://ed.mos.ru/> (дата обращения: 22.08.2024).

¹⁹ Чеботарева А. А., Чеботарева А. А. Механизмы электронной демократии: возможности и проблемы их реализации в Российской Федерации // Правовая информатика. 2012. № 3. С. 53.

²⁰ См.: Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг. 2016. № 5. С. 165.

²¹ Денисов Д. С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. 2023. № 12. С. 128–135.

отношений²², что могло бы стать инструментом обеспечения баланса между публичными интересами государства и правами отдельных граждан. При этом важно разработать механизм защиты прав лиц, отказавшихся от применения цифровых технологий либо не имеющих такой возможности.

Выводы

1. Установлено, что цифровая демократия является одним из компонентов цифрового государства и представляет собой эволюционную трансформацию традиционной демократии, обусловленную цифровизацией политико-правового пространства, новый способ политического участия, с помощью которого граждане могут выразить свою политическую волю, используя ИКТ.

2. Выявлены преимущества цифровой демократии и проблемы, возникающие при ее реализации. Основные преимущества цифровой демократии: расширение охвата граждан, участвующих в публичной деятельности; увеличение их заинтересованности в таком участии; снижение управленческих затрат; нивелирование риска фальсификации результатов волеизъявления населения; предоставление возможности гражданам, проживающим в отдаленных местностях, участвовать в политическом процессе; увеличение эффективности обратной связи от власти к обществу; снижение уровня бюрократизации государственного аппарата и уменьшение коррупционных рисков в публичном управлении и др.

Учитывая перечисленные возможности, цифровая демократия в сравнении с традиционной является более функциональной, обеспечивающей массовое участие граждан в публично-властной деятельности.

Вместе с тем цифровая демократия на территории страны развивается неравномерно, что обусловлено проблемой цифрового неравенства. К другим проблемам реализации цифровой демократии относятся: отсутствие процедур, которые бы гарантировали равенство возможностей при подаче гражданами обращений по общественно-политическим вопросам в разных формах (устной, письменной и в форме электронного документа); проблема идентификации и аутентификации субъектов, вступающих во взаимодействие в цифровой среде; проблема отсутствия эффективных инструментов популяризации механизмов электронной демократии среди населения; проблема информационной безопасности.

3. В силу отсутствия концепции развития цифровой демократии в российском законодательстве нормативно не закреплены: дефиниция «цифровая демократия», связанные с ней понятия, принципы цифровой демократии. Принятие концепции развития цифровой демократии и разработка соответствующего понятийного аппарата окажут позитивное влияние на формирование и реализацию государственной политики в области развития цифровой демократии.

4. В перспективе развитие цифровой демократии будет направлено на вытеснение традиционных, нецифровых способов участия граждан в политической жизни страны. Но цифровая демократия не должна полностью заменить классическую демократию. Представляется необходимым предоставить гражданам право на отказ от участия в «цифровых» отношениях и возможность выразить свою политическую волю традиционным способом. Подобный подход будет способствовать обеспечению баланса между публичными интересами государства и правами отдельных граждан.

²² См.: Наумов В. Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Четвертые Бачиловские чтения : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. М. : Институт государства и права РАН, 2022. С. 78–84.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арзамасов Ю. Г., Арзамасов В. Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления деятельности // Вестник Гуманитарного университета. — 2023. — № 4 (43). — С. 32–41.
2. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг. — 2016. — № 5. — С. 163–182.
3. Денисов Д. С. Цифровые экосистемы и право на отказ от технологий // International Journal of Open Information Technologies. — 2023. — № 12. — С. 128–135.
4. Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2022. — № 2 (14). — С. 14–20.
5. Домнина А. В. Развитие механизмов электронной демократии в современной Российской Федерации // Вестник Нижегородского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского. — 2014. — № 3 (2). — С. 70–73.
6. Лолаева А. С. Электронная демократия в России: юридическая форма и доктринальная интерпретация // Журнал российского права. — 2023. — № 4. — С. 37–47.
7. Наумов В. Б. Отказ от цифровых технологий: абсурд или новое право человека и гражданина // Четвертые Бачиловские чтения : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. — М. : Институт государства и права РАН, 2022. — С. 78–84.
8. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. — 2021. — № 5 (133). — С. 47–52.
9. Чеботарева А. А. Механизмы электронной демократии: возможности и проблемы их реализации в Российской Федерации // Правовая информатика. — 2012. — № 3. — С. 49–53.
10. Hacker K. L., Dijk J. What Is Digital Democracy? // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. — CA : SAGE Publications, 2000. — P. 1–9.

Материал поступил в редакцию 26 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arzamasov Yu. G., Arzamasov V. Yu. Tsifrovoye gosudarstvo: ponyatie, osnovnyye napravleniya deyatel'nosti // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. — 2023. — № 4 (43). — S. 32–41.
2. Volchenko O. V. Dinamika tsifrovogo neravenstva v Rossii // Monitoring. — 2016. — № 5. — S. 163–182.
3. Denisov D. S. Tsifrovyye ekosistemy i pravo na otkaz ot tekhnologiy // International Journal of Open Information Technologies. — 2023. — № 12. — S. 128–135.
4. Dzidzoev R. M., Lolaeva A. S. Tsifrovaya (elektronnaya) demokratiya v Rossii: ponyatie i predely // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 2 (14). — S. 14–20.
5. Domnina A. V. Razvitie mekhanizmov elektronnoy demokratii v sovremennoy Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta imeni N.I. Lobachevskogo. — 2014. — № 3 (2). — S. 70–73.
6. Lolaeva A. S. Elektronnaya demokratiya v Rossii: yuridicheskaya forma i doktrinal'naya interpretatsiya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 4. — S. 37–47.
7. Naumov V. B. Otkaz ot tsifrovyykh tekhnologiy: absurd ili novoe pravo cheloveka i grazhdanina // Chetvertye Bachelovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / отв. ред. Т. А. Polyakova, А. V. Minbaleev, V. B. Naumov. — М.: Institut gosudarstva i prava RAN, 2022. — S. 78–84.
8. Ponkin I. V. Kontsept tsifrovogo gosudarstva: ponyatie, priroda, struktura i ontologiya // Gosudarstvennaya sluzhba. — 2021. — № 5 (133). — S. 47–52.
9. Chebotareva A. A. Mekhanizmy elektronnoy demokratii: vozmozhnosti i problemy ikh realizatsii v Rossiyskoy Federatsii // Pravovaya informatika. — 2012. — № 3. — S. 49–53.
10. Hacker K. L., Dijk J. What Is Digital Democracy? // Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. — CA: SAGE Publications, 2000. — P. 1–9.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.035-043

Е. Е. Леканова*

Проблемы правовой регламентации сберегательных сертификатов

Аннотация. До 2018 г. сберегательный сертификат был весьма привлекательным и популярным банковским продуктом, однако после внесения в законодательство изменений, приведших к упразднению предъявительских сберегательных сертификатов, кредитные организации перестали их выпускать. Кроме того, кредитные организации предпочитают не выпускать именные сберегательные сертификаты, так как им более выгодно размещение денежных средств населения во вклады, не удостоверенные сберегательными сертификатами. В статье дана оценка причин запрета предъявительских сертификатов, установлена их недостаточная обоснованность. Актуальность исследуемой темы обусловлена не только наличием вышеозначенной правовой проблемы, которая требует законотворческой реакции, но и возросшей за последние два года потребностью российской экономики в «длинных деньгах». Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. предложил на уровне законодательства предусмотреть специальные условия по размещению безотзывных сертификатов, которые стимулировали бы население вкладывать в них денежные средства. В статье проанализирована идея выпуска безотзывных сертификатов и оценены условия их размещения с точки зрения их привлекательности для населения.

Ключевые слова: сберегательный сертификат; ценные бумаги; именной сберегательный сертификат; предъявительский сберегательный сертификат; банк; кредитная организация; страхование вкладов; безотзывный сберегательный сертификат; срочный вклад; документарная ценная бумага.

Для цитирования: Леканова Е. Е. Проблемы правовой регламентации сберегательных сертификатов // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 35–43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.035-043.

Problems of Legal Regulation of Savings Certificates

Ekaterina E. Lekanova, Postgraduate Student, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl,
Russian Federation
lekanova.katya@yandex.ru

Abstract. Until 2018, the savings certificate was a very attractive and popular banking product. However, after amendments to legislation that led to the abolition of presenting savings certificates, in 2018 credit organizations stopped issuing them. In turn, credit organizations prefer not to issue registered savings certificates, since it is more profitable for them to place funds of the population in deposits that are not certified by savings certificates.

© Леканова Е. Е., 2025

* Леканова Екатерина Евгеньевна, аспирант Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Российская Федерация, 150003
lekanova.katya@yandex.ru

The paper assesses the reasons for the prohibition of presenting certificates, establishes their insufficient validity. The paper is relevant since it examines not only the aforementioned legal problem, which requires a legislative reaction, but also the increased need of the Russian economy for «long money» over the past two years. The President of the Russian Federation in his Address to the Federal Assembly in February 2024 proposed to provide special conditions for the placement of irrevocable certificates that would stimulate the population to invest in them at the level of legislation. The paper analyzed the idea of issuing irrevocable certificates and evaluates the conditions for their placement in terms of their attractiveness to the population.

Keywords: savings certificate; securities; personal savings certificate; bearer savings certificate; bank; credit institution; deposit insurance; irrevocable savings certificate; term deposit; documentary security.

Cite as: Lekanova E.E. Problems of Legal Regulation of Savings Certificates. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):35-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.035-043.

В современный период развития отечественной экономики острой является проблема нехватки долгосрочных ресурсов в банковской системе России. В качестве источника восполнения долгосрочных банковских активов могут выступать сберегательные сертификаты.

Сберегательный сертификат представляет собой документарную ценную бумагу, удостоверяющую сумму вклада, внесенного в банк, и право вкладчика (держателя сертификата), являющегося физическим лицом, на получение по истечении установленного срока суммы вклада и обусловленных в сертификате процентов в банке, выдавшем сертификат¹.

Банковский сертификат — документарная ценная бумага, документ, удовлетворяющий требованиям закона и гарантирующий обязательственные и иные права, реализовывать или передавать которые возможно только при предъявлении самого сертификата. Сберегательный сертификат относится к числу неэмиссионных ценных бумаг, то есть присутствует определенная простота процедуры выпуска данной ценной бумаги². Сберегательный сер-

тификат обладает признаком формальности, который заключается в наличии реквизитов, составляющих элементы формы банковского сертификата. Оборотоспособность сберегательного сертификата проявляется в его способности выступать предметом гражданско-правовых сделок. Вместе с тем, как отмечает В. А. Одинокоев, банковский сертификат не может служить расчетным и платежным средством за товары и услуги³.

Сберегательный сертификат является процентной ценной бумагой⁴. Выплата процентов по сертификату осуществляется кредитной организацией одновременно с погашением сертификата при его предъявлении. В случае досрочного предъявления сертификата выплачивается сумма вклада и проценты, выплачиваемые по вкладам до востребования, если условиями сертификата не установлен иной размер процентов. Если срок получения вклада по сертификату просрочен, то кредитная организация несет обязательство оплатить означенные в сертификате суммы вклада и процентов по первому требованию его владельца. За период с даты востребования сумм по сертификату до

¹ См.: Базовый курс по рынку ценных бумаг : учеб. пособие / О. В. Ломтатидзе, М. И. Львова, А. В. Болотин [и др.]. М. : Кнорус, 2010. С. 171 ; Никифорова В. Д. Рынок ценных бумаг : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 25 ; Мацквичене Е. В. Доходы от размещения средств в банках // Бухгалтерский учет. 2013. № 1. С. 72–75 ; Бычков А. И. Сберегательный (депозитный) сертификат // Бухгалтерский учет. 2013. № 8. С. 117–119.

² См.: Прокофьева Е. Н. Депозитные и сберегательные сертификаты: экономические преимущества и проблемы использования // Известия Байкальского государственного университета. 2018. № 3. С. 436.

³ См.: Одинокоев В. А. Рынок ценных бумаг : учебно-методическое пособие. М. : Московский университет имени С.Ю. Витте, 2016. С. 53.

⁴ См.: Прокофьева Е. Н. Указ. соч. С. 436.

даты фактического предъявления сертификата к оплате проценты не выплачиваются⁵.

Сберегательный сертификат, помимо того что выполняет свои функции как ценной бумаги, является еще и документом, выдача которого банком вкладчику означает заключение договора банковского вклада⁶. Как следует из ст. 836 ГК РФ, договор банковского вклада под угрозой ничтожности должен быть заключен в письменной форме. Привлечение средств во вклады оформляется договором в письменной форме в двух экземплярах, один из которых выдается вкладчику (ч. 2 ст. 36 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁷). К надлежащей письменной форме договора приравнивается оформление договора банковского вклада: сберегательной книжкой; сберегательным или депозитным сертификатом; иным выданным банком вкладчику документом, отвечающим требованиям, предусмотренным законом для таких документов⁸.

При анализе аспектов правовой регламентации сберегательных сертификатов нужно исходить из того, что сам факт включения ст. 844 ГК РФ, посвященной банковским сертификатам, в гл. 44 ГК РФ и указание на то, что сертификаты удостоверяют факт внесения вкладчиком в банк

суммы вклада, свидетельствуют о том, что общие положения о вкладе распространяются и на вклады, удостоверенные банковскими сертификатами, с учетом особенностей, установленных статьей 844 ГК РФ⁹.

До 2018 г. отношения по выпуску, оформлению, приобретению и погашению сберегательных сертификатов регулировались Положением о сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций от 10.02.1992 (далее — Положение о сертификатах 1992 г.)¹⁰. В указанный период сберегательный сертификат был весьма привлекательным и популярным банковским продуктом. Лидером на рынке сберегательных сертификатов являлось ПАО «Сбербанк», доля которого на данном рынке по состоянию на 2015 г. составляла 94,5 % (342,4 млрд руб.). Гражданское законодательство до вступления в силу Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ¹¹ допускало обращение как *именных, так и предъявительских сертификатов* (п. 2 ст. 844 ГК РФ в ред. до 1 июня 2018 г.; п. 3 Положения о сертификатах 1992 г.).

Данные сертификаты различались в зависимости от «способа легитимации держателя бумаги»¹² («способа легитимации лица, имеющего возможность требовать исполнения по бумаге»¹³). Предъявительские ценные бумаги

⁵ См.: *Одинокое В. А.* Указ. соч. С. 54.

⁶ См.: *Соколова Е. А.* О форме договора банковского вклада (гражданско-правовой аспект) // *Фундаментальные исследования.* 2009. № 7. С. 76.

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

⁸ См.: *Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. С. А. Степанова.* М. : Проспект, 2017. С. 333.

⁹ *Афанасьев А. Б.* Правовое регулирование сберегательных и депозитных сертификатов // *Хозяйство и право.* 2020. № 11. С. 103.

¹⁰ Положение о сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций (утв. письмом ЦБ РФ от 10.02.1992 № 14-3-20 (ред. 29.11.2000)) // *Вестник Банка России.* 2000. № 66–67.

¹¹ Федеральный закон от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4761.

¹² *Роднова О. М., Чуваков В. Б.* Вклад Е. А. Крашенинникова в развитие российского права ценных бумаг // *Демидовский юридический журнал.* 2023. № 3. С. 319 ; *Крашенинников Е. А.* Предъявительские ценные бумаги // *Очерки по торговому праву : сборник науч. трудов.* Вып. 1. Ярославль, 1994. С. 45–46.

¹³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ.* 2009. № 11. С. 82.

обращаются путем простого вручения¹⁴. Исходя из положения п. 2 ст. 143 ГК РФ, *предъявительский сберегательный сертификат* представлял собой документарную ценную бумагу, по которой права требования имел ее фактический владелец. В свою очередь, в соответствии с нормой п. 16 Положения о сертификатах 1992 г., права, удостоверенные именованным сертификатом, передаются в порядке, установленном для уступки требований (цессии). Уступка требования по именованному сертификату оформляется на оборотной стороне такого сертификата или на дополнительных листах (приложениях) к именованному сертификату двусторонним соглашением лица, уступающего свои права (цедента), и лица, приобретающего эти права (цессионария). Необходимо обратить внимание на то, что до 1 июня 2018 г. совершенная цессия не требовала внесения записи в систему учета кредитной организации. Толкуя в системной взаимосвязи п. 16 Положения о сертификатах 1992 г. и п. 4 ст. 143 ГК РФ, мы приходим к выводу, что *именной сберегательный сертификат* до 1 июня 2018 г. являлся документарной ценной бумагой, по которой право требования имел владелец, на имя которого она выдана, или владелец, к которому она перешла в порядке уступки требования (цессии).

Банки выпускали предъявительские сертификаты, так как по ним, в отличие от именных, закон не требовал отчислять взносы в Агентство по страхованию вкладов. Так, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»¹⁵ (ред. от 23.04.2018) и п. 2 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2004

№ 96-ФЗ «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации»¹⁶ (ред. от 23.04.2018) не подлежали страхованию средства, размещенные физическими лицами в банковские вклады на предъявителя, удостоверенные сберегательными сертификатами. Именные же сертификаты подпадают под систему страхования вкладов. При банкротстве банка и отзыве у него лицензии на совершение банковских операций согласно ч. 2 ст. 11 Закона о страховании вкладов в банках Российской Федерации только держатели именных сертификатов попадут в список лиц, которым Агентство по страхованию вкладов и Центральный банк предоставят страховое возмещение в размере не более 1,4 млн руб. Сертификаты на предъявителя (до их запрета) оплачивались только лишь после объявления банка банкротом наравне с физическими лицами, вложения которых превышали 1,4 млн руб.

В 2018 г. регулирование отношений по выпуску, оформлению, приобретению и погашению сберегательных сертификатов претерпело серьезные изменения, вызванные рассмотрением и принятием законопроекта¹⁷, внесенного в Государственную Думу в 2016 г. Было принято новое положение о банковских сертификатах — положение Банка России от 03.07.2018 № 645-П «О сберегательных и депозитных сертификатах кредитных организаций»¹⁸. Были *упразднены предъявительские сберегательные сертификаты*. А. Б. Афанасьев отмечает, что, исключая предъявительские сертификаты из гражданского оборота, законодатель серьезно обесценил

¹⁴ См.: *Жарковская Е. П.* Банковское дело : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит». М. : Омега-Л, 2012. С. 268.

¹⁵ СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

¹⁶ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3232.

¹⁷ Проект федерального закона № 1006906-6 «О внесении изменений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования операций кредитных организаций со сберегательными (депозитными) сертификатами и обращения ценных бумаг на предъявителя)» (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29 февраля 2016 г.) // URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1021056808> (дата обращения: 17.03.2024).

¹⁸ Вестник Банка России. 2018. № 88.

регулирование договора банковского вклада, сократив для вкладчика возможность выбора способов размещения денежных средств¹⁹.

Анализ причин упразднения предъявительских сертификатов позволит сделать вывод о наличии или отсутствии необходимости вернуть банкам возможность привлечения денежных средств населения в предъявительские сертификаты. Рассмотрим данные причины. Во-первых, как было указано в пояснительной записке к законопроекту²⁰, с точки зрения законодательства о противодействии коррупции, легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма сертификаты на предъявителя имеют серьезные недостатки, поскольку позволяют идентифицировать только лицо, которому был выдан сертификат, и предъявителя к погашению, но не иных лиц, участвующих в обороте. Во-вторых, практике известны случаи мошенничества, когда первоначальный владелец отчуждал предъявительский сберегательный сертификат добросовестному приобретателю, а затем предъявлял заявление о его утрате и добивался его недействительности в судебном порядке, а приобретатель в итоге лишился права на получение денежных средств по этому сертификату. В-третьих, отсутствие выплат по предъявительским сертификатам при наступлении страхового случая в банке-эмитенте потенциально способно привести к волнениям среди вкладчиков, поскольку не обладающие должной финансовой грамотностью граждане могут полагать, что их банковские вложения застрахованы²¹.

На наш взгляд, указанные причины не являются достаточно состоятельными. Во-первых, по мотивам борьбы с коррупцией и с легализацией преступных доходов, если следовать логике авторов законопроекта, придется запретить также иные предъявительские цен-

ные бумаги и наличные денежные средства, а этого законодатель не планирует, что говорит о необоснованной дифференциации правового регулирования в области предъявительских ценных бумаг. Во-вторых, в заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по анализируемому законопроекту справедливо указано, что «в пояснительной записке отсутствует статистика и иные данные, на основании которых разработчики пришли к выводу о том, что применение сберегательных сертификатов на предъявителя создает избыточные риски для добросовестных участников гражданского оборота, снижает эффективность антикоррупционного законодательства, мер по борьбе с отмыванием денег»²². Кроме того, статья 147.1 ГК РФ содержит правовые гарантии для добросовестных приобретателей предъявительских ценных бумаг. В-третьих, согласно презумпции знания закона, каждый субъект права должен знать законодательство, под действие которого он подпадает, а незнание норм права и по этой причине их игнорирование, нарушение не освобождает этого субъекта от неблагоприятных с его точки зрения последствий и (или) предусмотренной законодательством санкции. В большинстве случаев субъекты гражданского права, прежде чем купить что-либо (вещи, ценные бумаги и др.), изучают характеристики приобретаемого имущества, в число которых в отношении сберегательных сертификатов входят особенности страхования и налогообложения доходов по ним.

В свою очередь, в выпуске именных сберегательных сертификатов банки не заинтересованы, так как именные сберегательные сертификаты и срочные вклады, не удостоверенные ими, практически ничем не отличаются. Право требования по вкладу, не удостоверенному бан-

¹⁹ См.: Афанасьев А. Б. Указ. соч. С. 104.

²⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1006906-6 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1006906-6> (дата обращения: 17.03.2024).

²¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 1006906-6.

²² Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 25.04.2016 № 152-6/2016 по проекту федерального закона № 1006906-6 // URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1021041236> (дата обращения: 17.03.2024).

ковским сертификатом, может переходить по уступке требования²³ так же, как право требования по именному сберегательному сертификату, а по предъявительскому сертификату переход права требования осуществляется более легким и мобильным путем (вручением сертификата). И по именным сертификатам, и по срочным вкладам, не удостоверенным ими, необходимо отчислять страховые взносы, а по предъявительским сертификатам — не требуется, что весьма выгодно для кредитных организаций. Кроме того, для выпуска сберегательных сертификатов требуются специальные бланки, а для вкладов, не удостоверенных ими, — нет. Стоит отметить, что до 2018 г. обслуживание сберегательных сертификатов курировал, как правило, специальный отдел в кредитной организации, что, соответственно, увеличивало расходы. Из этого следует, что открытие и обслуживание банковских вкладов, не опосредованных ценными бумагами, обходится банкам гораздо дешевле, чем открытие и обслуживание именных сберегательных сертификатов.

Таким образом, учитывая, что сегодня банки не выпускают ни предъявительские, ни именные сберегательные сертификаты из-за законодательного запрета размещать денежные средства населения в предъявительских сертификатах и из-за того, что кредитные организации предпочитают привлекать денежные средства во вклады, не опосредованные ценными бумагами, а не в именные сберегательные сертификаты, и анализируя причины внесения законодательных изменений 2017–2018 гг. в отношении сберегательных сертификатов, мы приходим к выводу, что запрет сберегательных сертификатов на предъявителя был неудачным и необоснованным. Полагаем, что законодателю следует вернуть банкам возможность

привлечения денежных средств населения в предъявительские сертификаты.

Необходимо обратить внимание и на то, что, согласно ст. 36.1 Закона о банках и банковской деятельности (введена 23 апреля 2018 г.), *права на сберегательный сертификат переходят к приобретателю с момента внесения соответствующей записи в систему учета выдавшей сберегательный сертификат кредитной организации*. Иными словами, с 2018 г. кредитная организация более оперативно (в момент перехода прав на сертификат, а не в момент предъявления сертификата к погашению конечным владельцем) узнает о смене владельца именного сберегательного сертификата, чем прежде. Из этого также следует, что с 2018 г. *именной сберегательный сертификат* стал представлять собой ценную бумагу, по которой право требования имеет владелец, на имя которого она выдана, или владелец, указанный в качестве правообладателя в учетных записях.

Кроме этого, в 2018 г. у банков появилась возможность выпускать безотзывные именные сберегательные сертификаты. В соответствии с п. 2 ст. 837 ГК РФ и ч. 12 ст. 36.1 Закона о банках и банковской деятельности кредитная организация вправе выдавать сберегательные и депозитные сертификаты, содержащие условие отказа владельца соответствующего сертификата от права на получение вклада по его требованию. Однако банки такой возможностью не воспользовались, не ожидая спроса на такой продукт среди вкладчиков. К тому же «безотзывность» банковского продукта должна компенсироваться высокой процентной ставкой²⁴, на что банки, видимо, пока не готовы пойти. В связи с этим Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию²⁵ в феврале 2024 г. предложил на уровне законодательства предусмотреть специ-

²³ Малахов П. С. Проблемы передачи прав по договору банковского вклада // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 218.

²⁴ См.: Приставка М. В. Безотзывные вклады: за и против // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 101.

²⁵ Привод. по: В России запустят безотзывный сберегательный сертификат // URL: https://rg.ru/2024/02/29/vladimir-putin-predlozhit-vvesti-bezotzyvnyj-sberegatelnyj-sertifikat.html?_gl=1%2A3v3cfg%2A_ga%2AS2tDRlr6bnhDaEhNTzhGV0JmbDF4YTdkU1Rld2hydFpBLWN1OTNmndnVXU1E1ZWtqdm1jaF9YQm5ZLVFZcjVNOA (дата обращения: 21.03.2024).

альные условия по размещению безотзывных сертификатов, которые стимулировали бы население вкладывать в них денежные средства. В качестве таковых условий были названы: 1) застрахованность денежных средств, размещенных в сберегательный сертификат, на сумму до 2,8 млн руб. (повышенное страховое покрытие); 2) срок открытия сертификата — не менее трех лет; 3) увеличенная процентная ставка.

В то же время необходимо учитывать, что, по данным Центрального банка РФ, на срок от трех лет и более вклады (отзывной банковский продукт!) открывают всего лишь 0,27 % вкладчиков²⁶. На наш взгляд, для привлечения большого количества вкладчиков, желающих разместить денежные средства в безотзывный сертификат, необходимо, помимо указанных выше условий, установить достаточно низкий минимальный порог суммы по таким сертификатам (10 тыс. или 20 тыс. руб.). Например, ряд пенсионеров не может позволить себе открыть в ПАО «Сбербанк» вклад «Лучший» (самый доходный вклад) в связи с тем, что его минимальная сумма составляет 100 тыс. руб.

Денежные накопления, как правило, являются результатом применения человеком его трудового капитала (профессиональные знания, способности, навыки и опыт²⁷) или его интеллектуального капитала (способность создавать новые знания и внедрять их в производственную деятельность, получая прибыль и пользу²⁸), а не постоянно восполняющимся ресурсом, получаемым безвозмездно. Нетрудно догадаться, что среднестатистический вкладчик не захочет вкладывать все или большую часть своих денежных средств в безотзывную долгосрочную ценную бумагу, так как никто из вкладчиков не застрахован от того, что ему могут понадобиться денежные средства в срочном порядке на непредвиденные расходы. Чем ниже минимальный порог суммы

по инвестиционному (в том числе банковскому) продукту, тем больше инвесторов смогут позволить себе в целях диверсификации активов вложить в него часть своих денежных средств.

На основе вышесказанного можно сделать ряд выводов:

1. С 2018 г. законодатель запретил кредитным организациям привлекать денежные средства в предъявительские сберегательные сертификаты. В свою очередь, банки вправе выпускать именные сберегательные сертификаты, но они в этом не заинтересованы. Причина кроется в том, что именные сберегательные сертификаты и срочные вклады, не удостоверенные ими, практически ничем не отличаются: 1) по обоим банковским продуктам происходит отчисление страховых взносов; 2) права по обоим банковским продуктам могут переходить по уступке требования. При этом открытие и обслуживание вкладов, не удостоверенных ценными бумагами, обходится банкам гораздо дешевле, чем открытие и обслуживание именных сберегательных сертификатов. В связи с этим сберегательные сертификаты (как именные, так и предъявительские) на сегодняшний день кредитными организациями не выпускаются.

2. Лейтмотивом запрета предъявительских сберегательных сертификатов выступает борьба с коррупцией и с легализацией преступных доходов. На наш взгляд, данный запрет недостаточно обоснован. По мотивам борьбы с коррупцией и с легализацией преступных доходов, если следовать логике авторов законопроекта, придется запретить также иные предъявительские ценные бумаги и наличные денежные средства, а этого законодатель не планирует, что говорит о необоснованной дифференциации правового регулирования в области предъявительских ценных бумаг. Полагаем, что законодателю следует вернуть банкам возможность

²⁶ В России хотят возродить безотзывные сберегательные сертификаты // URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2024/03/01/1023115-v-Rossii-hotyat-vozrodit-bezotzivnie-sberegatelnie-sertifikati> (даты обращения: 22.03.2024).

²⁷ Тростин А. С. Человеческий капитал и роль его мотивации в его функционировании : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ярославль, 2007. С. 21.

²⁸ Лосева О. В., Абдикеев Н. М. Концепция человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 2. С. 72.

привлечения денежных средств населения в предъявительские сертификаты.

3. В 2018 г., после введения в действие ст. 36.1 Закона о банках и банковской деятельности, у банков появилась возможность выпускать безотзывные именные сберегательные сертификаты. Однако банки этой возможностью не воспользовались, не ожидая спроса на такой продукт среди вкладчиков.

4. В связи с возросшей за последние два года потребностью российской экономики в «длинных деньгах» Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию в феврале 2024 г. пред-

ложил на уровне законодательства предусмотреть возможность выпуска безотзывных сберегательных сертификатов со сроком не менее трех лет с повышенным страховым покрытием и по увеличенной процентной ставке по сравнению с отзывными банковскими вкладами (в том числе вкладами, удостоверенными сертификатами). На наш взгляд, для привлечения большого количества вкладчиков, желающих разместить денежные средства в безотзывный сертификат, необходимо, помимо указанных условий, установить достаточно низкий минимальный порог суммы по таким сертификатам (10 тыс. или 20 тыс. руб.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев А. Б.* Правовое регулирование сберегательных и депозитных сертификатов // *Хозяйство и право.* — 2020. — № 11. — С. 101–116.
2. *Базовый курс по рынку ценных бумаг : учеб. пособие / О. В. Ломтатидзе, М. И. Львова, А. В. Болотин [и др.].* — М. : Кнорус, 2010. — 448 с.
3. *Бычков А. И.* Сберегательный (депозитный) сертификат // *Бухгалтерский учет.* — 2013. — № 8. — С. 117–119.
4. *Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. С. А. Степанова.* — М. : Проспект, 2017.
5. *Жарковская Е. П.* Банковское дело : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Финансы и кредит». — М. : Омега-Л, 2012. — 479 с.
6. *Крашенинников Е. А.* Предъявительские ценные бумаги // *Очерки по торговому праву : сборник науч. трудов.* Вып. 1. — Ярославль, 1994. — С. 34–48.
7. *Лосева О. В., Абдикеев Н. М.* Концепция человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики // *Экономика. Налоги. Право.* — 2021. — № 2. — С. 72–83.
8. *Малахов П. С.* Проблемы передачи прав по договору банковского вклада // *Вестник Томского государственного университета.* — 2007. — № 297. — С. 217–220.
9. *Мацкявичене Е. В.* Доходы от размещения средств в банках // *Бухгалтерский учет.* — 2013. — № 1. — С. 72–75.
10. *Никифорова В. Д.* Рынок ценных бумаг : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. — 160 с.
11. *Одинокое В. А.* Рынок ценных бумаг : учебно-методическое пособие. — М. : Московский университет имени С.Ю. Витте, 2016. — 104 с.
12. *Приставка М. В.* Безотзывные вклады: за и против // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* — 2016. — № 1. — С. 98–102.
13. *Прокофьева Е. Н.* Депозитные и сберегательные сертификаты: экономические преимущества и проблемы использования // *Известия Байкальского государственного университета.* — 2018. — № 3. — С. 434–441.
14. *Роднова О. М., Чуваков В. Б.* Вклад Е. А. Крашенинникова в развитие российского права ценных бумаг // *Демидовский юридический журнал.* — 2023. — № 3. — С. 314–325.
15. *Соколова Е. А.* О форме договора банковского вклада (гражданско-правовой аспект) // *Фундаментальные исследования.* — 2009. — № 7. — С. 74–76.
16. *Тростин А. С.* Человеческий капитал и роль его мотивации в его функционировании : автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Ярославль, 2007. — 25 с.

Материал поступил в редакцию 23 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Afanasev A. B. Pravovoe regulirovanie sberegatelnykh i depozitnykh sertifikatov // Khozyaystvo i pravo. — 2020. — № 11. — S. 101–116.
2. Bazovyy kurs po rynku tsennykh bumag: ucheb. posobie / O. V. Lomtatidze, M. I. Lvova, A. V. Bolotin [i dr.]. — M.: Knorus, 2010. — 448 s.
3. Bychkov A. I. Sberagatelnyy (depozitnyy) sertifikat // Bukhgalterskiy uchet. — 2013. — № 8. — S. 117–119.
4. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. S. A. Stepanova. — M.: Prospekt, 2017.
5. Zharkovskaya E. P. Bankovskoe delo: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti «Finansy i kredit». — M.: Omega-L, 2012. — 479 s.
6. Krashennikov E. A. Predyavitelskie tsennye bumagi // Ocherki po torgovomu pravu: sbornik nauch. trudov. Vyp. 1. — Yaroslavl, 1994. — S. 34–48.
7. Loseva O. V., Abdikeev N. M. Kontseptsiya chelovecheskogo intellektualnogo kapitala v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Ekonomika. Nalogi. Pravo. — 2021. — № 2. — S. 72–83.
8. Malakhov P. S. Problemy peredachi prav po dogovoru bankovskogo vklada // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2007. — № 297. — S. 217–220.
9. Matskyavichene E. V. Dokhody ot razmeshcheniya sredstv v bankakh // Bukhgalterskiy uchet. — 2013. — № 1. — S. 72–75.
10. Nikiforova V. D. Rynok tsennykh bumag: ucheb. posobie. — SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2010. — 160 s.
11. Odinkov V. A. Rynok tsennykh bumag: uchebno-metodicheskoe posobie. — M.: Moskovskiy universitet imeni S.Yu. Vitte, 2016. — 104 s.
12. Pristavka M. V. Bezotzyvnye vklady: za i protiv // Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki. — 2016. — № 1. — S. 98–102.
13. Prokofeva E. N. Depozitnye i sberegatelnye sertifikaty: ekonomicheskie preimushchestva i problemy ispolzovaniya // Izvestiya Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 3. — S. 434–441.
14. Rodnova O. M., Chuvakov V. B. Vklad E. A. Krashennikova v razvitie rossiyskogo prava tsennykh bumag // Demidovskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2023. — № 3. — S. 314–325.
15. Sokolova E. A. O forme dogovora bankovskogo vklada (grazhdansko-pravovoy aspekt) // Fundamentalnye issledovaniya. — 2009. — № 7. — S. 74–76.
16. Trostin A. S. Chelovecheskiy kapital i rol ego motivatsii v ego funktsionirovanii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. — Yaroslavl, 2007. — 25 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057

С. И. Князькин*

Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты

Аннотация. Исследуются проблемы судебной компетенции в рамках Евразийского экономического союза, ее соотношение с национальным правосудием. Процессуальный аспект права на суд включает в себя проблему толкования и имплементации международного права в системы права участников Союза. Прямой способ имплементации права Союза призван быть приоритетным и состоит в его непосредственном применении национальными судами. Косвенный способ предполагает имплементацию права Союза через учет национальными судами позиций Суда Евразийского экономического союза. Разновидностью косвенного способа внедрения права Союза в право России является ретроспективный учет позиций Суда Союза посредством пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. Материально-правовой аспект права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе заключается в проблеме изъятия из компетенции Суда Союза категорий споров по субъектному и предметному критериям (ограничение на обращение в Суд Союза лиц, не обладающих статусом хозяйствующего субъекта; невозможность судебного оспаривания нормативных правовых актов, принятых органами Союза). Основным критерий подобного изъятия — отсутствие формализации этих категорий дел в нормах международного права. В статье делается вывод о целесообразности воссоздания судебных полномочий на союзном и национальном уровнях по данному обширному сегменту дел. Прямая связь между судебной компетенцией и ее формализацией в нормах права нецелесообразна по причине объективного отставания любого правотворца, включая органы Евразийского экономического союза, от развития реальных общественных отношений и новых потребностей, связанных с урегулированием многочисленных споров.

Ключевые слова: право на судебную защиту; Суд ЕАЭС; имплементация позиций судов; толкование права; судебная компетенция; прямой судебный нормоконтроль; косвенный судебный нормоконтроль; новые обстоятельства; превентивный иск; правовая идеология.

Для цитирования: Князькин С. И. Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 44–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

© Князькин С. И., 2025

* Князькин Сергей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (РГУП) Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
knyazkin-sergei@mail.ru

The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects

Sergei I. Knyazkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Court Procedure, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
knyazkin-sergei@mail.ru

Abstract. The paper elucidates the problems of judicial competence within the framework of the Eurasian Economic Union and its relationship with national justice. The procedural aspect of the right to judicial protection includes the problem of the interpretation and implementation of international law in the systems of law of the members of the Union. The direct method of implementing the law of the Union is intended to be a priority and it presumes its direct application by national courts. The indirect method involves the implementation of the law of the Union through the consideration of the standings of the Court of the Eurasian Economic Union by national courts. The retrospective consideration of the standings of the Court of the Union through the revision of judicial acts due to new circumstances constitutes a form of the indirect method of introducing the law of the Union into the law of Russia. The substantive law aspect of the right to judicial protection in the Eurasian Economic Union includes the problem of taking from the jurisdiction of the Court of the Union disputes according to the subject and subject matter criteria, namely: restriction on the appeal to the Court of the Union of persons who do not have the status of an economic entity, as well as impossibility of judicial challenge of regulatory legal acts adopted by the bodies of the Union. The main criterion for such an exemption is the lack of formalization of these categories of cases in international law. The author concludes that it is advisable to recreate judicial powers at the union and national levels in this extensive segment of cases. The direct connection between judicial competence and its formalization in the norms of law is impractical due to the objective lag of any lawmaker, including the bodies of the Eurasian Economic Union, from the development of real social relations and new needs associated with the settlement of numerous disputes.

Keywords: the right to judicial protection; EAEU Court; implementation of court positions; interpretation of law; judicial competence; direct judicial regulation; indirect judicial regulation; new circumstances; preventive action; legal ideology.

Cite as: Knyazkin SI. The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):44-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

Конституция России гарантирует государственную защиту прав и свобод. Ратификация государством международных соглашений наделяет его правами и обязанностями полноправного участника международной организации, а граждан — правом на обращение в судебный орган такой организации. Не является исключением участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе, со вступлением в который Россия признает компетенцию Суда Евразийского экономического союза (далее — Суда Союза). Поэтому право на обращение в международные судебные органы является компонентом конституционного права на судебную защиту.

Право на международную судебную защиту, предоставляемую Судом Союза, в силу его соот-

ношения с правом на обращение в национальные суды, характеризуется процессуальным и материально-правовым аспектами.

Процессуальный аспект права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе состоит в специфике компетенции Суда Союза и национальных судов в вопросах толкования позитивного права Союза, а также способах внедрения (имплементации) результатов такого толкования в национальные системы права. Имплементация важна не столько с формальной точки зрения, то есть для инкорпорации, сколько с точки зрения имплементации союзных ценностей в национальное право каждого из участников Союза.

Способы имплементации условно можно разделить на прямые и косвенные. К прямо-

му способу внедрения в практику ценностей любой международной организации, включая ценности Евразийского экономического союза, относится прямое и самостоятельное применение и толкование национальными судами норм международного права при разрешении конкретного спора. Одновременно суд делает вывод о возможности применения нормы права при заявленных требованиях. Эта судебная деятельность в рамках конкретного дела именуется косвенным судебным нормоконтролем¹.

Такой способ обладает рядом преимуществ. Первым преимуществом является максимальная оперативность этого подхода применительно к многочисленным спорам, разрешаемым на национальном уровне. У судов отсутствует потребность ожидания завершения разрешения конфликта наднациональным судом для использования данного им толкования норм и принципов международного права. Тем самым обеспечивается эффективность судебной защиты в части ее своевременности.

Вторым преимуществом выступает возможность дачи такого толкования международному позитивному праву, которое позволит учесть национальные особенности правоотношений, в том числе экономических отношений.

Следует особо отметить, что любое типовое толкование права, независимо от судебного органа, который его дал, применимо в его первоначальном виде, только если полностью совпадает с фактическим составом спорного правоотношения. Совпадение требуется не только в части закрепленности самого субъективного права, по поводу которого возник спор, но и относительно мер его восстановления и защиты, адекватных нарушенному праву. В остальных случаях даже толкование норм права, данное Судом Союза, подлежит адаптации национальными судами по каждому конкретному делу.

Если наднациональный судебный орган еще не высказал свою позицию по заявленным требованиям, то применение его национальным коллегой принципов и норм международного права будет не только непосредственным, но и первичным.

Непосредственное применение судами права Союза чрезвычайно востребовано еще и по причине того, что компетенция Суда Союза ограничена по нескольким направлениям.

Прежде всего, Суд Союза ограничен толкованием позитивного права Союза и по общему правилу не решает вопросы факта, по поводу которых обратился заявитель и в разрешении которых в конечном итоге он заинтересован². В основе такой модели судебной компетенции заложена возможность отделения правового компонента спора от фактического, что наглядно проявляется в спорах об оспаривании ненормативных правовых актов органов Союза, например Евразийской экономической комиссии³. Логическое продолжение этой проблемы видится в том, что совместное разрешение вопросов факта и права как раз отводится национальным судебным органам.

Участники Союза выбрали мягкую модель полномочий международного судебного органа, оставляющего за национальными властями широкую сферу суверенной компетенции в экономической сфере.

Наряду с достоинствами мягких полномочий Суда Союза такая модель имеет существенный недостаток для всей международной организации, а именно: препятствует полноценному и безусловному внедрению этих позиций в национальные системы права. Это особенно важно в условиях давления третьих лиц на участников Союза в связи с их участием в интеграционной деятельности.

Компетенция Суда Союза ограничена не только необязательностью результатов такого

¹ Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : РАП : Волтерс Клувер, 2010 ; Он же. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88–101.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (п. 39 Статута Суда Союза) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Решение Суда Евразийского экономического союза от 15.06.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

толкования для национальных властей, но и перечнем форм права, которые являются предметом союзного судебного нормоконтроля.

Полномочия Суда Союза сводятся к проверке только тех нормативных правовых актов, которые закреплены в союзном Договоре и иных внутрисоюзных международных договорах или договорах с третьей стороной. Пункт 39 Договора о Союзе акцентирует внимание Суда Союза на решениях Евразийской экономической комиссии⁴. При этом акты нормативного характера, принятые Межправительственным и Высшим советами, остаются вне компетенции Суда Союза.

Приоритет внимания Суда Союза к нормативным правовым актам Комиссии объясняется их прикладным характером, который, в свою очередь, предполагает многократное применение национальными административными и судебными органами решений Комиссии по самым разнообразным вопросам. Например, по антимонопольным, таможенным спорам.

Тем не менее вне внимания Суда Союза остается нормативный массив программного характера, принимаемый общим согласием руководства государств-участников и определяющий идеологию Евразийского экономического союза. Обратный подход позволил бы сопоставить позицию Суда Союза относительно идеологии интеграционного образования с национальными интересами, закрепленными в конституциях его участников.

Модель гибкого восприятия участниками Союза позиций его Суда влечет дополнительную сложность не только для их имплементации в национальное право, но и для исполнения этих решений на территории государств, участвующих в Союзе. Такая ситуация только подтверждает необходимость прямого применения позитивного права Союза государственными органами его участников.

Прямое применение национальными судами союзного позитивного права не исключает использования вспомогательных способов его

внедрения в национальные системы права. Одним из таких способов является запрос национальных судов об аутентичном толковании союзного права компетентными органами Союза. Заключение, выданное по итогам рассмотрения такого запроса, по степени достоверности будет близким к экспертному заключению, традиционно занимающему особое место среди средств судебного доказывания.

Преимуществом аутентичного толкования позитивного права Союза является возможность нормотворца, например Евразийской экономической комиссии, дать Суду Союза или национальным судебным органам ответы на вопросы относительно причин принятия нормы права именно в такой редакции, в целях, которые преследовались органом Союза в тот период времени.

Исторические цели правового регулирования свидетельствуют о контексте, в котором была принята та или иная норма права. Изменение общественных отношений, регулируемых нормой права с момента ее принятия, меняет ее толкование судами.

Результаты аутентичного толкования норм права, раскрытия их контекстуального смысла позволяют сопоставить идеальные цели, которые были поставлены законодателем, с реальными результатами, проявившимися в ходе разрешения спора судом.

Однако в современный период возможность аутентичного толкования права Союза не только не формализована, но и отрицается в практике Суда Союза. Прежде всего в отношении деятельности Комиссии, стоящей на переднем крае нормотворчества по прикладным проблемам деятельности Союза.

Например, еще Суд Евразийского экономического сообщества оценил попытку Комиссии самостоятельно толковать нормативные правовые акты в рамках мониторинга правоприменения без обращения в Суд как превышение полномочий, которое заменяет аналогичную компетенцию Суда⁵. Представляется необходимым преодолеть эти ограничения.

⁴ Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

Разграничение аутентичного толкования позитивного права от внесения в него изменений самим правотворцем⁶ происходит именно через сопоставление идеала и реальности, отраженной в фактических обстоятельствах спора. Иными словами, любому судебному органу для определения пригодности применяемой нормы права, в том числе международного права, требуется установление первоначальной воли законодателя⁷.

Такой прикладной подход попутно призван решить давнюю теоретическую проблему неоднозначного отношения представителей доктрины к аутентичному толкованию права⁸. Речь идет о том, что законодатель любого уровня не может создать абсолютно совершенные нормы права. Замеры, которые производит суд, разрешая многочисленные конфликты, выступают механизмом обратной связи, с помощью которого делаются выводы о жизнеспособности той или иной нормы права. Тем более на международном уровне, который требует согласования многочисленных коллективных и индивидуальных интересов.

Еще одним способом имплементации экономических ценностей Союза выступает право Суда ЕАЭС на толкование международных договоров Союза по запросу его органов и их должностных лиц⁹. Основным преимуществом этого вида судебного толкования позитивного права по сравнению с его аутентичным толкованием служит превентивный характер.

Как правило, такое толкование основано на анализе потенциально спорных правоотношений до их рассмотрения национальным или международным судом. Заключение Суда Союза по своей природе не только будет обладать экспертным статусом, но и окажет помощь в разрешении будущих споров. В рамках подоб-

ной превенции Судом Союза раскрывается смысл норм международного права¹⁰.

Косвенным способом внедрения экономических ценностей Союза, отраженных в его праве, в национальную систему права является учет национальными судами позиций, выработанных Судом Союза.

Основной разновидностью такого учета является использование типового толкования Договора о создании Союза, иных союзных договоров, а также правовых актов Евразийской экономической комиссии в решениях по конкретным делам. Подобное использование имеет место с самого начала рассмотрения дел, то есть начиная с суда первой инстанции.

С технической точки зрения восприятие национальными судебными органами позиций Суда Союза осуществляется так же, как и использование позиций высших судов государства, то есть путем обоснования возможности применения типового толкования норм права в рамках рассматриваемого дела.

Данный подход к внедрению международной судебной практики в практику национальных судов был характерен для взаимодействия России с Советом Европы и Европейским Судом по правам человека. В тот период российские суды ссылались на конкретные позиции Европейского Суда, отражая эти ссылки в мотивировочных частях судебных актов. Большой опыт, накопленный в ходе этого взаимодействия, может быть использован в сотрудничестве с Судом Евразийского экономического союза.

Разграничение судебной компетенции в зависимости от места применяемых нормативных правовых актов в их общей иерархии не может служить основанием для отказа в разрешении спора, прежде всего национальными судами.

⁵ Решение Суда ЕвразЭС от 07.10.2014 // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. Спец. вып. 2014.

⁶ *Егоров А. В.* Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14–36.

⁷ *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Правосудие: Ориентация на Конституцию : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

⁸ *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 500–502.

⁹ П. 46 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.

¹⁰ *Соколова Н. А.* Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 181–189.

Именно судебные органы государств — участников Союза внедряют союзные ценности в национальную систему права. Не оспаривается право Суда ЕАЭС применять правовые акты Союза и проверять их на предмет соответствия Договору о Евразийском экономическом союзе и другим основополагающим актам. При этом национальные суды также обладают компетенцией прямо или косвенно проверять любые международные правовые акты как минимум на предмет их соответствия национальной конституции. Такой подход следует из естественной природы права на судебную защиту и конституционной гарантии государственной защиты прав и свобод.

Еще одним способом учета национальными судами позиций Суда Союза является пересмотр уже разрешенных споров ввиду изменения практики толкования принципов и норм международного права. Такое восприятие позиций наднациональных судов носит ретроспективный характер.

На современном этапе развития Евразийского экономического союза этот способ практически не используется, несмотря на аналогичный опыт применительно к позициям Европейского Суда по правам человека. Тогда подобный инструмент был напрямую закреплен в кодифицированных процессуальных актах в качестве нового обстоятельства. Под ним фактически понималось конвенционное содержание прав и свобод, а также способов их реализации, отраженных в позициях Европейского Суда по правам человека.

Представляется нерациональным отказываться от этого вспомогательного средства имплементации международных ценностей в отечественную систему права применительно к Евразийскому экономическому союзу.

Российские суды придерживаются обратной позиции относительно допуска в систему права России результатов деятельности Суда Союза. Согласно серии позиций Конституционного Суда РФ, толкование права Судом ЕАЭС не может выступать в качестве нового обстоятельства пересмотра судебных актов судов общей и арбитражной юрисдикции¹¹.

Основными аргументами в пользу такого вывода служат отсутствие закрепленности именно позиций Суда Союза в качестве основания для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, а также невозможность автоматического восприятия позиций наднационального судебного органа, даже несмотря на ратификацию международного договора, признающего юрисдикцию такого суда. Вряд ли с таким подходом можно согласиться по крайней мере по двум причинам.

Первая из них кроется в конституционном положении о том, что международные договоры и иные формы международного права являются частью правовой системы России. Ратификация компетентными органами государства таких норм сама по себе является достаточной для учета отечественными судами позиций международных судов.

Вторая причина состоит в универсальной природе процессуальной формы. Представители процессуальной науки косвенно подтверждают эту фундаментальную ценность процесса не только внутри одной из его ветвей, но и между тремя известными его направлениями. В том числе через единый предмет судебной деятельности¹².

Универсальная природа процесса предполагает рамочный характер процессуальных норм, не требующих конкретизации по каждому частному случаю. Такой подход уже длительное

¹¹ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 191-О ; определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 689-О ; определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 1972-О.

¹² Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999. С. 31, 41 ; Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52 ; Проблемы развития процессуального права России : кол. монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.] ; под ред. В. М. Жуйкова. М. : Норма : Инфра-М, 2016.

время используется в отношении вновь открывшихся обстоятельств, полный перечень которых невозможно закрепить в процессуальном законе по объективным причинам. Степень существенности конкретных фактов для дела определяется судом исходя из его характера, а не из их поименованности в процессуальном законе.

Содержательный аспект этой проблемы заключается в имплементации ценностей той или иной международной организации, участницей которой добровольно стала Российская Федерация. Факт ратификации Россией Договора о Союзе сам по себе является достаточным основанием для вывода о разделении государством ценностей Союза.

С правоприменительной точки зрения эта проблема может найти выход через традиционные инструментарию толкования норм процессуального права, которые не именуют конкретные международные судебные органы, чьи позиции признаются в качестве новых обстоятельств.

Например, норма об отмене не только судебного акта суда общей или арбитражной юрисдикции, но и акта другого органа (п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). Законодатель использует универсальную формулировку, которая даже с точки зрения ее буквального толкования открывает окно возможностей для внедрения позиций любого наднационального судебного органа, юрисдикция которого признана Россией, в отечественное позитивное право. Речь идет не о зависимости национальных судов от международных судебных органов, а об обмене подходами к толкованию позитивного права.

Материально-правовой аспект реализации права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе заключается в проблеме изъятия компетенции по разрешению споров из ведения национальных судов и ее неполной

передачи в юрисдикцию Суда Союза. Изъятия носят субъектный и предметный характер.

В первом случае речь идет о сложившемся подходе, связанном с отсутствием у физических лиц, не являющихся участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Практика исходит из буквального толкования Статута Суда, в соответствии с которым лица, чья деятельность не носит экономический характер, не вправе обращаться за судебной защитой в Суд Евразийского экономического союза. Такое толкование было сформировано Судом Евразийского экономического сообщества¹³.

Данный подход влечет ситуацию, при которой целые категории дел оказываются вне какой-либо судебной компетенции: они не могут быть рассмотрены ни Судом Союза, ни национальными судами. Например, дела об оспаривании нормативных правовых актов Союза. Последние имеют ограничение в силу изъятия этой компетенции из ведения национальных судов. В частности, правом на обращение в Суд Союза не обладают физические лица, которые являются участниками правоотношений, связанных с перемещением имущества, в том числе для личных нужд, с территории третьих стран на территорию Союза¹⁴.

Право на обращение в Суд Союза отсутствует и у тех физических лиц, которые хотя и не обладают статусом, свидетельствующим об их хозяйственной деятельности, но фактически являются ее участниками.

Например, длительный период времени потребовался, прежде чем прийти к выводу о целесообразности наделяния физических лиц, осуществляющих управление юридическими лицами, правом на обращение в Суд Союза по антимонопольным спорам, по которым они ввиду специфики данных дел несли ответственность¹⁵. Здравый смысл предоставления этого

¹³ Постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 20.01.2014 по делу № 2-2/1-2014 ; постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 22.09.2014 по делу № 2-2/3-2014.

¹⁴ Речь идет о решении Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 (ред. от 24.11.2023) «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования».

¹⁵ В антимонопольных делах к суду ЕАЭС может быть предоставлен доступ физических лиц // URL: https://rapsinews.ru/international_news/20221117/308482915.html (дата обращения: 10.02.2024).

права следует из характера спорного правоотношения, даже несмотря на отсутствие у таких лиц статуса хозяйствующего субъекта.

Субъектами, претерпевающими неблагоприятные последствия от отсутствия формализации их права на обращение в Суд Союза, являются также сообщество предпринимателей и профильный уполномоченный. Острота проблемы усиливается тем, что механизм опосредованного обращения в Суд Союза не всегда продуктивен по причине отсутствия инициативы со стороны компетентного государственного органа¹⁶.

В противном случае в распоряжении лиц, чье право на обращение в Суд Союза не формализовано, остается косвенный порядок судебной защиты своих прав. Имеется в виду обращение с запросом в компетентные органы государства — участника Союза о даче консультативного заключения по вопросам толкования союзного права. Но и он в силу придаваемого ему статуса имеет ограниченные рамки.

Ограничения связаны, во-первых, с зависимостью самого обращения от воли компетентных государственных органов, а во-вторых, как уже упоминалось ранее, с рекомендательным характером заключений Суда Союза о толковании права.

Вопросы перераспределения международной и национальной судебной компетенции не могут влечь отказ в реализации права на судебную защиту по формальным признакам. Одним из способов решения этой проблемы является предоставление физическим лицам, которые не являются участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Предметный характер ограничений компетенции Суда Союза и национальных судов отражается в делах об оспаривании нормативных

правовых актов Союза. В том числе лицами, не обладающими статусом хозяйствующего субъекта.

Такая проблемная ситуация сложилась в отношении всего позитивного права Союза. Договор о ЕАЭС, другие союзные договоры, а также решения Евразийской экономической комиссии применяются государственными органами, включая суды, а проверка таких правовых актов невозможна. И причина тому формальная: отсутствие закрепления такого права в национальных и союзных нормах права.

С другой стороны, российские суды также отказывают заинтересованным лицам в рассмотрении заявлений об оспаривании нормативных правовых актов Союза. Например, технических регламентов, утвержденных Комиссией¹⁷. Обоснованиями такого подхода служат международный статус субъектов нормотворчества, который не позволяет осуществлять национальный судебный нормоконтроль, и отсутствие ретроактивного действия позиций Суда Союза.

Проблема изъятия этого сегмента дел из союзной и национальной судебных юрисдикций тесно связана с рассмотренной выше проблемой имплементации союзных ценностей в позитивное право его участников.

Если говорить именно о делах об оспаривании нормативных правовых актов Союза, то количество таких дел невелико. Поэтому при должной организационной модернизации Суда Союза можно предположить возможность разрешения им споров с участием данной категории заинтересованных лиц без ущерба для его нагрузки.

Если правовой акт применяется в отношении гражданина или организации, то они имеют рациональное право на их судебное оспарива-

¹⁶ Российский бизнес попросит президента о прямом доступе к суду ЕАЭС // URL: <https://pravo.ru/news/view/145499/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁷ Определение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 21.10.2021 № М-5160/2021 26RS0029-01-2021-009238-57 об отказе в принятии административного искового заявления // URL: https://piatigorskyy-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=337616115&case_uid=6f3d294b-c544-42f1-8fab-856cd878d7c5&delo_id=41 (дата обращения: 01.11.2023); определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2022 № 88А-8372/2022 9а-1256/2021 // URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3560496&case_uid=dd86fcc7-caed-4fe6-b332-bd7e6e0bc1b2&new=0&delo_id=43 (дата обращения: 01.11.2023).

ние. Характер правового акта в контексте его судебной проверки является вспомогательным.

Организационный инструмент решения проблемы состоит в реформе порядка рассмотрения Судом Союза жалоб, включая создание разветвленного процессуального функционала, характерного для многих наднациональных судов. Этот функционал предполагает фильтрацию жалоб и распределение в зависимости от их характера.

Другой способ решения проблемы бесхозяйности дел, в том числе дел, инициируемых физическими лицами, не являющимися хозяйствующими субъектами, — передача компетенции по разрешению таких споров национальным судам. Дополнительно это обусловлено специальными целями наднационального судебного органа, а также его ограниченной пропускной способностью.

Такой вариант решения проблемы сопряжен с двумя обстоятельствами. Первое связано с тем, что национальные суды обладают правом на так называемый абстрактный нормоконтроль в силу приоритета национальных конституций перед международным правом. В этом контексте достаточно обратиться к обновленным полномочиям Конституционного Суда РФ, который проверяет любые международные договоры до их ратификации на предмет их соответствия Конституции России.

Однако эти полномочия представляют собой превентивный нормоконтроль, то есть тот, который осуществлен до применения международного договора в условиях реальной жизни со всеми ее противоречиями. Поэтому логичным и востребованным будет сохранение подобной компетенции у национальных судов с учетом многочисленных споров, связанных с применением союзных нормативных правовых актов.

Второе обстоятельство представляет собой тот факт, что позитивное право любой международной организации не является ее собственностью в понимании его монопольного толкования органами только этой организации. Наглядным примером тому служит подход Европейского Суда по правам человека, который многократно

утверждал о необходимости конкретизации и применения конвенционных положений судами государств — участников Совета Европы.

К процессуальным формам защиты национальными судами прав, нарушенных на международном уровне, особенно в спорах касательно союзных нормативных правовых актов, относится превентивный иск. Возможность его предъявления, даже с точки зрения юридического позитивизма, закреплена в процессуальном законе России. Речь идет как о нормах, регулирующих требования к исковому заявлению, так и о правилах, устанавливающих бремя доказывания (п. 2 ч. 2 ст. 62 и п. 5 ч. 2 ст. 209 КАС РФ, а также п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ).

Использование превентивного иска по спорам, связанным с применением позитивного права Союза, обладает рядом преимуществ. Первым преимуществом является возможность преодоления запрета на оспаривание нормативных правовых актов Союза на период устранения такого запрета на законодательном уровне. О такой возможности представители доктрины высказывались несколько десятилетий назад¹⁸.

Следует с ними согласиться в той части, в которой заинтересованному лицу не требуется действовать только постфактум, а именно только после принятия государственным органом решения, основанного на потенциально неправомерном нормативном правовом акте.

Второе преимущество превентивного иска — его основанность на практике национальных и союзных публично-правовых образований, осуществляющих правоприменительную деятельность.

Элементом предмета доказывания в рамках превентивного иска является высокая степень вероятности нарушения прав истца ответчиком. Она может быть доказана предоставлением истцом анализа практики толкования нормативных правовых актов как союзными, так и национальными государственными органами. Правоприменительная практика, как правило, отражается в ведомственных актах нормативного и ненормативного характера, например в письмах ФНС РФ, ФТС РФ.

¹⁸ Мурадьян Э. М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4. С. 23–28.

Признание угрозы нарушения субъективного права как достаточного основания удовлетворения превентивных исковых требований имеет место в практике российских судов по гражданско-правовым спорам¹⁹. Превентивные требования, связанные с преодолением неправомерного нормативного правового акта, являются наиболее очевидными.

Например, превентивный иск применим в отношении споров, касающихся ввоза на территорию Союза из третьих стран личного имущества, превышающего ограничения, установленные решением Совета Комиссии²⁰. Невозможность оспаривания данного нормативного правового акта физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, ни в Суде Союза, ни в национальных судах может быть преодолена рассмотрением превентивного иска.

В основание такого иска могут быть положены сведения, связанные с практикой толкования решения Совета Комиссии и общей политикой органов Союза в отношении ввоза личного имущества, в том числе бывшего в употреблении. К такой практике следует отнести решения не только судов, но и таможенных органов. Сложившаяся юридическая практика призвана обеспечивать такой важный элемент превентивного иска, как повторность нарушения субъективного права²¹.

Однако повторность не является необходимым условием подачи превентивного иска. Достаточно сослаться на смысл норм права, который был в них вложен правотворцем. Смысл того же решения Совета Комиссии 2017 г. ограничивается регулированием ввоза преимущественно нового имущества. В то же время остается неразрешенным вопрос о приобретенном за рубежом имуществе, бывшем в употреблении, а также имуществе, полученном в порядке наследования.

Оба случая являются следствием частой ситуации переезда гражданина на постоянное место жительства на территорию Союза или ввоза личного имущества без подобного переезда. Сложность заключается еще и в разном подходе таможенных органов участников Союза к решению данного вопроса.

Действующие правила ввоза имущества на территорию Союза физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, направлены на предотвращение маскировки коммерческих партий товара под личные вещи. Именно в этом состоит цель беспошлинных лимитов ввоза. Всё, что превышает лимиты, облагается пошлиной заградительного характера, что делает ввоз личного имущества нерентабельным.

Признаки износа такого имущества являются лишь одними из признаков, позволяющих не применять общие лимиты. Таможенные органы призваны оценивать совокупность обстоятельств, сопровождающих ввоз таких вещей на территорию Союза. В этом и заключается пропорциональность индивидуального регулирования правоотношений, адекватная субъективному праву. В случае бездействия или ненадлежащего применения права Союза профильными административными органами, единственным способом восстановления права собственности является обращение заинтересованного лица в национальный суд.

Моделируя вариант разрешения данной категории дел, можно предположить принятие национальным судом решения обязать таможенные органы впустить подобное имущество с приведением его подробного описания в резолютивной части решения. Разрешение спора будет основываться на его индивидуальной фактуре. Отсутствие норм права, прямо предписывающих обеспечить ввоз личных вещей сверх

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 15-КГ13-4.

²⁰ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 10.02.2024).

²¹ Гордон В. М. Очередные вопросы в литературе гражданского процесса (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1913. № 4 (апрель). С. 133–155.

установленных лимитов, не является препятствием для принятия судом искомого решения.

Этот пример опровергает тезис о том, что само по себе участие государства в международной организации, в том числе путем передачи части национальной компетенции на международный уровень, автоматически повышает гарантии реализации прав по сравнению с тем, как они реализовывались внутри государства. В данном конкретном случае гарантии международной организации обернулись проблемами для лиц, не обладающих специальным правовым статусом.

Сомнения, связанные с возвратом национальным судам компетенции по разрешению этих споров, относятся к возможности сохранения идеологии Союза, его целей. Представляется, что угроза идеологии Союза и общим ценностям отсутствует по нескольким причинам.

Первой причиной является то, что национальные суды уже давно применяют право Союза, например разрешая таможенные споры. В частности, применяются соответствующие решения Комиссии, а также Таможенный кодекс Союза. Используя эти правовые акты в повседневной деятельности, суды не могут уклониться от как минимум косвенного контроля применимых норм международного права.

В этом смысле следует отметить, что косвенный нормоконтроль является основным по причине его прямой и непосредственной связи с каждым конкретным заявленным требованием. Разные результаты такого нормоконтроля подлежат обобщению и унификации известными процессуальными и организационными средствами. Унификация может проводиться и компетентными органами Союза, включая его Суд и другие органы. Не следует забывать о мониторинге правоприменения со стороны Комиссии, потенциал которого полностью не раскрыт.

Вторая причина состоит в том, что национальные суды изначально учитывают идеологию Союза, основываясь на смысле союзного договора, а также практике самого Суда Союза.

Этот учет может быть укреплен посредством предоставления национальным судам возможности ретроактивного использования позиций Суда Союза.

Третьей причиной выступает то, что повышение эффективности международной организации отражается в укреплении контроля за соблюдением прав, которые она культивирует. Для этого и требуются полномочия не только наднациональных судебных органов, но и судов государств — участников любых международных организаций. Авторитет международной организации повышается, если правом на обращение в ее судебные органы наделяется широкий круг лиц. В качестве наглядного примера следует в очередной раз упомянуть Совет Европы, хотя и работающий с большими издержками.

Именно такая эволюция полномочий характерна для Европейского Суда по правам человека, который изначально задумывался в качестве органа, разрешающего исключительно межгосударственные конвенционные споры²². Наделение в конце XX в. Европейского Суда правом разрешения споров по жалобам физических лиц только укрепило значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, способствовало практической конкретизации ее идей, идеалов и ценностей.

Этот успех объясняется тем, что споры с участием обычных граждан несут в себе большой объем информации о практике реализации тех или иных прав и свобод. Они более репрезентативны по сравнению со спорами, в которых участвуют только публично-правовые образования. Представляется возможным распространить этот опыт на деятельность Суда Евразийского экономического союза.

В данном вопросе, как и в других аспектах права на судебную защиту в масштабах Евразийского экономического союза, присутствует компонент правовой идеологии, который ставит перед выбором решения проблемы с формальной или содержательной точки зрения. Традиционная конкуренция существует между

²² *Исполинов А. С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. 2017. № 10. С. 58–87.*

естественно-правовым типом понимания прав и свобод и юридическим позитивизмом²³.

Как было отмечено выше, компетенция и Суда Союза, и национальных судебных органов зависит от степени ее позитивации, то есть формального закрепления в нормах союзного и национального права. Эта связь означает преобладание позитивистского восприятия права на международную и национальную судебную защиту. Подобный подход выдвигает тезис о том, что если такое полномочие не закреплено в какой-либо из форм права, то оно отсутствует.

Только позитивистское восприятие реализации заинтересованными лицами прав и их судебной защиты предполагает передачу всех правоприменительных проблем на откуп законодателю. В такой парадигме именно он должен удовлетворять не только стратегические, но и текущие потребности регулирования правоотношений.

Между возникновением потребности в появлении искомых мер реализации материальных и процессуальных прав участников Союза и реакцией субъектов союзного правотворчества в лице Высшего Совета, Межправительственного Совета или Комиссии, как правило, проходит длительное время. Речь идет и о частных вопросах, не урегулированных позитивным правом, но следующих из природы судебной защиты и фундаментальных прав. Например, указанный выше пробел в регулировании вопросов, касающихся субъектов обращения в Суд Союза.

Установление прямой зависимости между субъективным правом, в том числе правом на судебную защиту, и степенью его закреплённости в международных или национальных правовых регуляторах несет в себе несоизмеримые издержки в части возможности реализации заинтересованными лицами такого права. Даже в тех случаях, когда, несмотря на отсутствие его позитивации, существование такого права очевидно.

Право на судебную защиту есть фундаментальное субъективное право. Поэтому его отсутствие на международном уровне призвано преодолеваться на национальном уровне при

постановке перед судами вопросов о праве материальном. Межуровневая конкуренция, то есть конкуренция между национальным и международным правосудием, которая наблюдается в современный период между участниками Союза и самим Союзом, не является обоснованием ограничения судебной защиты.

Анализ материально-правового аспекта права на судебную защиту в масштабах Союза показал, что право собственности как еще одно фундаментальное право стало жертвой ограничения права на суд в его национальном и международном компонентах. Наблюдается ситуация, когда право есть, но процессуальные средства его защиты отсутствуют или неадекватны.

В нашем случае неадекватность состоит в недостаточной оперативности самого механизма преодоления потенциально неправомерных нормативных правовых актов Союза, несущего в себе организационные издержки.

Невозможность обращения в суд или несвоевременность судебной защиты являются индикаторами недостаточной эффективности правосудия. Эффективность заключается в наличии у заинтересованных лиц материально-правового интереса, риск утраты которого повышается с течением времени. Например, такая ситуация как раз и возможна в отношении имущества, которое заинтересованное лицо желает ввезти на территорию Союза. Перечень категорий споров не является исчерпывающим.

Отсутствие позитивации специального права влечет умаление фундаментальных прав и свобод. Незакрепленность права на обращение в Суд Союза в отношении определенной категории субъектов и по определенному предмету приводит к нарушению фундаментального права собственности.

Внесение изменений в нормативные правовые акты любой международной организации, включая Евразийский экономический союз, требует значительного количества времени. Это обусловлено прежде всего потребностью в согласовании интересов участников международной организации. Многочисленные права

²³ Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. : Городец, 2007.

субъектов Союза, не только хозяйствующих, но и лиц, не обладающих этим статусом, не могут ставиться в зависимость от подобных тяжеловесных процедур. В противном случае парализуются общегражданский и экономический обороты, а участие государства в международном объединении приносит не комплекс гарантий, а набор обременений.

Разрешение Судом Союза или национальными судами вопросов о правах и обязанностях участников многочисленных споров вне зависимости от проработанности судебной компетенции на нормативном уровне видится единственно возможным вариантом решения того комплекса проблем, который был затронут в данном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Правосудие: ориентация на Конституцию : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 224 с.
2. *Гордон В. М.* Очередные вопросы в литературе гражданского процесса (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. — 1913. — № 4 (апрель). — С. 133–155.
3. *Егоров А. В.* Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. — 2022. — № 5. — С. 14–36.
4. *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. — 2017. — № 10. — С. 58–87.
5. *Мурадьян Э. М.* Превентивные иски // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 23–28.
6. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. — М., 1999. — 552 с.
7. *Нешатаева Т. Н.* Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. — М. : Городец, 2007. — 319 с.
8. *Никитин С. В.* Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. — 2014. — № 1. — С. 88–101.
9. *Никитин С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. — М. : РАП : Волтерс Клувер, 2010. — 304 с.
10. Проблемы развития процессуального права России : кол. монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.] ; под ред. В. М. Жуйкова. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 224 с.
11. *Решетникова И. В.* Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 2. — С. 32–52.
12. *Соколова Н. А.* Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 10. — С. 181–189.
13. *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). — М., 1999. — 453 с.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bondar N. S., Dzhagaryan A. A. Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu: monografiya. — M.: Norma: Infra-M, 2018. — 224 s.
2. Gordon V. M. Ocherednye voprosy v literature grazhdanskogo protsesssa (Literaturnoe obozrenie) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 1913. — № 4 (aprel). — S. 133–155.
3. Egorov A. V. Izmenenie zakona kak forma ego autentichnogo tolkovaniya // Zakon. — 2022. — № 5. — S. 14–36.

4. Ispolinov A. S. Evolyutsiya i puti razvitiya sovremennogo mezhdunarodnogo pravosudiya // Lex russica. — 2017. — № 10. — S. 58–87.
5. Muradyan E. M. Preventivnye iski // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 4. — S. 23–28.
6. Nersesyants V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. — M., 1999. — 552 s.
7. Neshataeva T. N. Uroki sudebnoy praktiki o pravakh cheloveka: evropeyskiy i rossiyskiy opyt. — M.: Gorodets, 2007. — 319 s.
8. Nikitin S. V. Kosvennyy sudebnyy normokontrol: ponyatie i problemy realizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 1. — S. 88–101.
9. Nikitin S. V. Sudebnyy kontrol za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: monografiya. — M.: RAP: Volters Kluver, 2010. — 304 s.
10. Problemy razvitiya protsessualnogo prava Rossii: kol. monografiya / A. V. Belyakova, L. A. Voskobitova, A. V. Gabov [i dr.]; pod red. V. M. Zhuykova. — M.: Norma: Infra-M, 2016. — 224 s.
11. Reshetnikova I. V. Sovremennoe protsessualnoe pravo: unifikatsiya ili differentsiatsiya? // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 2. — S. 32–52.
12. Sokolova N. A. Ukreplenie regionalnoy integratsii: sudebnoe vliyanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 10. — S. 181–189.
13. Fursov D. A. Predmet, sistema i osnovnye printsipy arbitrazhnogo protsessualnogo prava (problemy teorii i praktiki). — M., 1999. — 453 s.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.058-068

Д. С. Велиева*,
М. В. Пресняков**

Субъективные социальные права: конституционно-правовая сущность

Аннотация. Социальные права обладают рядом специфических особенностей, которые выделяют их из общего ряда прав и свобод человека и гражданина. В работе отмечается, что данные права не имеют четко установленного перечня правомочий, в значительной степени определяются позитивным законодательством и т.п. Указанные особенности заставляют ставить вопрос о возможности их идентификации в качестве субъективных конституционных прав. Чаще всего индивид пользуется отраслевыми социальными правами: правом на пенсионное и социальное обеспечение, правом на медицинскую помощь и т.п., — как они определены позитивным законодательством. Однако согласно Конституции РФ все права, которые ею предусмотрены, носят естественный характер: они неотчуждаемы, принадлежат каждому от рождения, вытекают из природы человека, а не даруются государством и т.п. В работе предпринимается попытка обосновать естественно-правовую природу конституционных социальных прав. Авторы приходят к выводу, что субъективное конституционное право непосредственно выражается в возможности оспорить предложенную законодателем модель его реализации с позиции содержания данного права. В том же случае, когда используемая законодателем модель обеспечения этого конституционного права не выполняет такой функции, гражданин может обратиться в Конституционный Суд РФ с требованием о признании ее не соответствующей Конституции РФ.

© Велиева Д. С., Пресняков М. В., 2025

* *Велиева Джамиля Сейфаддиновна*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии
Московская ул., д. 164, г. Саратов, Российская Федерация, 410012
ya.wds05@yandex.ru

** *Пресняков Михаил Вячеславович*, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии
Московская ул., д. 164, г. Саратов, Российская Федерация, 410012
m.v.presnyakov@yandex.ru

Ключевые слова: резидуальный тип социальной политики; институциональная система социальной политики; конституционные права; конституционные социальные права; субъективные права; субъективные конституционные права; естественные права; отраслевая модель конституционного права; конституционное правосудие; назначение социальных прав.

Для цитирования: Велиева Д. С., Пресняков М. В. Субъективные социальные права: конституционно-правовая сущность // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 58–68. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.058-068.

Social Rights: Constitutional and Legal Essence

Dzhamilya S. Velieva, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Professor, Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshev, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
ya.wds05@yandex.ru

Mikhail V. Presnyakov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and International Law, Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin (RANEPА); Professor, Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabysheva Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
m.v.presnyakov@yandex.ru

Abstract. Social rights have a number of specific features that distinguish them from general human and civil rights and freedoms. In particular, the paper highlights that these rights do not have a clearly established list of powers; they are largely determined by positive legislation, etc. These features make it necessary to raise the question of the possibility of their identification as constitutional rights. Most often, an individual enjoys sectoral social rights: the right to pension and social security, the right to medical care, etc. — as they are defined by positive legislation. However, according to the Constitution of the Russian Federation, all the rights that it provides are natural: they are inalienable, belong to everyone from birth, inherent to the nature of man, and are not granted by the State, etc. The authors attempt to substantiate the legal nature of constitutional social rights. They conclude that the constitutional right is directly expressed in the ability to challenge the model of its implementation proposed by the legislator from the standpoint of the content of this right. In the same case, when the model of ensuring this constitutional right used by the legislator does not fulfill such a function, a citizen can apply to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request to find it as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: residual type of social policy; institutional system of social policy; constitutional rights; constitutional social rights; human rights; constitutional rights; natural rights; sectoral model of constitutional law; constitutional justice; assignment of social rights.

Cite as: Valieva DS, Presnyakov MV. Social Rights: Constitutional and Legal Essence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):58-68. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.058-068.

Социальные права

Прежде всего нужно сказать, что социальные права длительное время вообще не признава-

лись именно как права человека, а рассматривались скорее в качестве элемента благотворительности, вспомоществования. И на сегодняшний день некоторые авторы видят в них

«долг оказать помощь ближнему», переросший в «государственную филантропию»¹.

В доктрине принято выделять резидуальную и институциональную модели социальной политики². Резидуальное (остаточное) социальное обеспечение обычно выступает в виде милосердия (благотворительности, милостыни), в качестве временной меры при возникновении кризисной ситуации или критического положения адресата.

Институциональная модель предполагает, что система социального обеспечения встроена в систему государственной политики, выполняет «обычные (нормальные), первостепенные функции современного индустриального общества» и характеризуется всеобщностью, т.е. распространяется на каждого члена общества. Только в рамках такой системы у гражданина появляются право требовать предоставления ему определенных социальных услуг и, соответственно, прав на их получение (социальные права).

Изначально социальное обеспечение, которое в той или иной форме существует практически в любом обществе, строится по резидуальному типу. Раньше оно выступало в виде дела семьи или рода при отсутствии или минимальном участии государства. Кстати, этот тип социального обеспечения сохраняет свои позиции на протяжении довольно длительного времени: в частности, его элементы можно отметить в крестьянской общине, которая существовала вплоть до XX столетия.

Кроме того, содержание инвалидов, сирот, престарелых берут на себя общественные, как правило религиозные, организации. Например, в России была разветвленная система богаделен (от слов «Бога для», то есть «ради Бога»).

Что же касается государственного социального обеспечения, то в это время оно не носило системного характера: как правило, существование выражалось в форме подаяния, милостыни. В этот период не существует принципа всеобщности социального обеспечения: оно обладает волюнтаристскими чертами, при-

чем зачастую касается не действительно нуждающихся в социальной помощи, а отдельных сословий и лиц, приближенных к власти.

Разумеется, в такой системе у граждан нет права требовать предоставления им каких-либо социальных услуг или материальных благ и, соответственно, нет возможности говорить о социальных правах.

В капиталистическом обществе возможность говорить об институциональной системе социального обеспечения появляется после реформ Бисмарка, когда формируется всеобъемлющая система социального страхования, которая носит обязательный характер и обеспечивается мерами государственного принуждения. У застрахованного лица, уплачивающего страховые взносы, при наступлении страхового случая уже возникает право требовать предоставления ему соответствующего страхового обеспечения (социального пособия, пенсии и т.п.).

Следует заметить, что здесь идет речь об отраслевых и позитивных, а не о конституционных социальных правах. Эти права обязывают работодателя, самого работника, третье лицо, но не государство. Другими словами, лицо может обратиться в суд, если ему незаконно не выплатили или выплатили не в полном объеме пенсию или пособие, которое должно предоставляться в соответствии с позитивным законом. Конституционные же права — это те права, которые позволяют гражданину требовать чего-либо непосредственно от государства, например такого законодательного регулирования пенсионного обеспечения, которое позволит обеспечить достойную жизнь или по крайней мере удовлетворение самых насущных потребностей.

Конституционные социальные права

В специальной литературе сложилось понимание конституционных социальных прав как «закрепленного в Конституции РФ комплекса прав и свобод человека и гражданина, обеспечиваю-

¹ Арановский К. В., Князев С. Д. К вопросу об основаниях социальных прав и о субъектах правоотношений, с ними связанных // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 43–48.

² Новак Е. С., Лозовская Е. Г. Социальная работа за рубежом. М., 2009. С. 13.

щего достойный и достаточный уровень жизни человека, его свободное развитие и позволяющего распоряжаться основными факторами хозяйственной деятельности»³.

В конституции государств социальные права вошли не сразу. Социальные (социалистические) права обрели свое реальное воплощение первоначально в Советской Республике и в СССР, а потом под влиянием последнего вошли и в международное право. Как отмечал С. С. Алексеев, это произошло в ООН «в результате прямого и настойчивого идеологического и дипломатического воздействия Советского государства», «в обстановке почтительной эйфории, которая была характерна для отношения к Советскому Союзу после его победы над гитлеровским фашизмом»⁴.

Несмотря на то что социальные права были признаны на международном уровне почти сразу после Второй мировой войны, конституции многих стран специально не выделяют эту группу прав. Выдающийся советский и российский ученый-конституционалист Вениамин Евгеньевич Чиркин указывал на «либерально-полусоциальную капиталистическую модель прав человека», для которой характерно обозначение социальных прав не в качестве собственно прав, а как «социальных целей», «принципов политики» правительства в сфере социально-экономических отношений и т.п.⁵ Как пример такого подхода можно привести Конституцию Швейцарии, где перечисляются «социальные цели» (гл. 3): социальное обеспечение, забота о здоровье граждан, содействие семье и т.п., то есть то, что в нашей Конституции называется социальными правами. При этом часть 4 ст. 41 данного документа прямо закрепляет, что из социальных целей не могут выводиться ника-

кие непосредственные претензии на государственные услуги. Иными словами, «положения о правах человека, размещенные в этой части, не рассматриваются как субъективные права конкретной личности, ибо считается, что их невозможно обеспечить путем судебных исков»⁶.

Это, конечно, не означает, что в законодательстве Швейцарской Конфедерации отсутствуют конкретные социальные права, которые могли бы быть предметом рассмотрения в суде (пенсионные, из отношений по социальному страхованию и т.п.). Однако текущее законодательство создается и изменяется государством, которое может предусматривать различные условия предоставления этих прав, их объем, ограничения и т.п., и при подобном закреплении невозможно будет оспорить законодательные решения в части социальной политики.

Субъективные конституционные социальные права

Нужно сказать, что закрепление в конституциях перечня социальных прав еще не делает эти права конституционными в полном смысле слова. И на сегодняшний день некоторые ученые-конституционалисты отмечают определенную бессодержательность конституционных социальных прав. Так, по мнению Н. В. Харламовой, несмотря на прямое закрепление в конституциях, социальные права собственно правами не являются, а представляют собой «целевые, программные указания, обязывающие государство на социально ориентированную деятельность». «Это не субъективные права, а объективные обязанности государства, выполнение которых находится в зависимости от состояния экономики страны. Соответственно, провозглашенные

³ Граф М. П. Права граждан как элемент конституционной концепции социальной государственности России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 22.

⁴ Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 9. С. 123.

⁵ Чиркин В. Е. Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 132.

⁶ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 132.

⁷ Харламова Н. В. Конституционный статус социально-экономических прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 1. С. 23.

международным актом и Конституцией социально-экономические права непосредственно не подлежат судебной защите»⁷.

Например, в ст. 39 Конституции РФ гарантируется право каждого на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей. Как гражданин может воспользоваться именно этим правом?

Те права, которые закреплены законодательством о социальном обеспечении, предполагают наличие юридического факта, с которым закон связывает возникновение соответствующего права, условий и порядка его реализации, объем предоставляемых социальных благ, т.е. всё то, что характеризует право как субъективное. Что же тогда гарантирует Конституция РФ?

Если придерживаться позитивистских позиций, речь, по всей видимости, идет об абстрактной обязанности законодателя сформировать законодательство о социальном обеспечении для реализации соответствующего конституционного права. Однако в таком случае мы можем вести речь лишь о позитивном праве, тогда как Конституция РФ прямо говорит, что **все** права, ею закрепленные (и не только!), являются непосредственно действующими. Соответственно, речь идет о пользовании именно конституционным правом, а не его моделью, сформированной в позитивном законодательстве.

И когда говорится о свободах или личных правах, гарантированных Основным Законом, то механизм такого непосредственного правоупотребления понятен (хотя и он на практике не так очевиден): пользование свободой слова или правом на жизнь представляется естественным правомочием человека, вытекающим из его биологической природы. Социальные же права такой определенности лишены. Так можно ли их рассматривать именно как субъективные конституционные права?

По нашему мнению, субъективное конституционное право непосредственно выражается в возможности оспорить предложенную законодателем модель его реализации с позиции

содержания данного права⁸. Например, рассмотренная выше норма о праве на социальное обеспечение по возрасту должна обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). Несмотря на неопределенность понятия «достойная жизнь», это по крайней мере означает предоставление человеку такого объема социального обеспечения, который позволит ему реализовать хотя бы необходимые базовые потребности (еда, одежда и т.п.). В том же случае, когда используемая законодателем модель обеспечения этого конституционного права не выполняет этой функции, гражданин может обратиться в Конституционный Суд РФ с требованием о признании ее не соответствующей Конституции РФ.

Таким образом, именно конституционное правосудие, возможность обжаловать отраслевое регулирование того или иного права и является тем фактором, который превращает социальные права из конституционного перечня целей государственной политики в субъективные конституционные права, которыми лицо может непосредственно воспользоваться.

Неотъемлемые, или естественные, социальные права

Наименование «социальные права» представляется не совсем удачным, поскольку «социум» дословно означает «общество» или «общность людей». А под словом «социальные» словари понимают «общественные», «связанные с жизнью людей в обществе», «относящиеся к общим интересам» и т.п. Иначе говоря, это все те права, которые определяют индивида как часть социума и проявляются в общественной среде. Но ведь тогда «не социальных» прав просто не существует, поскольку как право в целом, так и права человека представляют собой насквозь социальный феномен. Вне общества никакие права невозможны, хотя бы даже в силу их предоставительно-обязывающего характера. «Если обратиться к буквальному толкованию,

⁸ См.: Пресняков М. В. Субъективные публичные права и проблема определенности правового статуса личности // Государство и право. 2022. № 7. С. 52–62.

то в самом широком смысле “социальное” тождественно понятию “общественное” ... в таком понимании социальное право звучит тавтологично, если учесть, что право существует лишь в социальности. Понятие “социальное право”, следовательно, становится тождественным самому понятию “право”, а значит, слово “социальное” в этой связке становится попросту излишним»⁹.

Еще более неудачным представляется термин «социально-экономические права» который иногда используется в доктрине¹⁰. В данном случае в одну группу прав человека объединяются принципиально разнородные и подчас конкурирующие права и свободы, например свобода предпринимательской деятельности и право на труд.

Нужно сказать, что в дореволюционной литературе такие права зачастую называли социалистическими, что значительно ближе к сущности данного вида прав¹¹. Понятие «социализм» исходит из того, что человек не просто является частью социума, но предполагается такое устройство общества и государства, которое обеспечивает справедливое распределение национального дохода.

Ввиду того что термин «социальные права» является устоявшимся в доктрине, мы будем далее использовать именно его, с тем, однако, уточнением, что речь идет об узком понимании социального как «области отношений, в рамках которых обеспечивается реализация основных потребностей человека (жилье, пища, безопасность и пр.)»¹².

Анализ специальной литературы демонстрирует широкий спектр подходов к определению понятия «социальные права», которые разнятся не только терминологически, но и по существу обозначаемых прав. При этом основным подходом здесь является выделение данной группы прав по целям или назначению их закрепления.

Согласно концепции трех поколений прав человека (К. Васак) социальные права — это права второго поколения. Появление социальных прав человека было связано с осознанием новой группы социальных проблем; понимание того, что право на жизнь не может быть реализовано только посредством закрепления запрета актов лишения жизни, а личное достоинство нуждается в «утвердительных действиях» со стороны государства, приводит к появлению второго поколения прав человека. Эти права в юридической литературе характеризуются как «позитивные», или «право на...» в противовес «свободам от...»: право на труд, право на социальное обеспечение, право на образование и т.п.

Социальные права также имеют статус «неотъемлемых» и «естественных», только концепция естественного права в данном случае значительно трансформируется и отталкивается уже не от биологических параметров индивида, а от социальной и этической природы человеческой личности.

Социальные права и свободы в России прошли длительный путь законодательного и конституционного развития. Еще в советский период был издан ряд актов, регламентирующих отдельные аспекты социальной защиты граждан.

В Конституцию РСФСР 1937 г. были включены нормы о праве на отдых (ст. 123), на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности (ст. 124), право на образование (ст. 125). К социальным правам можно отнести и положения ст. 126, согласно которой женщинам в РСФСР предоставлялись равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав обеспечивалась предоставлением женщине равных с

⁹ Чупилин Д. А. Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 8. С. 3–8 ; № 9. С. 7–10.

¹⁰ Гвоздева О. М. Гарантии конституционных социально-экономических прав граждан Российской Федерации: теория и практика // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 3. С. 18–22.

¹¹ Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 156.

¹² Чупилин Д. А. Указ. соч.

мужчиной прав на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпуска с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов. Иными словами, принцип равенства прав обеспечивался социальными гарантиями.

Примечательно, что право на материальное обеспечение также предусматривало социальные гарантии его реализации: широкое развитие социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатную медицинскую помощь трудящимся, предоставление в пользование трудящимся широкой сети курортов.

В Конституции 1978 г. был закреплен более широкий круг социальных прав: на отдых, на бесплатную медицинскую помощь в государственной системе здравоохранения, на социальное обеспечение по возрасту, в случае утраты трудоспособности, потери кормильца и в иных установленных законом случаях, на образование, на жилище, защита материнства и младенчества, прав детей, инвалидов, умственно отсталых лиц, а также граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы и нуждающихся в социальной поддержке (ст. 54–59).

Современный период развития концепции социальных прав человека связан прежде всего с переходом от позитивистской концепции к естественно-правовой теории прав человека. Конституция РФ 1993 г. расширила систему социальных прав человека исходя из концепции социального государства.

Согласно ст. 7 Основного Закона Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Конституции РФ закреплены не только система социальных прав человека, но и положения о социальной справедливости, социальном партнерстве, социальной солидарности, уважении человека труда.

Назначение социальных прав

Наиболее очевидной, но в определенном смысле уже устаревшей является точка зрения, согласно которой социальные права представляют собой «основные, неотъемлемые возможности каждого человека, гарантирующие защиту и поддержку со стороны общества и государства в случаях объективной невозможности самостоятельно обеспечить достаточные условия существования для себя и своей семьи, предполагающие содействие в получении доступа к основным ценностям цивилизованного общества (образованию и здравоохранению)»¹³.

На сегодняшний день большинство развитых стран смогли перешагнуть порог абсолютной бедности, когда социальные притязания человека определялись как жизненно необходимые, т.е. достаточные для существования как биологического существа потребности. Появилась концепция относительной бедности, в рамках которой бедность и достаток выступают сравнительными характеристиками индивидов. С 2021 г. прожиточный минимум в России стал определяться не как стоимостная характеристика минимально необходимых для жизни предметов, а исходя из медианного дохода населения. То есть бедность определяется соотношением достатка конкретного человека со средним доходом общества.

В этой связи большинство современных дефиниций социальных прав оперируют терминами «достойная жизнь», «нормальное существование и развитие» и т.п. При этом само понятие достойной жизни становится всё менее определенным, но не в силу неопределенности самих социальных прав, а из-за постоянного расширения экономических возможностей государств (в общем масштабе), с одной стороны, и возрастания социальных притязаний общества — с другой.

Появляются попытки определить социальные права через категории «социализация», «социальный статус». Так, Н. В. Шакун полагает,

¹³ Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 7.

что «социальные права — это признаваемые обществом и государством за каждым человеком (гражданином) его возможности притязать на достаточную социализацию, то есть обладание социально значимыми свойствами и соответствующим (приемлемым) статусом, и претендовать в этой связи на создание условий и получение средств, необходимых для достойного существования (нормальной жизнедеятельности) человека в данном обществе и его дальнейшего социального развития (личностного роста)»¹⁴. Сходным образом Д. С. Шелестов полагает, что назначением этой группы прав является адаптация человека в обществе¹⁵.

На наш взгляд, это понимание социальных прав в максимально обобщенном смысле является гносеологически избыточным и не позволяет выделить собственно *предмет* социальных прав. Здесь мы снова возвращаемся к тому, что в широком смысле все права человека как члена социума являются социальными. Какие же существуют «иные» (не социальные) права, которые не имели бы своей целью «социализацию индивида», обеспечение его правового статуса или адаптацию в обществе? Это риторический вопрос, поскольку таких прав нет и не может быть.

Таким образом, мы полагаем, что юридическая наука должна проявить более дифференцированный подход, который позволит избежать смешения социальных, культурных, экологических и иных смежных прав. Такое смешение возникает из-за того, что все эти права реализуются путем встречного предоставления со стороны государства. Однако сегодня государство берет на себя «позитивные обязательства» по обеспечению всех прав и свобод человека.

Например, право на квалифицированную юридическую помощь традиционно относится к личным правам, однако сегодня оно предполагает предоставление бесплатной юридической помощи в том случае, если гражданин не может обеспечить себе такую помощь самостоя-

тельно. Означает ли это, что данное право также является социальным? Как нам представляется, здесь следует говорить об объективном процессе социализации всех прав и свобод человека и гражданина, но с целью обеспечения терминологической точности нужно отличать социальные права в собственном смысле от социализированных прав.

«Несамоисполнимость» социальных прав

Другой особенностью социальных прав является особый механизм их обеспечения, из-за которого длительное время эти права отказывались признавать, считая их правопритязаниями, которые, однако, не влекут право требования и не могут быть предметом защиты в суде. Дело в том, что большинство прав первого поколения относится к так называемым самоисполнимым правам, которые человек может реализовать самостоятельно, не прибегая к чьей-либо помощи (право на жизнь и личную неприкосновенность, свобода слова и т.п.).

Совсем не таковы социальные права, которые могут быть реализованы только при наличии встречного предоставления. Справедливости ради нужно заметить, что на сегодняшний день и все остальные права реализуются при наличии активных действий со стороны государства. Даже право на жизнь для своего полноценного осуществления требует определенных позитивных действий, например создания полицейского аппарата, системы правосудия и т.п. Однако социальные права самостоятельно невозможно реализовать даже теоретически: каким образом человек может воспользоваться правом на социальное обеспечение по состоянию здоровья при отсутствии предоставления такого обеспечения со стороны третьего лица?

Кстати, таким третьим лицом может быть не только государство, но и, например, работодатель: первые три дня периода временной

¹⁴ Шакун Н. В. К вопросу о понятии социальных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 64.

¹⁵ Шелестов Д. С. Конституционные основы самозащиты социальных прав гражданами Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

нетрудоспособности оплачиваются непосредственно работодателем. Однако работодатель предоставляет работнику пособие по временной нетрудоспособности не по собственному желанию, а потому, что такая обязанность закреплена позитивным законодательством. Государство при этом выполняет функцию «регулирующего», или распределителя материальных благ.

Как справедливо отмечается в юридической литературе по данному вопросу, «важнейшим основанием выделения социальных прав человека как самостоятельной категории прав является то, что они предполагают возможность человека получить указанные блага не через рыночные механизмы, а через механизм государственной перераспределительной политики»¹⁶.

Из специфики данного механизма реализации социальных прав следует наличие еще двух существенных особенностей данной группы прав. Во-первых, предоставление социальных благ в данном случае носит безвозмездный (в самом широком смысле) характер для получателя данных благ. Так, А. Е. Козлов в качестве сущностного признака социальных прав выделяет то, что их объем не зависит от количества и качества труда¹⁷. В специальной литературе по праву социального обеспечения данная особенность обозначается как социально-алиментарный характер соответствующих правоотношений, когда содержание предоставляется не в ответ на действия другой стороны (без ответных действий)¹⁸.

Во-вторых, в силу всего вышесказанного содержание социальных прав оказывается особенно «чувствительным» к позитивному

законодательству, которое практически целиком и полностью определяет условия предоставления социальных благ, их объем и т.п. Например, общепризнанным правом человека является право на обеспечение по возрасту, однако пенсионный возраст, достижение которого дает право на получение соответствующих выплат, а также объем таких выплат определяются позитивным законом.

Именно в силу последней особенности возникают весьма серьезные трудности с защитой конституционных социальных прав. С одной стороны, органами конституционного правосудия принимается во внимание, что законодатель должен располагать высокой степенью дискреции в части регулирования этих прав, а с другой — подобное регулирование не должно приводить к утрате реального содержания таких прав¹⁹.

Итак, подводя итог сказанному выше, можно выделить следующие особенности социальных прав:

- а) вариабельность содержания и объема конкретных правомочий, которые данные права предполагают;
- б) алиментарный характер данных прав, т.е. необусловленность получения социальных благ действиями самого получателя данных благ;
- в) высокая степень конкретизации в позитивном законодательстве.

Социальные права по своей сути есть признанные государством и основанные на законе притязания на определенную долю социальных благ, принадлежащие человеку в силу его социальной природы.

¹⁶ Хамзина Ж. А. Социальные права человека и гражданина в Республике Казахстан // URL: http://www.rusnauka.com/11._NPRT_2007/Pravo/22201.doc.htm.

¹⁷ Козлов А. Е. Социальная политика государства. М., 1991. С. 16.

¹⁸ Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2009. С. 44–45.

¹⁹ Пресняков М. В. Проблема содержательной определенности и конституционной защиты социальных прав // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 16–23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. — М. : Статут, 2010. — Т. 9. — 504 с.
2. Арановский К. В., Князев С. Д. К вопросу об основаниях социальных прав и о субъектах правоотношений, с ними связанных // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 11. — С. 43–48.
3. Гвоздева О. М. Гарантии конституционных социально-экономических прав граждан Российской Федерации: теория и практика // Вестник Омской юридической академии. — 2017. — № 3. — С. 18–22.
4. Граф М. П. Права граждан как элемент конституционной концепции социальной государственности России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2007. — 31 с.
5. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. — 1990. — № 6. — С. 141–159.
6. Козлов А. Е. Социальная политика государства. — М., 1991. — 40 с.
7. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. — 2-е изд., доп. — М. : Юстицинформ, 2009. — 656 с.
8. Новак Е. С., Лозовская Е. Г. Социальная работа за рубежом. — М., 2009. — 172 с.
9. Пресняков М. В. Проблема содержательной определенности и конституционной защиты социальных прав // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 6. — С. 16–23.
10. Пресняков М. В. Субъективные публичные права и проблема определенности правового статуса личности // Государство и право. — 2022. — № 7. — С. 52–62.
11. Путило Н. В. Основы правового регулирования социальных прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 21 с.
12. Хамзина Ж. А. Социальные права человека и гражданина в Республике Казахстан. — URL: http://www.rusnauka.com/11._NPRT_2007/Pravo/22201.doc.htm.
13. Харламова Н. В. Конституционный статус социально-экономических прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2000. — № 1. — С. 23–29.
14. Чиркин В. Е. Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2015. — № 5. — С. 127–134.
15. Чупилин Д. А. Социальные споры в цивилистическом процессе: к проблеме понятия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 8. — С. 3–8 ; № 9. — С. 7–10.
16. Шакур Н. В. К вопросу о понятии социальных прав // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 10. — С. 60–64.
17. Шелестов Д. С. Конституционные основы самозащиты социальных прав гражданами Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004. — 26 с.

Материал поступил в редакцию 11 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Sbranie sochineniy: v 10 t. — M.: Statut, 2010. — T. 9. — 504 s.
2. Aranovskiy K. V., Knyazev S. D. K voprosu ob osnovaniyakh sotsialnykh prav i o subektakh pravootnosheniy, s nimi svyazannykh // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2013. — № 11. — S. 43–48.
3. Gvozdeva O. M. Garantii konstitutsionnykh sotsialno-ekonomicheskikh prav grazhdan Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika // Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. — 2017. — № 3. — S. 18–22.
4. Graf M. P. Prava grazhdan kak element konstitutsionnoy kontseptsii sotsialnoy gosudarstvennosti Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2007. — 31 s.
5. Kistyakovskiy B. A. Gosudarstvo pravovoe i sotsialisticheskoe // Voprosy filosofii. — 1990. — № 6. — S. 141–159.

6. Kozlov A. E. Sotsialnaya politika gosudarstva. — M., 1991. — 40 s.
7. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. Kurs prava sotsialnogo obespecheniya. — 2-e izd., dop. — M.: Yustitsinform, 2009. — 656 s.
8. Novak E. S., Lozovskaya E. G. Sotsialnaya rabota za rubezhom. — M., 2009. — 172 s.
9. Presnyakov M. V. Problema soderzhatelnoy opredelennosti i konstitutsionnoy zashchity sotsialnykh prav // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 6. — S. 16–23.
10. Presnyakov M. V. Subektivnye publichnye prava i problema opredelennosti pravovogo statusa lichnosti // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 7. — S. 52–62.
11. Putilo N. V. Osnovy pravovogo regulirovaniya sotsialnykh prav: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1999. — 21 s.
12. Khamzina Zh. A. Sotsialnye prava cheloveka i grazhdanina v Respublike Kazakhstan. — URL: http://www.rusnauka.com/11._NPRT_2007/Pravo/22201.doc.htm.
13. Kharlamova N. V. Konstitutsionnyy status sotsialno-ekonomicheskikh prav // Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie. — 2000. — № 1. — S. 23–29.
14. Chirkin V. E. Sovremennye globalnye modeli osnovnykh prav cheloveka: novyy podkhod // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2015. — № 5. — S. 127–134.
15. Chupilin D. A. Sotsialnye spory v tsivilisticheskom protsesse: k probleme ponyatiya // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2020. — № 8. — S. 3–8; № 9. — S. 7–10.
16. Shakun N. V. K voprosu o ponyatii sotsialnykh prav // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2012. — № 10. — S. 60–64.
17. Shelestov D. S. Konstitutsionnye osnovy samozashchity sotsialnykh prav grazhdanami Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2004. — 26 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.069-082

Б. А. Шахназаров*

Правовые основы рейтинговой деятельности в сфере устойчивого развития

Аннотация. Устойчивое развитие как актуальная повестка формирования и реализации общественных отношений в современном мире ориентировано на решение самых разных проблем, которые стоят перед государствами, обществом, а также затрагивают самые различные правоотношения. Право, будучи системой норм, регулирующих общественные отношения, охватывает и отношения в сфере устойчивого развития. Сопоставительная методология в отношении устойчивого развития проявляется через призму рейтинговой деятельности, направленной на оценку соответствия различным нормам, действующим в сфере устойчивого развития. Основная проблема заключается в том, что ESG-рейтинги разных поставщиков соответствующих услуг существенно различаются из-за различий в подходах к анализу ESG-рейтингов разных рейтинговых агентств. Четкая и прозрачная система рейтингования и оценки соответствия деятельности субъектов права принципам устойчивого развития на основе эффективного нормативного регулирования в контексте разных подходов к моделям рейтингования в сфере устойчивого развития, а также различающихся в мире ESG-стандартов представляется важнейшей составляющей реализации ESG-принципов как на международном уровне, так и в контексте выработки российского национального стандарта устойчивого развития.

Ключевые слова: рейтингование; ранжирование; ESG; правовое регулирование; право устойчивого развития; методология; рейтинговые агентства; ЦУР; рекомендации Банка России; гармонизация ESG-рейтингов.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Правовые основы рейтинговой деятельности в сфере устойчивого развития // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 69–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.069-082.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Шахназаров Б. А., 2025

* Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ben_raf@mail.ru

Legal Foundations for Ratings Activities for the Sustainable Development Goals

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private international Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ben_raf@mail.ru

Abstract. Sustainable development as an urgent agenda for the formation and implementation of social relations in the modern world is focused on solving a variety of problems that the states and society are facing, and that affect a variety of legal relations. Law, being a system of norms governing social relations, also covers relations in the field of sustainable development. Comparative methodology in relation to sustainable development is manifested through the prism of evaluating activities aimed at assessing compliance with various norms in the field of sustainable development. The main problem is that ESG evaluation of different providers of relevant services differ significantly due to differences in approaches to the analysis of ESG ratings of different rating agencies. A clear and transparent system for rating and evaluating the compliance of the activities of legal entities with the principles of sustainable development based on effective normative regulation in the context of different approaches to rating models in the field of sustainable development, as well as ESG standards that differ in the world, is an essential component of the implementation of ESG principles both at the international level and in the context of the development of the Russian national standard for sustainable development.

Keywords: rating; ranking; ESG; legal regulation; the right to sustainable development; methodology; rating agencies; SDGS; Bank of Russia recommendations; harmonization of ESG ratings.

Cite as: Shakhnazarov BA. Legal Foundations for Ratings Activities for the Sustainable Development Goals. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):69-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.069-082.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Повестка устойчивого развития представляет собой сквозную проблематику, влияющую на формирование права устойчивого развития¹. Три важнейших собирательных вектора права устойчивого развития: экологическое, социальное, корпоративное управление общественными отношениями, — которые учитываются большинством современных государств, обществом, социально ответственными предпринимателями, инвесторами для определения направления инвестиций, ориентированы на обеспечение интересов будущих поколений, ответственные подходы к реализации самых различных общественных отношений на современном этапе развития.

Таким образом, очевидна актуальность права устойчивого развития и повестки устойчивого развития в целом, что, безусловно, порождает возникновение принципов устойчивого развития, конкретных правовых норм, регламентирующих отношения устойчивого развития, а также иных норм, направленных на упорядочивание обозначенных отношений.

Когда те или иные отношения регулируются на основе общих принципов и целей на национальном, региональном и универсальном (глобальном) международном уровнях, невольно возникает вопрос об оценке соответствия той или иной деятельности предъявляемым требованиям или рекомендуемым стандартам поведения. В обозначенном контексте праву устойчивого развития свойственно использо-

¹ О концепции права устойчивого развития см.: Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. М. : Проспект, 2023.

вание специальных методов правового регулирования: стандартизации и определения соответствия (сопоставительная методология)². При этом сопоставительная методология в отношениях устойчивого развития проявляется через призму рейтинговой деятельности, направленной на оценку соответствия различным нормам, действующим в сфере устойчивого развития.

Система рейтингов в сфере устойчивого развития изначально формировалась как инструментарий, ориентированный на инвесторов и способствующий принятию ими инвестиционно-партнерских решений, выверенных с точки зрения экологических, социальных и управленческих факторов. ESG-рейтингование зарождалось в 1980-х гг. в процессе поисков объективной основы принятия общественно полезных решений, ориентированных на будущие поколения, таким образом начали формироваться первые представления об устойчивом инвестировании.

В мировой практике ESG-рейтингования прослеживается плюрализм подходов. Стандартизированной рейтинговой системы в контексте определения ESG-соответствия компаний не существует, при этом активно функционирует ряд различных рейтинговых агентств, каждое из которых предоставляет участникам рейтинговой деятельности инвестиционные рейтинговые решения на основе ESG-показателей компании³. Стоит отметить, что ESG-рейтинги разных поставщиков соответствующих услуг существенно различаются из-за различий в подходах к анализу ESG-показателей. Так, разные рейтинговые агентства, осуществляющие ESG-рейтингование, предпочитают дифференцировать концепцию ESG-эффективности на разные показатели и организовывать их в разные иерархии. Напри-

мер, на первом уровне дезагрегации Moody's ESG, S&P Global, MSCI и Sustainalytics имеют три измерения (E, S и G), Refinitiv — четыре, а KLD — семь. Этот факт и связанные с ним расхождения в показателях существенно усложняют задачу инвесторам.

Показатели ESG могут сильно различаться у разных поставщиков рейтинговых услуг в сфере ESG для одной и той же компании, что еще больше затрудняет выбор инвесторов. Ряд различий объясняется разным выбором и значимостью существенных для оценки проблем, а другие различия опосредованы выбором разных показателей для оценки этих проблем. Что наиболее важно для инвесторов, неясно, в какой степени сторонние оценки учитывают открытые для анализа действия компании или изменения в стратегии, которые могут трансформировать ее будущую ESG-позицию⁴.

Поставщиками ESG-рейтинга являются компании, которые предоставляют оценки степени устойчивости эмитентов акций и долговых обязательств на основе их раскрытия в соответствии с принципами устойчивого развития. Некоторые рейтинги основаны на количественных методологиях, в которых используются и взвешиваются многочисленные показатели, либо предоставленные самими эмитентами, либо из открытых источников.

При этом справедливо отмечается, что даже в самых сложных геополитических условиях ESG-повестка в России должна развиваться, поскольку реализация устойчивых проектов позволяет удовлетворить потребности новых партнеров. В этих условиях показатели рейтингов ESG могут стать важными ориентирами для инвесторов и потенциальных партнеров⁵.

² См.: Шахназаров Б. А. Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 7. С. 52.

³ См.: Finogenova Y. Y. Features of ESG rating of Russian companies // *E3S Web Conf.* 2023. Vol. 403. XII International Scientific and Practical Forum «Environmentally Sustainable Cities and Settlements: Problems and Solutions» (ESCP-2023). URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2023/40/e3sconf_escp2023_08004/e3sconf_escp2023_08004.html (дата обращения: 23.05.2024).

⁴ См.: ESG Rating Events, Financial Investment Behavior and Corporate Innovation / Chao Li, Shusong Ba, Kejia Ma [et al.] // *Economic Analysis and Policy*. 2023. Vol. 77. P. 372–387. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2022.11.013>.

⁵ См.: Finogenova Y. Y. Op. cit.

Основы рейтинговой деятельности в сфере устойчивого развития

Рейтинги в сфере устойчивого развития, или рейтинги ESG, в большинстве случаев направлены на оценку приверженности компании принципам, целям и другого рода нормам устойчивого развития, а также на определение уровня управления процессами устойчивого развития, которые наиболее релевантны деятельности соответствующей компании⁶.

При этом важно подчеркнуть, что с учетом мировой практики рейтинги ESG присваиваются как коммерческим, так и некоммерческим организациям для оценки того, насколько корпоративные заявления, результаты деятельности и бизнес-модели рейтингуемого лица соответствуют целям устойчивого развития. В основном они предоставляются инвестиционным фирмам и частным инвесторам для оценки компаний в их фондах или портфелях.

Рейтинг устойчивого развития также измеряет устойчивость компании к долгосрочным экологическим, социальным и управленческим рискам. Такие вопросы, как энергоэффективность, безопасность труда и независимость совета директоров, безусловно, имеют финансовые последствия, но их часто недооценивают в ходе традиционных финансовых обзоров. Использование рейтингов ESG для завершения финансового анализа позволяет инвесторам получить более точное представление о долгосрочном потенциале компании.

В контексте использования сопоставительной методологии в сфере устойчивого развития различают системы рейтингования (*rating*) и ранжирования (*ranking*). Различие между рейтингом и ранжированием при оценке соответствия нормам устойчивого развития заключается в подходах к сравнению. В первом случае необходимо сравнивать разные пункты, используя общую шкалу (например: «Пожалуйста, оцените каждый из следующих пунктов по шкале от 1 до 10, где 1 — “совсем не важно”, а 10 — “очень

важно”»), в то время как при ранжировании необходимо напрямую сравнивать различные элементы друг с другом (например: «Пожалуйста, расположите каждый из следующих элементов в порядке важности, от самого важного пункта № 1 до наименее важного пункта № 10»)⁷.

Фактически рейтинговая шкала представляет собой закрытую шкалу, которая позволяет респондентам оценивать несколько переменных по одной шкале. Напротив, шкала ранжирования представляет собой закрытую шкалу, которая позволяет респондентам оценивать несколько элементов строк по отношению к одному элементу столбца или вопросу в рейтинговом опросе, а затем ранжировать элементы строк.

Вопрос с рейтинговой шкалой позволяет измерить характер ответа, а вопрос со шкалой ранжирования позволяет сразу увидеть приоритет различных вариантов. При этом для того, чтобы получить наиболее полную информацию о соответствии нормам устойчивого развития, представляется целесообразным использовать оба метода.

Отдельно стоит отметить возрастающее значение применения современных технологий при осуществлении рейтинговой деятельности. Так, стали использоваться решения, построенные на системах искусственного интеллекта. Например, на основе применения системы искусственного интеллекта FinScience компаниям предлагается интегрированный и модульный подход для осуществления ESG-скоринга. Решение базируется на объединении внутренних и традиционных данных с альтернативными данными — внешними данными, генерируемыми онлайн, что помогает сформировать репутацию компании. Альтернативный ESG-рейтинг компании на основе решения FinScience предполагает оценку устойчивости в сфере корпоративного управления в соответствии с каждой из 17 целей устойчивого развития (ЦУР) Повестки дня ООН на период до 2030 г.

Это решение не только обеспечивает постоянные и своевременные обновления, но и под-

⁶ См.: *Orecchio A.* ESG Rating and Rankings: meaning and definition. 19 Aug. 2022 // URL: <https://finscience.com/en/blog/esg/esg-rating-and-rankings-meaning-and-definition/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ См.: *Orecchio A.* Op. cit.

держивает каждую компанию на последнем, но наиболее важном этапе процесса — этапе информирования о результатах оценки ESG за пределами компании, чтобы все заинтересованные стороны могли получить реальное представление о ценности и влиянии приверженности компании ESG-принципам.

Для организаций, ориентированных на устойчивое развитие, показатели ESG — это действительно настоящий ориентир, который направляет советы директоров и акционеров к более эффективным практикам в области окружающей среды, социальной сферы и управления (на основе ESG-принципов). Рейтинговая деятельность зачастую является ключевым способом оценки усилий компаний сторонними рейтинговыми организациями, организациями, занимающимися отчетностью; она также является важным инструментом для сравнения ESG-показателей одной организации с показателями другой⁸.

Оценки и рейтинги ESG — это количественный способ ответить на ряд вопросов, устраняющих сложность оценки ESG-деятельности компании. К ним относятся, в частности, вопросы о том, выполняет ли компания обязательства по соблюдению требований, связанных с воздействием на окружающую среду; подвергают ли компанию юридическому или репутационному риску многообразие, справедливость или другие вопросы и принципы осуществления управленческих процессов.

Советы директоров компаний должны быть в курсе развивающихся стандартов и систем ESG-соответствия, они должны знать, что входит в показатели ESG и почему они важны для инвесторов и заинтересованных сторон. Эти оценки могут стать определяющим фактором в привлечении капитала и поддержке прозрачного взаимодействия с заинтересованными сторонами по вопросам ESG-повестки.

ESG-рейтинги в обозначенном контексте направлены на формирование критериев, которые инвесторы могут использовать для оценки эффективности компании по вопросам ESG и ее подверженности рискам, связанным с ESG. Они рассчитываются на основе набора показателей ESG и могут быть выражены в числовой шкале или через систему буквенного ранжирования.

Точно так же, как кредитный рейтинг показывает способность потребителя погасить долг, рейтинг ESG показывает, насколько эффективна стратегия ESG организации. Отчеты и рейтинги ESG являются необходимыми инструментами сравнения для ценностно ориентированных инвесторов, управляющих активами, финансовых менеджеров и других заинтересованных сторон, измеряющих показатели ESG компании, с течением времени и с их аналогами на рынке и в отрасли.

Сами оценки ESG-соответствия и окружающий контекст дополняют картину эффективности компании в области решения экологических, социальных и управленческих вопросов. По данным Форума Гарвардской школы права по корпоративному управлению, такие отчеты «часто составляют основу неформального взаимодействия инвесторов с компаниями, связанного с предложениями акционеров, по вопросам ESG»⁹.

Результаты деятельности компании, связанной с ESG-повесткой, от кибербезопасности до изменения климата, разнообразия, справедливости и инклюзивности, становятся всё более важным фактором для заинтересованных сторон при принятии различных решений, прежде всего в контексте инвестиционного планирования. Хороший показатель ESG — желаемый результат для многих компаний совершенно разного уровня, позволяющий прогнозировать будущие риски и возможности, реализовывать

⁸ См.: *Farnham K.* ESG scores and ratings: What they are, why they matter, 29 Nov. 2023 // URL: https://checklink.mail.ru/proxy?es=xQIwGYLZSueDJ05JoSIs%2FWfCB%2BLSOINaWHaMmnWhZvc%3D&egid=gx1zGAHLUcUdtFyVv2g1kiDvt3yXvyC305%2BjZ2qb%2BmY%3D&url=https%3A%2F%2Fclick.mail.ru%2Fredir%3Fu%3Dhttps%253A%252F%252Fwww.diligent.com%252Fresources%252Fblog%252Fesg-risk-scores%26c%3Dswm%26r%3Dhttps%26o%3Dmail%26v%3D3%26s%3Dc3b84e6e9aa16a8f&uidl=17162256571089847618&from=ben_raf%40mail.ru&to=ben_raf%40mail.ru&email=ben_raf%40mail.ru (дата обращения: 20.05.2024).

⁹ См.: *Farnham K.* Op. cit.

долгосрочное стратегическое планирование, устанавливать приоритет создания долгосрочной стоимости над краткосрочными выгодами.

Таким образом, последствия некачественной оценки соответствия деятельности ESG-принципам могут быть очень серьезными. Практика международного бизнеса всё чаще показывает, что компании, которые придерживаются принципов ESG, инвестируют с меньшим риском и более устойчивы к различным вызовам с течением времени.

По этой причине дальновидные советы директоров всегда осведомлены о проблемах и деятельности своей компании в области ESG, о различных сторонних организациях, оценивающих их усилия, и об их показателях устойчивого развития.

Говоря о том, кто занимается рейтинговой деятельностью, формулированием оценочных ESG-показателей, стоит отметить, что их рассчитывают специализированные компании, в том числе агентства, исследовательские и аналитические фирмы, которые оценивают компании по ESG-показателям. Эти организации определяют независимые оценки ESG-соответствия, которые используются для принятия инвестиционных решений и сравнения с аналогами.

В настоящее время большое количество агентств по всему миру выставляют оценки соответствия ESG-принципам, формируют соответствующие рейтинги. Например: Bloomberg ESG Data Services предлагает данные ESG для более чем 11,7 тыс. компаний в 102 странах; Corporate Knights Global 100 — ежегодный глобальный рейтинг показателей корпоративной устойчивости, проводимый журналом Corporate Knights из Торонто; рейтинги рисков ESG Sustainalytics призваны помочь инвесторам определить финансово существенные ESG-риски для более чем 12 тыс. компаний; целый ряд индексов устойчивого развития Dow Jones, модерируемых DJSI World, представляет 10 % наиболее устойчивых компаний среди 2,5 тыс. крупнейших компаний в глобальном индексе S&P Global BMI; Refinitiv (Thomson Reuters) ESG Scores измеряет эффективность ESG-соответствия по 10 тематическим направлениям для более чем 6 тыс. компаний по всему миру. Refinitiv рассчитывает

показатели ESG для 11,8 тыс. компаний и имеет 700 аналитиков-исследователей. Refinitiv — это переименованный поставщик данных Thomson Reuters, которому принадлежат одноименная база данных, а также новостная лента Reuters. Refinitiv была приобретена Группой Лондонской фондовой биржи (LSEG) в 2021 г. Рейтинги Refinitiv ESG включены в список сервисов через более широкие финансовые базы данных компании.

В контексте использования современных информационных технологий в рассматриваемой деятельности стоит отметить RepRisk, которая применяет искусственный интеллект и машинное обучение для проведения оценки ESG-рисков для более чем 160 тыс. государственных и частных компаний.

Крупные российские агентства, осуществляющие рейтинговую деятельность, а также ранжирование в сфере устойчивого развития: Национальное рейтинговое агентство (НРА), рейтинговое агентство «Эксперт РА», рейтинговое агентство RAEX («РАЭК-Аналитика»), Аналитическое кредитное рейтинговое агентство (АКРА).

Компании, оказывающие рейтинговые услуги, различаются практически во всех подходах к оценке ESG, от формул, которые они используют для определения ESG-рейтингов, до того, как они соотносят и оценивают отдельные факторы и как публикуют результаты.

Большинство отчетов и ESG-рейтингов учитывают все три собирательные категории ESG-принципов: окружающую среду, социальную сферу и корпоративное управление.

Экологические факторы оценки варьируются от выбросов парниковых газов компанией до обращения с животными. Общие критерии оценки включают показатели, относящиеся к следующим сферам: изменение климата; загрязнение почвы и воды; возобновляемая энергия; политика, касающаяся окружающей среды. Факторы социальной оценки — деловые отношения компании с сотрудниками, поставщиками, партнерами, акционерами и другими группами по всей цепочке поставок. Например, при оценке рассматриваются такие вопросы: этично ли обращаются с работниками на заво-

дах, с иностранными работниками за границей; получают ли работники достойную заработную плату выше прожиточного минимума; регулярно ли проверяются объекты, на которых осуществляется трудовая деятельность, и безопасны ли условия труда; могут ли сотрудники взять отпуск по болезни или по другим личным причинам.

Социальные оценки могут отражать также осуществляемые организацией благотворительные взносы, взаимодействие с клиентами, влияние на сообщество и на политику.

Если говорить о критериях оценки корпоративного управления, то оценке подлежат правовые вопросы, вопросы соблюдения ESG-требований, в том числе в деятельности совета директоров, как часть оценки ESG-соответствия в целом.

Важно оценить уровень соблюдения компанией требований и всех локальных, федеральных нормативных правовых актов. Необходимо понимать, учитывает ли состав совета директоров разный опыт и точки зрения, как вознаграждение исполнительных и иных директоров соотносится с аналогичными показателями в компании.

Многие оценки ESG-соответствия учитывают отраслевой контекст. Например, Corporate Knights оценивает компании только на основе показателей эффективности, соответствующих их отрасли¹⁰.

Стоит отметить, что некоторые рейтинговые агентства не полагаются на те сведения, которые компании предоставляют для оценки ESG. Например, компания Corporate Knights использует только общедоступные данные. RepRisk заходит дальше: намеренно исключает самораскрытие компаний, анализируя информацию из публичных источников и заинтересованных сторон.

Другие агентства привлекают компании для участия в рейтинге с самого начала. Например, компании, которые Dow Jones приглашает для возможного включения в мировой список индекса устойчивости (DJSI), должны заполнить анкету. Bloomberg получает данные из отчетов о КСО, из общедоступных источников и посред-

ством прямых контактов с компаниями, методом воздействия на которые в случае отсутствия данных становится установление более низкого рейтинга.

Таким образом, ряд зарубежных рейтинговых агентств применяет принудительные инструменты, мотивирующие к участию в рейтинге, что, как представляется, может вызывать определенные сомнения в объективности результатов оценки. В таких случаях рейтинги могут использоваться как инструменты влияния и даже трансформации рынка, что влечет серьезные экономические риски.

Мировой опыт рейтинговой деятельности в сфере устойчивого развития показывает, что хорошая оценка ESG-соответствия зависит от агентства, которое ее присваивает. Методология, объем и охват каждого из них могут существенно различаться, четкое унифицированное нормативное правовое регулирование отсутствует. Например, Bloomberg и Corporate Knights оценивают компании по 100-балльной шкале: оценка более 70 считается хорошей. Thomson Reuters присваивает баллы от нуля (худший) до единицы (лучший) с соответствующей буквенной оценкой. RepRisk использует индекс RepRisk (от 0 до 100) и предоставляет рейтинг RepRisk (от AAA до D).

Низкий ESG-показатель может сказаться на дальнейшем развитии компании и будущих партнерских взаимоотношениях. Хотя шкалы оценки и рейтинга различаются в разных агентствах, оценка ниже 50 считается негативной, а выше 70 — высокой¹¹.

Высокий ESG-показатель свидетельствует о благоприятном характере деятельности организации, осуществляемой с учетом принципов устойчивого развития. Организации, набравшие 70 баллов и больше, имеют сильные программы в сфере устойчивого развития, а организации с баллами меньше 50 имеют возможности для совершенствования.

Некоторые рейтинги и отчеты ESG находятся в открытом доступе. DJSI, например, ежегодно публикует мировые и региональные индексы наиболее эффективных компаний.

¹⁰ См.: Farnham K. Op. cit.

¹¹ См.: Farnham K. Op. cit.

Ряд иных рейтингов и отчетов, например Bloomberg и RepRisk, создается для инвесторов, инвестиционных фондов в контексте предварительного инвестиционного анализа информации о компаниях, в которые они хотят инвестировать.

Некоторые рейтинговые организации, оказывая, по сути, консультационные услуги, позволяют компаниям — участникам рейтинга проверять данные перед направлением ESG-показателей инвесторам и (как, например, в случае с рейтинговыми оценками RepRisk и Dow Jones) предоставляют компаниям отзывы о том, каким образом они могут улучшить свои общие показатели и непосредственно ESG-показатели.

Такого рода деятельность представляется неоднозначной с точки зрения объективности рейтинговых оценок и критериев совершенствования показателей. В обозначенном контексте сохраняется риск целенаправленной коммерциализации рейтинговых услуг, способной привести к получению рейтинговых оценок за определенное финансирование субъектов такой оценочной деятельности.

Говоря об адресатах данных рейтингов, нужно отметить, что инвесторы используют ESG-показатели для учета экологических, социальных и управленческих решений в своих инвестиционных решениях. Многие инвесторы будут рассматривать высокий ESG-показатель как критерий высокого потенциала предполагаемой партнерской организации, в частности как критерий использования организацией ESG-инструментов для повышения своих финансовых показателей и ограничения рисков. С другой стороны, более низкий балл может сигнализировать инвесторам о том, что организация либо не заинтересована в ESG-процессах, либо не знает, как эффективно решать проблемы, связанные с ESG-повесткой.

В любом случае ESG-показатели стали, по сути, фильтром при импакт-инвестировании, представляющем собой деятельность по осуществлению социально преобразующих инвестиций. Это делает их критически важными для

советов директоров компаний, которые хотят оставаться конкурентоспособными в бизнес-среде, всё более заинтересованной в устойчивой и социально осознанной деятельности. Однако необходимо принимать во внимание, что подлинно ESG-ориентированную деятельность не следует путать с гринвошингом — практикой экологичного позиционирования компании, ее деятельности или производимых (оказываемых) товаров (услуг) без достаточных для этого оснований. В таком случае происходит введение потребителей и контрагентов в заблуждение относительно целей производителя и его заверений в экологичности продукции или услуги за счет представления их в благоприятном свете.

Проблемы ESG-рейтингования

Оценивая значение зарубежных систем ESG-рейтингования, сто́ит подчеркнуть, что практикующие специалисты, представляющие компании, заинтересованные в таких рейтингах, часто отмечают непонимание методологий и уровня надежности ESG-рейтингов¹². Повышение результатов ESG-рейтингования не всегда связано с повышением именно уровня приверженности к устойчивому развитию в деятельности компании. Например, компании, которые повышают уровень раскрытия информации (в частности, раскрывая информацию о своих выбросах углекислого газа), имеют значительно больше шансов получить последующее повышение в рейтинге несмотря на то, что, например, основные показатели компании в этой области не изменились.

Кроме того, ESG-рейтинги зачастую слабо связаны с экологическими и социальными факторами, при этом в большей степени основаны на управленческих показателях. Компании с высокими ESG-рейтингами (например, рейтинги Sustainalytics) имеют часто худшие показатели соблюдения трудового и экологического законодательства по сравнению с компаниями в рейтинговых портфелях, не относящихся к ESG, за

¹² См.: *Tayan B. ESG Ratings: A Compass without Direction*. 24 Aug. 2022 // URL: <https://corpgov.law.harvard.edu/2022/08/24/esg-ratings-a-compass-without-direction/> (дата обращения: 24.05.2024).

тот же период. Компании, добавленные в рейтинговые ESG-портфели, также впоследствии нередко не улучшают соблюдение трудового или экологического законодательства.

Если оценивать опыт ESG-рейтингования в США (как государства с активно развивающимся рынком ESG-рейтингов), то нужно сказать, что американские компании, присоединяющиеся к Принципам ответственного инвестирования (PRI), которые обязывают компании включать факторы ESG в свои процессы принятия решений, получают худшие рейтинги ESG (согласно рейтингам MSCI, Refinitiv и Sustainalytics), чем американские компании, которые не берут на себя соответствующее обязательство.

Кроме того, некоторые структурные особенности могут повлиять на качество ESG-рейтингования. Так, например, влияет на систему рейтингования коммерческий характер использования ESG-рейтингов. Многие консалтинговые фирмы получают финансовую выгоду от использования рейтингов (даже в случае отсутствия в них выверенной информации), в том числе фирмы, которые консультируют компании по вопросам улучшения систем раскрытия информации и ESG-рейтингов в целом, аудиторские фирмы, которым платят за подтверждение точности раскрытия информации, и инвестиционные фирмы, которые предлагают широкой общественности ESG-ориентированные продукты. Отмечаются и конфликты интересов из-за продажи консалтинговых услуг рейтинговым компаниям. В целом практика предоставления платных услуг рейтинговым компаниям для повышения их рейтингов как минимум вызывает серьезные опасения по поводу того, не ставит ли это под угрозу независимость этих рейтингов. Конфликт интересов может возникать и в случаях, когда рейтинговое агентство оценивает дочернюю компанию.

Кроме того, рейтинговое агентство может присвоить компании низкие рейтинги, чтобы заставить ее увеличить раскрытие информации, даже если такой методологический выбор вво-

дит инвестора в заблуждение. Или рейтинговая компания, напротив, может присвоить искусственно положительные рейтинги, чтобы завоевать расположение и признание заказчиков и, возможно, иных рейтинговых компаний.

Обозначенные выше проблемы приводят к сомнениям в объективности современных ESG-рейтингов, что также позволяет говорить о целесообразности более четкой регламентации и унификации возможных систем ESG-рейтингования. Кроме того, если рейтинги, администрируемые и публикуемые каким-либо одним рейтинговым агентством, в ряде случаев не позволяют эффективно и объективно оценить деятельность той или иной компании, то оценки нескольких агентств с учетом ESG-факторов могут быть информативными, если рассматривать их в совокупности.

Российский подход к регулированию рейтингования в сфере устойчивого развития

Если говорить о российском опыте и подходе к системе рейтингования в сфере устойчивого развития, то стоит отметить, что ESG-рейтингование российских эмитентов начало зарождаться довольно давно, раньше первого выпуска «зеленых» облигаций (в 2018 г. в России был осуществлен первый выпуск «зеленых» облигаций на Московской бирже, что ознаменовало формирование отечественного сегмента ESG-рейтингования и развития соответствующих отношений в целом)¹³.

При этом, действительно, облигации или еврооблигации крупных российских компаний стали размещаться на биржах достаточно давно, как давно произошло и осуществление займов на международных рынках. Сотрудничество российских компаний с иностранными инвесторами в разных качествах, учитывающих при формировании инвестиционной стратегии ESG-показатели партнеров, также привело к неизбежному формированию в России повестки рей-

¹³ См.: Кириллова Ю. Всё о рейтингах ESG. Спецпроект с Национальным рейтинговым агентством. 10 ноября 2022 г. // URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keysy/vse-o-reytingakh-esg-spetsproekt-s-natsionalnym-reytingovym-agentstvom/> (дата обращения: 28.05.2024).

тингования в сфере устойчивого развития. Здесь важно подчеркнуть международный и сквозной характер повестки устойчивого развития, в частности Целей устойчивого развития, что изначально послужило импульсом к развитию ESG-процессов по всему миру, а ввиду того обстоятельства, что регламентирующим основам процессов устойчивого развития свойственна сопоставительная методология, вопросы рейтингования также стали предметом рассмотрения в российской ESG-повестке.

Однако не нужно забывать, что первоначально российские компании (небольшое их число), проявляющие приверженность повестке устойчивого развития, формировали свою отчетность по западным стандартам с траекторией на ранжирование и рейтингование международными агентствами для последующего включения в списки международных бирж.

При этом российские рейтинги и методологии в сфере ESG-рейтингования не заставили себя ждать. В первую очередь это рейтинговые решения Национального рейтингового агентства, рейтингового агентства «Эксперт РА», рейтингового агентства RAEX («РАЭК-Аналитика»), АКРА: в 2020 г. были присвоены первые рейтинги, произошел переход на более качественный уровень оценки. Российские компании в большей мере стали проявлять заинтересованность в ESG-рейтинговании как инструменте положительного позиционирования и повышения собственной инвестиционной привлекательности.

До того, как геополитический ландшафт начал меняться, ряд национальных финансовых регуляторов и наднациональных организаций выступали за разработку единых подходов к регулированию сферы ESG-оценок и рейтингов. При этом необходимо понимать, что российская ESG-повестка не находится в кризисном положении, напротив, на фоне общей геополитической турбулентности происходит переоценка подходов к этой теме в целом¹⁴.

В 2021 г., незадолго до того, как геополитическая ситуация начала меняться, волна ESG-инвестирования и ESG-оценок достигла российского финансового рынка. В Европе, Америке и Азии бум назначения ESG-оценок и выпуска инструментов, привязанных к целям устойчивого развития, продолжается уже как минимум пять-шесть лет. Количество компаний, оцененных крупнейшими поставщиками ESG-данных и рейтингов, росло из года в год. К марту 2022 г. базы данных двух крупнейших поставщиков ESG-рейтингов (Sustainalytics и MSCI) соответственно содержали 14 тыс. и 11,5 тыс. компаний, финансовые инструменты которых торговались на развитых рынках капитала.

Однако, по мнению АКРА, российские компании по-прежнему будут нуждаться в ESG-оценках, рейтингах и скоринговых продуктах по ряду причин¹⁵. Во-первых, некоторые компании рассматривают ESG-повестку как неотъемлемую часть своей корпоративной культуры и не планируют от нее избавляться. Этим компаниям нужен набор показателей и рейтингов, которые позволят им продолжать сравнивать себя с мировыми и национальными лидерами отрасли. Многие иностранные поставщики прекратили предлагать эту экспертизу российским компаниям, поэтому возможен временный переход к российским поставщикам, чтобы обеспечить преемственность практик и процедур.

То же самое справедливо и для эмитентов «зеленых», социальных и устойчивых облигаций. Компании, рассматривавшие возможность выпуска таких инструментов до изменения геополитической ситуации, не отказываются от своих планов и при снижении ключевой ставки выйдут на рынок.

Важно понимать, что становление российских систем ESG-рейтингования происходило в таком же порядке, как это было с кредитными рейтингами: эти рейтинги до введения релевантного правового регулирования пользова-

¹⁴ См.: *Gorchakov V.* Global shift in the ESG agenda: how international and Russian approaches to accounting ESG risks are changing // URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/157/wj8c53m41qq4m0169ougwwpye8xihb1w/20220617_CSDVGe.pdf (дата обращения: 28.05.2024).

¹⁵ См.: *Gorchakov V.* Op. cit.

лись спросом со стороны национальных финансовых институтов, инвестиционного сообщества наряду с международными. Аналогичная схема действовала и в отношении российских ESG-рейтингов¹⁶.

В России нормативные правовые основы устойчивого развития не заставили себя ждать, появились соответствующие нормативные правовые акты, рекомендации, таксономии, принятые органами государственной власти, регуляторами, был заложен правовой фундамент и началось развитие «зеленых инвестиций» и «зеленых финансов».

В условиях геополитической трансформации многие из международных агентств перестали осуществлять рейтингование в отношении России, российских компаний или значительно занизили рейтинговые результаты, применяя систему штрафов и, прежде всего, занизив оценки по показателям управленческой и социальной составляющей повестки устойчивого развития. Снижение спроса на международное рейтингование российских компаний привело к актуализации повестки формирования российской системы рейтингования в сфере устойчивого развития в контексте создания и развития российского стандарта устойчивого развития в целом.

Говоря о нормативных основах ESG-рейтингования в России, необходимо отметить, что общей нормативной основой российского рынка «зеленого» или адаптационного финансирования выступает постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации»¹⁷, закрепившее на нормативном правовом уровне, по сути, национальную таксономию проектов в сфере устойчивого развития («зеленых» и адаптационных). Так, в нем определены критерии проектов устойчи-

вого развития для целей привлечения льготного финансирования через специальные облигации или займы. «Зеленые» проекты должны соответствовать целям международных документов в области климата и устойчивого развития. К адаптационным проектам такие требования не предъявляются, однако они не должны противоречить российским приоритетам в сфере экологии. Кроме того, в постановлении определены требования к системе верификации проектов, закреплены процедуры, необходимые для корректной оценки проекта, перечень подлежащих проверке документов, требования к компаниям (верификаторам), готовящим заключения. При этом, согласно п. 32 Требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации, утвержденных данным постановлением, в процессе верификации учитываются и результаты рейтингования в широком смысле (в том числе выставление кредитных рейтингов, ESG-рейтингов).

Заслуживает внимания и опыт регулирования отношений по установлению соответствия на уровне субъекта РФ — в г. Москве. Так, было принято постановление Правительства Москвы от 30.01.2024 № 143-ПП «О мероприятиях по определению соответствия деятельности организаций Целям устойчивого развития»¹⁸ (вместе с Порядком присвоения, подтверждения и прекращения статуса соответствия деятельности организаций Целям устойчивого развития, Положением о Межведомственной комиссии по вопросам присвоения, подтверждения и прекращения статуса соответствия деятельности организаций Целям устойчивого развития).

Утвержден Порядок присвоения, подтверждения и прекращения статуса соответствия деятельности организаций Целям устойчивого развития, а именно — целям, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р¹⁹, которые направлены в том числе на решение глобальных проблем, таких как бед-

¹⁶ См.: Кириллова Ю. Указ. соч.

¹⁷ СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6818.

¹⁸ Вестник Москвы. 2024, февраль. № 8.

¹⁹ СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5814.

ность, неравенство, климатические изменения, спад экономического роста и защита окружающей среды.

Порядок определяет условия и последовательность действий в целях присвоения, подтверждения и прекращения статуса соответствия деятельности организаций Целям устойчивого развития (ESG-статус). По результатам присвоения ESG-статуса заявителю выдается свидетельство, подтверждающее присвоение ESG-статуса соответствующего уровня.

Компаниям, прошедшим проверку соответствия деятельности ЦУР, в зависимости от набранных баллов присваивается один из ESG-статусов:

- от 75 баллов и более — ESG-статус уровня ESG-A;
- от 50 до 75 баллов — ESG-статус уровня ESG-B;
- от 25 до 50 баллов — ESG-статус уровня ESG-C;
- до 25 баллов — ESG-статус «кандидат».

Статусы уровней ESG-A, ESG-B, ESG-C присваиваются сроком на три года и подлежат обязательному ежегодному подтверждению. Статус уровня «ESG-кандидат» присваивается сроком на один год.

ESG-статус, как представляется, влияет на инвестиционную и партнерскую привлекательность компании, а также имеет потенциал соответствия нормативным требованиям, которые могут возникнуть в будущем в сфере отдельных видов деятельности, в сфере государственно-частного партнерства.

Утверждено Положение о Межведомственной комиссии по вопросам присвоения, подтверждения и прекращения статуса соответствия деятельности организаций ЦУР. Определены состав Комиссии, порядок деятельности, полномочия.

В развитие постановления Правительства Москвы от 30.01.2024 № 143-ПП приказом Департамента инвестиционной и промыш-

ленной политики г. Москвы от 12.03.2024 № ДИПП-ПР-43/24²⁰ утверждены:

- Перечень показателей для оценки деятельности организаций на соответствие Целям устойчивого развития;
- Методология оценки деятельности организаций на соответствие ЦУР;
- форма заявления на присвоение и подтверждение ESG-статуса;
- форма заявления о несогласии с присвоенным ESG-статусом;
- форма свидетельства о присвоении ESG-статуса.

Согласно Методологии, статус ESG (Environmental, Social and Governance) присваивается в результате оценки эффективности деятельности организации по трем ключевым аспектам:

- влияние на окружающую среду и экологию (E): оценивается деятельность организации в сфере воздействия на окружающую среду, защиты окружающей среды, противодействия изменениям климата и пр.;
- социальный (S): оценивается деятельность организации в области трудовых отношений с работниками, а также в области взаимодействия с внешним сообществом (клиенты, партнеры, поставщики, третьи лица);
- управленческий (G): оценивается деятельность организации в области практик корпоративного управления.

Говоря об усилиях Банка России в сфере ESG-рейтингования, следует подчеркнуть, что Правительство РФ и Банк России в целом продолжают активно поддерживать ESG-повестку²¹. Так, Банк России в 2021 г. выпустил 11 рекомендательных документов, которые относятся к тематике устойчивого развития (например, рекомендации по нефинансовой отчетности для компаний, которые только начинают ее формировать и еще не сдают отчеты по международным стандартам GRI, TCFD и SASB, рекомендации для советов директоров, рекомендации, связанные с устойчивым развитием в компаниях, по раскрытию

²⁰ URL: <https://www.mos.ru/dipp/documents/priказы-i-rasporyazheniya-departamenta/view/300868220/?ysclid=m6rnh594si745599048>.

²¹ См.: Кириллова Ю. Указ. соч.

информации и еще целый ряд документов, которые помогли в реализации концепции устойчивого развития на корпоративном уровне).

Например, стоит обратить внимание на рекомендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития), сформулированные в информационном письме Банка России от 30.06.2023 № ИН-02-05/46²². Этот документ мягкого регулирования позволит заложить основу для того, чтобы сделать ESG-рейтинги более объективными, прозрачными и сопоставимыми между собой. Рекомендации предназначены как для составителей ESG-рейтингов, так и для их пользователей — компаний и эмитентов, которые смогут учитывать критерии оценки для улучшения своей деятельности. Эти рекомендации распространяются на некредитные рейтинги и другие публичные оценки устойчивого развития.

В документе Банк России дает определение ESG-рейтингов, устанавливает минимальный набор учитываемых для оценки элементов, вводит единую рейтинговую шкалу. ESG-рейтинги определяются как публичные оценки экологических, социальных и экономических характеристик организации, финансового продукта или финансового инструмента. В широком определении ESG-рейтинга, данном в рекомендациях Банка России, что справедливо, воспринята концепция двойной существенности. Под ESG-рейтингом (рейтингом устойчивого развития) понимается выраженное публично независимое внешнее мнение о профиле рейтингуемого лица (организации или эмитента) — количественных и качественных характеристиках его деятельности в области устойчивого развития — на дату присвоения ESG-рейтинга, а также об управлении и подверженности рейтингуемого лица рискам устойчивого развития на горизонте от одного года до трех лет. В ESG-рейтинге необходимо совмещать как оценку потенциального воз-

действия рейтингуемого лица на окружающую среду и общество, так и оценку подверженности рейтингуемого лица рискам устойчивого развития на обозначенном горизонте.

ESG-рейтинги позиционируются Банком России как инструмент коммуникации с международным рынком, поскольку обеспечивают доступ к внешним рынкам и конкурентоспособность российской экономики. Публичность, наглядность и сравнимость ESG-рейтингов позволяют создать общую систему координат с внешнеэкономическими партнерами, качественные ESG-рейтинги призваны поддерживать и укреплять позиции на международном рынке.

Важно акцентировать внимание на системности подхода Банка России к вопросам устойчивого развития. В частности, содержание рассматриваемых рекомендаций гармонизировано с рекомендациями Банка России по раскрытию нефинансовой информации (информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ»²³).

Банк России отмечает, что непротиворечивость, достоверность и своевременность ESG-рейтингов являются необходимыми условиями для будущего устойчивого роста российской экономики²⁴. Они позволяют оценить степень воздействия организаций на окружающую среду и общество, а также подверженность самих компаний внешним рискам. Необходимо понимать, что такие рейтинги обеспечивают доступ к зарубежным рынкам и повышают конкурентоспособность российских игроков.

Для гармонизации ESG-рейтингов Банк России в 2023 г. подготовил проект рекомендаций в виде доклада для общественных консультаций, который послужил основой для рассмотренных выше рекомендаций²⁵. Он содержит модельную

²² Вестник Банка России. 2023, 12 июля. № 50.

²³ Вестник Банка России. 2021, 19 июля. № 48.

²⁴ См.: Как присваивать ESG-рейтинги: рекомендации Банка России // URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=16901> (дата обращения: 28.05.2024).

²⁵ См.: URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 28.05.2024).

методологию ESG-рейтингов, то есть показательную методологию, — кредитные рейтинговые агентства могут следовать ей с некоторыми вариациями. В целях гармонизации ESG-рейтингов Банк России считает необходимым решить ряд методических проблем, включая унификацию дефиниции ESG-рейтинга, определение минимального набора факторов и их весов, введение единой рейтинговой шкалы для всех кредитных рейтинговых агентств. Для унификации определения Банк России использовал два варианта: текущий рейтинг (профиль организации) и рейтинг рисков.

Гармонизация ESG-рейтингов предполагает обеспечение наглядности ESG-рейтингов, их прозрачности и сопоставимости между собой.

Кроме того, в этом направлении необходимо продолжение развития российской рейтинговой индустрии и более широкое использование национальных рейтингов участниками российского финансового рынка. Важной задачей для обеспечения доступности привлечения долевого финансирования частными компаниями является создание инструментов оценки инвестиционных перспектив российских предприятий на основе объективных данных.

Регулирование в сфере отношений устойчивого развития даже в условиях геополитических

трансформаций должно быть построено таким образом, чтобы акторы, в том числе инвесторы и потребители, имели всю полноту информации о рисках причинения вреда окружающей среде, социальных и экономических рисках, рисках корпоративного управления, приверженности повестке устойчивого развития, в том числе эффективности и оптимальности принимаемых решений. Рассмотренным рекомендациям Банка России и иным изложенным инициативам целесообразно придать нормативный характер в целях упорядочивания подходов к ESG-рейтингованию и повышения эффективности системы рейтингования как основы правового регулирования отношений устойчивого развития в России. Четкая и прозрачная система рейтингования и оценки соответствия деятельности субъектов права принципам устойчивого развития на основе эффективного нормативного регулирования в контексте разных подходов к моделям рейтингования в сфере устойчивого развития, а также различающихся в мире ESG-стандартов представляется важнейшей составляющей реализации ESG-принципов как на международном уровне, так и при выработке российского национального стандарта устойчивого развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кириллова Ю.* Всё о рейтингах ESG. Спецпроект с Национальным рейтинговым агентством. — 10 ноября 2022 г. — URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keysy/vse-o-reytingakh-esg-spetsproekt-s-natsionalnym-reytingovym-agentstvom/> (дата обращения: 28.05.2024).
2. *Право устойчивого развития и ESG-стандарты* : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — М. : Проспект, 2023. — 752 с.
3. *Шахназаров Б. А.* Право устойчивого развития: понятие, методология. Трансформация ESG-повестки в условиях санкционных ограничений // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 7.

Материал поступил в редакцию 11 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kirillova Yu. Vse o reytingakh ESG. Spetsproekt s Natsionalnym reytingovym agentstvom. — 10 noyabrya 2022 g. — URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/keysy/vse-o-reytingakh-esg-spetsproekt-s-natsionalnym-reytingovym-agentstvom/> (data obrashcheniya: 28.05.2024).
2. *Pravo ustoychivogo razvitiya i ESG-standarty*: uchebnik / pod obshch. red. M. V. Mazhorinoy, B. A. Shakhnazarova. — M.: Prospekt, 2023. — 752 s.
3. *Shakhnazarov B. A.* Pravo ustoychivogo razvitiya: ponyatie, metodologiya. Transformatsiya ESG-povestki v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy // *Lex russica*. — 2022. — T. 75. — № 7.

Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ

Аннотация. Статья посвящена рекомендациям Пленума Верховного Суда РФ о порядке применения ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая введена в уголовно-правовое пространство в декабре 2011 г. С принятием данной нормы в специальной литературе стали появляться как положительные, так и отрицательные оценки этого законодательного установления. Нередко критические замечания высказывались авторами из-за отсутствия подробных рекомендаций по использованию положений ч. 6 ст. 15 УК РФ, которые способствовали бы унифицированному правоприменению. С принятием 15 мая 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» часть острых вопросов была снята с повестки. Вместе с тем на страницах постановления осталась некоторая недосказанность, например относительно правовых последствий корректировки категории преступления в сторону понижения, а также встречаются противоречия отдельных разъяснений действующему уголовному закону. Учитывая, что постановления Пленума Верховного Суда РФ адресованы формально судам, но в своей деятельности их активно используют и юристы-практики, и научное сообщество, и студенты юридического профиля, выявленные неоднозначные моменты требуют дальнейшего осмысления и соответствующей реакции высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: Пленум Верховного Суда Российской Федерации; категория преступления; категоризация преступлений; правовое положение осужденного; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания; освобождение от отбывания наказания; право; актуальные проблемы; уголовное право.

Для цитирования: Мозина Е. В. Рекомендации Пленума Верховного Суда РФ по применению положений ч. 6 ст. 15 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 83–91. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.083-091.

© Мозина Е. В., 2025

* Мозина Елизавета Валентиновна, соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
paly.elizaveta@yandex.ru

Recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Application of the Provisions of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation

Elizaveta V. Mozina, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
paly.elizaveta@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation providing for the procedure of applying Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation that was introduced into the criminal law environment in December 2011. With the adoption of this norm, both positive and negative assessments of this legislative initiative began to appear in special literature. Often, authors criticized the provisions under consideration due to the lack of detailed recommendations on the use of the provisions of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, which would contribute to uniform law enforcement. With the adoption on 15 May 2018 by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of Resolution No. 10 «On the Practice of the Application by the Courts of the Provisions of Part 6 of Article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation», some pressing issues were resolved. At the same time, there was some understatement on the pages of the resolution, for example, regarding the legal consequences of decreasing the gravity of a crime. We also witness contradictions of individual clarifications to the current criminal law. Taking into account that the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are formally addressed to the courts, but in their activities they are actively used by lawyers, the academic community, and law students, the identified ambiguous points require further examination and an appropriate response from the Supreme Court.

Keywords: Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; crime category; categorization of crimes; the legal status of the convicted person; exemption from criminal liability; exemption from punishment; exemption from serving the sentence; right; actual problems; criminal law.

Cite as: Mozina EV. Recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the Application of the Provisions of Part 6 of Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):83-91. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.083-091.

До 7 декабря 2011 г. в российском уголовно-правовом пространстве непоколебимым было мнение о том, что исключительное право на установление категорий преступлений принадлежит законодателю. В этом несложно убедиться, обратившись к предшествующим источникам отечественного уголовного права¹. Наметившиеся в последующем тенденции гуманизации уголовной ответственности и повышения эффективности воплощения принципа справедливости, выражающиеся в установлении новых оснований освобождения от

уголовной ответственности, декриминализации ряда составов преступлений, смягчении санкций за определенные уголовно наказуемые деяния, привели в том числе к изменениям в институте классификации преступлений в зависимости от характера и степени общественной опасности. Значимой новацией в этой сфере стало введение Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ² в ст. 15 УК РФ части 6, наделившей суд правом изменять рейтинг преступного посягательства на одну позицию в сторону уменьшения. Уместно будет процитировать слова

¹ См., например: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953. С. 119; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975. М., 1975. С. 167–168; Основы уголовного законодательства Союза ССР и Республик 1991 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

Президента РФ В. В. Путина, который, выступая на ближайшем после принятия данной нормы Всероссийском съезде судей 18 декабря 2012 г., сказал, что профессиональный и нравственный долг судей — это «быть объективными и беспристрастными, глубоко знать нормы права и правоприменительную практику, учитывать тончайшие нюансы рассматриваемых дел, за сухой правовой нормой всегда видеть конкретного человека»³. Полагаем, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ как раз являются тем дополнительным инструментом, который позволяет суду, учитывая тончайшие нюансы уголовных дел, принимать максимально объективные и вариативные решения по ним. Нынешнее движение нашей страны по пути утверждения принципов правового, социального, демократического государства, верховенства права создает убежденность в полезности ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая является частью механизма по справедливому применению норм уголовного права к виновному.

Данное установление вызвало повышенный интерес в обществе и получило как положительные, так и отрицательные оценки со стороны представителей российской юридической науки. Так, по мнению Н. А. Колоколова, предоставление суду права понижения категории преступления «есть не что иное, как официальное, пусть и запоздалое, признание условности, а то и полной оторванности от реалий жизни многих закрепленных в УК РФ юридико-технических конструкций». Автор также поясняет, что часть 6 ст. 15 УК РФ является долгожданной нормой, наделяющей суд правом на усмотрение в тех ситуациях, когда уголовно-правовое положение явно не соответствует здравому смыслу⁴.

В. В. Питецкий акцентирует внимание на том, что виновный должен нести ответственность не за категорию преступления, а за совершенное им преступное деяние. В связи с этим возможность судебного понижения категории преступления рассматривается им как положительный знак в развитии уголовного права. При этом действующая редакция ч. 6 ст. 15 УК РФ, по словам автора, нуждается в усовершенствовании, а именно суд должен быть наделен не правом, а обязанностью в соответствующих случаях изменять категорию преступления на более мягкую, причем не на одну ступень, а на любую категорию преступления⁵.

А. М. Герасимов в своих рассуждениях о важности присутствия в уголовном законе ч. 6 ст. 15 УК РФ приходит к выводу, что возможность правоприменителя изменять установленную законом категорию деяния полностью соответствует уголовно-правовой логике, а также развивает материальную составляющую понятия внутреннего убеждения судьи⁶.

Наряду с отмеченной позитивной оценкой специальная литература содержит немало критических замечаний относительно обозначенного законодательного решения. Смысл таких замечаний чаще всего сводится к указанию на то, что часть 6 ст. 15 УК РФ «обладает коррупциогенным характером», «противоречит Конституции РФ», «ставит с ног на голову устоявшиеся десятилетиями аксиомы науки уголовного права», «способна внести смуту в уголовное законодательство», «создает благоприятные условия для нарушения основополагающих принципов уголовного права», «создает судье простор для произвола» и т.п.⁷ Считаем, что подобные

³ Стенограмма выступления В. В. Путина на Всероссийском съезде судей от 18.12.2012 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/17158> (дата обращения: 01.12.2023).

⁴ Колоколов Н. А. Категория преступления — величина переменная? // *Мировой судья*. 2012. № 7. С. 2–6.

⁵ Питецкий В. В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ // *Российская юстиция*. 2014. № 4. С. 52–54.

⁶ Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 292–293.

⁷ См., например: Рожнов А., Синельников А. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ в контексте вопросов обратной силы уголовного закона // *Уголовное право*. 2012. № 5. С. 116–117; Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // *Законность*. 2013. № 11. С. 35–38; Ларина Л. Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // *Юридическая наука*. 2013. № 2. С. 56–59; Хайдаров А. А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // *Законность*. 2015. № 2. С. 38–42; Жарких Е. А.,

высказывания исследователей этой нормы не подкреплены основательными доводами. Во-первых, в отечественном уголовном законодательстве с момента его принятия можно обнаружить инструмент, который уже позволяет суду в целях реализации принципа справедливости корректировать императивную законодательную волю. Речь идет об институте назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ), который разрешает суду при наличии ряда условий исправить в сторону уменьшения нижний предел наказания, определенный соответствующей статьей Особенной части УК РФ; либо выбрать более мягкий вид наказания, который конкретная статья не предполагает; либо отказаться от реализации дополнительного вида наказания, установленного в качестве обязательного. Как видим, часть 6 ст. 15 УК РФ является примером продолжающегося развития уголовного права в сторону уменьшения уголовной репрессии и расширения полномочий суда в вопросе индивидуализации уголовной ответственности. Во-вторых, упреки в том, что данное нормативное установление несет потенциально коррупциогенный характер, не соответствуют действительности. Так, количество судей, работников суда, осужденных за совершение взятки, в первом полугодии 2023 г., — один; в 2022 г. — три; в 2021 г. — три; в 2020 г. — три; в 2019 г. — один; в 2018 г. — один; в 2017 г. — три; в 2016 г. — три; в 2015 г. — четыре; в 2014 г. — ноль; в 2013 г. — ноль⁸. Информация о преступлениях, совершенных работниками судебного корпуса, дает основание говорить, что, к сожалению, среди представителей этой профессии есть отдельные граждане, которые склонны пренебрегать запретом, содержащимся в ст. 290 УК РФ. Одна-

ко вышеприведенные данные свидетельствуют скорее о том, что предоставленное суду право на понижение ранга вредоносного деяния не способствовало распространению среди сотрудников судебной системы такого преступления коррупционной направленности, как получение взятки. По-прежнему количество данных преступлений, совершенных судьями, работниками суда, находится на социально терпимом уровне. В-третьих, сложившийся на страницах научной литературы стереотип, что часть 6 ст. 15 УК РФ непременно будет способствовать судебскому произволу, создает впечатление, что российский суд априори склонен злоупотреблять своим правом. Полагаем, что сегодня государство стремится создать все условия для осуществления правосудия компетентными, независимыми, справедливыми и беспристрастными судьями, которые осознают свою почетную миссию и всю важность ответственности перед обществом. К тому же увлечение идеями о сокращении объемов судебного усмотрения в состоянии привести общество к скорому замещению судьи искусственным интеллектом.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что является неразумным из-за отдельных случаев непрофессионализма и предвзятости, встречающихся в любой сфере человеческой деятельности, лишать уголовное законодательство средства, придающего колоссальный импульс движению в направлении цивилизованного правового государства.

Следует заметить, что главным образом часть 6 ст. 15 УК РФ была раскритикована из-за отсутствия детальных разъяснений, которые благоприятствовали бы единообразному изменению правоприменителями категории вредоносного поступка на менее общественно опас-

Прохоров Л. А. Изменение судом категории преступления: «вторжение» в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия // *Российский следователь*. 2016. № 9. С. 31–35 ; *Смирнов А. М.* Новые функции суда, возникшие в силу части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Российский судья*. 2019. № 12. С. 42–45 ; *Серебренникова А. В.* Категоризация преступлений: проблемы правоприменения // *Colloquium-journal*. 2020. № 17 (69). С. 46–50 ; *Иншаков С. М., Казакова В. А.* Антикоррупционный правовой механизм: межотраслевые коллизии // *Журнал российского права*. 2023. № 9. С. 117–130.

⁸ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.12.2023).

ную категорию. Внести свой посильный вклад в решение этого вопроса и удовлетворить существующий запрос общества в рамках своей компетенции вызвался авторитетный судебный орган. 15 мая 2018 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято постановление № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁹ (далее — Постановление). Возможно, это не самое оперативное решение практических задач, так как потребность в разъяснении ч. 6 ст. 15 УК РФ сохранялась более шести лет, но по сложности затронутых вопросов однозначно смелое и серьезное.

По данным, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ¹⁰, практика применения ч. 6 ст. 15 УК РФ выглядит следующим образом. За 2023 г. категория совершенного преступления изменена на менее общественно опасную судом первой инстанции 11 579 осужденным; за 2022 г. — 9 020 осужденным; за 2021 г. — 6 987 осужденным; за 2020 г. — 4 397 осужденным; за 2019 г. — 4 452 осужденным; за 2018 г. — 3 420 осужденным; за 2017 г. — 1 858 осужденным; за 2016 г. — 2 243 осужденным; за 2015 г. — 2 421 осужденным; за 2014 г. — 2 973 осужденным; за 2013 г. — 3 390 осужденным. Как видим, начальный период существования данной нормы характеризуется небогатой правоприменительной практикой. С 2018 г. наметилась стабильная динамика увеличения случаев использования судами права на корректировку законодательного рейтинга преступления. На сегодняшний день реализация ч. 6 ст. 15 УК РФ в несколько раз превышает первоначальные показатели обращения судов к новой норме. Росту количества случаев ее применения во многом способствовали упомянутые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Осознавая его весомый вклад в разработку унифицированной практики применения рассматриваемого нормативного установления, думаем, что выска-

занные им рекомендации требуют некоторых комментариев и уточнений.

Примечательна позиция авторитетной судебной инстанции в абз. 2 п. 1 Постановления, где констатируется, что изменение категории вредоносного поступка на менее общественно опасную улучшает «правовое положение осужденного». Далее Пленум Верховного Суда РФ перечисляет уголовно-правовые нормы, на которых отражается или может отразиться такое изменение категории преступления. В приведенных рекомендациях два обстоятельства нуждаются в пояснении. Во-первых, Пленум Верховного Суда РФ упоминает не обо всех уголовно-правовых последствиях, которые влечет принадлежность преступления к определенной категории. Высшая судебная инстанция совершенно обоснованно не назвала те уголовно-правовые последствия категоризации преступлений, которые предшествуют выводу суда об избранном виновному наказании за совершенное преступление. Судебное изменение категории преступления не может повлиять, к примеру, на наказуемость или ненаказуемость приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ); назначение таких видов наказаний, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ), ограничение свободы (ч. 2 ст. 53 УК РФ), принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ), лишение свободы на определенный срок (ст. 56 УК РФ), пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), смертная казнь (ст. 59 УК РФ); назначение наказаний несовершеннолетним (ст. 88 УК РФ). В то же время вряд ли можно согласиться с Пленумом Верховного Суда РФ, который предпочел не упоминать о влиянии пониженной категории преступления на решение вопросов определения вида рецидива преступлений (ст. 18 УК РФ); освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) и др. Думается, что судебная трансформация категории преступления должна создавать воз-

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

¹⁰ См.: Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2013–2023 гг. // Офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.03.2024).

возможность задействовать все уголовно-правовые нормы, применение которых следует после назначения наказания, и уравнивать в правовом положении осужденных, которые совершили преступления, относящиеся к тождественным категориям.

В связи со сказанным уместно сослаться на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 63-УД21-1-КЗ. Судебная коллегия, проверив по материалам уголовного дела судебные решения и обсудив доводы, приведенные в ходатайстве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой, усмотрела основания для изменения осужденной Г. А. Анашкиной категории преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. Кроме того, кассационная судебная инстанция, учитывая установленные судом фактические обстоятельства дела, личность осужденной, добровольное и полное возмещение ею ущерба, свидетельствующие об уменьшении степени общественной опасности содеянного, нашла возможным освободить Г. А. Анашкину от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В результате приговор и определения нижестоящих судебных инстанций в отношении осужденной изменены, снижена категория преступления с тяжкого на средней тяжести, осужденная освобождена от уголовной ответственности и ей назначен судебный штраф¹¹. Тем самым Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила правомерность обращения к положениям ст. 76.2 УК РФ после судебного понижения категории преступного посягательства.

Во-вторых, Пленум Верховного Суда РФ не обоснованно не ограничивает улучшение положения осужденного, которому судом изменена категория преступления только рамками уголовного права, о чем свидетельствует употребление в абз. 2 п. 1 Постановления выражения «правовое положение осужденного». При

этом на страницах рассматриваемого Постановления не встречаются упоминания о том, как пониженная на одну ступень категория преступления влияет на положение осужденного, являющегося участником, к примеру, уголовно-исполнительных правоотношений. Хотя такое влияние нетрудно обнаружить, обратившись к нормам, регламентирующим условия и порядок передвижения осужденных к лишению свободы без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ); установление административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы (ст. 173.1 УИК РФ), и др.

Отмеченное позволяет сделать вывод, что в абз. 2 п. 1 Постановления содержатся примерные варианты развития событий при условии применения к виновному положений ч. 6 ст. 15 УК РФ. По каждому уголовному делу суд должен оценивать возможность или необходимость задействовать то либо иное юридическое средство, позволяющее максимально приблизить клишированную норму закона к уникальному практическому случаю.

Нельзя оставить без комментария еще одно принципиальное положение, сформулированное в абзаце 2 п. 1 Постановления. Так, Пленум Верховного Суда РФ отметил, что изменение категории преступления в сторону ее уменьшения влияет на «возможность освобождения от отбывания наказания» при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 83, 84, 92, 94 УК РФ. Получается, Пленум Верховного Суда РФ предлагает сомнительные основания освобождения от отбывания наказания, которые неизвестны уголовному закону. Из названия соответствующих статей в УК РФ следует, что деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ) влечет освобождение от уголовной ответственности. Статьи 80.1 и 92 УК РФ порождают освобождение от наказания, а не от его отбывания, как на этом настаивает авторитетный судебный

¹¹ См.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 63-УД21-1-КЗ // ЮИС «Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21092021-n-63-ud21-1-k3/> (дата обращения: 07.02.2024).

орган. Упоминание о ст. 84 УК РФ в Постановлении безошибочно лишь в той части, когда на основании амнистирующих актов происходит освобождение от отбывания наказания. Ссылка на ст. 94 УК РФ в Постановлении состоятельна в случае, когда имеется в виду освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания, а не от уголовной ответственности. Строго говоря, соображения авторитетной судебной инстанции соответствуют в полном объеме официальной позиции только по ст. 83 УК РФ, регламентирующей освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора.

В пункте 10 постановления Пленум Верховного Суда РФ повторно излагает идею, которая не основывается на уголовно-правовой логике. По его мнению, «решение суда об изменении категории преступления с тяжкого на преступление средней тяжести позволяет суду при наличии оснований, предусмотренных статьями 75, 76, 78, 80.1, 84, 92, 94 УК РФ, освободить осужденного от отбывания назначенного наказания... Лицо, освобожденное от отбывания наказания по указанным основаниям, считается несудимым (часть 2 статьи 86 УК РФ)». Из этого следует, что высшая судебная инстанция нивелировала уголовно-правовые особенности между двумя судебными актами: освобождающим от наказания и освобождающим от отбывания наказания. Наряду с этим уголовное законодательство, оперирующее такими категориями, как «освобождение от отбывания наказания», «освобождение от дальнейшего отбывания наказания», «освобождение от наказания», в ч. 2 ст. 86 УК РФ, на которую ссылается сам Пленум Верховного Суда РФ, устанавливает правило, что несудимым признается только то лицо, которое освобождено от наказания. Это положение выступает жестким законодательным императивом, и согласиться с произвольным расширением его пределов никак нельзя.

Считаем необходимым обратиться еще к одному разъяснению, данному Пленумом Верховного Суда РФ. В пункте 8 Постановления сделан акцент на том, что корректировка рейтинга преступления судом возможна «только после того, как осужденному назначено нака-

зание с учетом предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации правил назначения наказания, при условии, что вид и срок назначенного наказания отвечают требованиям части 6 статьи 15 УК РФ». Ранее отмечалось, что одним из условий понижения категории содеянного выступает назначение осужденному наказания в определенных пределах для соответствующих уровней преступлений. Такой порядок полностью отвечает рассматриваемому уголовно-правовому установлению, где в качестве обязательного условия указано, что «осужденному назначено наказание» в определенных пределах для соответствующих уровней преступлений. Вместе с тем законодатель в уголовно-процессуальной норме, которая перечисляет вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, отошел от первоначальной материально-правовой логики. Так, прежде всего суд обязан ответить на вопрос, имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее общественно опасную (п. 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), а затем должен дать ответ на вопрос, какое наказание должно быть назначено подсудимому (п. 7 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). В результате такой последовательности разрешения судом вопросов при постановлении приговора на вопрос, предусмотренный пунктом 6.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, всегда последует ответ «нет», так как отсутствует одно из обязательных условий реализации ч. 6 ст. 15 УК РФ. Имеется в виду назначение наказания в установленных пределах для соответствующих категорий преступлений. Считаем, что существующий процессуальный порядок решения вопросов нуждается в корректировке. Сегодня он дает суду право при изменении категории преступного посягательства на менее общественно опасную применять уголовно-правовые последствия категоризации преступлений, предшествующие выводу суда о мере наказания. Например, рассмотреть возможность использования тех видов наказания, на которые виновный не мог рассчитывать исходя из первоначальной категории преступления. Подобное чрезмерное расширение диапазона уголовно-правовых последствий судебного по-

нижения категории преступления вряд ли будет отвечать декларированным уголовным законом принципам справедливости и гуманизма.

В заключение хотелось бы отметить, что постановления Пленума Верховного Суда РФ активно используют в своей деятельности не только суды, но и юристы-практики, и научное сообщество, и студенты юридического профиля.

В связи с этим ожидаемо, что к данным интерпретационным актам предъявляются высокие требования. И конечно, несогласованность рекомендаций высшего судебного органа с уголовным законодательством остро воспринимается обществом, ведь в конечном итоге выявленные коллизии приведут к новым вопросам в правоприменении.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Герасимов А. М. Теория уголовного правонарушения : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2022. — 428 с.
2. Жарких Е. А., Прохоров Л. А. Изменение судом категории преступления: «вторжение» в институт рецидива преступлений и его уголовно-правовые последствия // Российский следователь. — 2016. — № 9. — С. 31–35.
3. Иншаков С. М., Казакова В. А. Антикоррупционный правовой механизм: межотраслевые коллизии // Журнал российского права. — 2023. — № 9. — С. 117–130.
4. Колоколов Н. А. Категория преступления — величина переменная? // Мировой судья. — 2012. — № 7. — С. 2–6.
5. Ларина Л. Ю. К вопросу об изменении судом категории преступления // Юридическая наука. — 2013. — № 2. — С. 56–59.
6. Малков В. П. Право суда на изменение категории преступления // Законность. — 2013. — № 11. — С. 35–38.
7. Питецкий В. В. О недостатках воплощения принципа справедливости в действующем Уголовном кодексе РФ // Российская юстиция. — 2014. — № 4. — С. 52–54.
8. Рожнов А., Синельников А. Положения ч. 6 ст. 15 УК РФ в контексте вопросов обратной силы уголовного закона // Уголовное право. — 2012. — № 5. — С. 116–117.
9. Серебренникова А. В. Категоризация преступлений: проблемы правоприменения // Colloquium-journal. — 2020. — № 17 (69). — С. 46–50.
10. Смирнов А. М. Новые функции суда, возникшие в силу части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский судья. — 2019. — № 12. — С. 42–45.
11. Хайдаров А. А. Право суда изменять категорию преступления на менее тяжкую // Законность. — 2015. — № 2. — С. 38–42.

Материал поступил в редакцию 19 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gerasimov A. M. Teoriya ugovornogo pravonarusheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Saratov, 2022. — 428 s.
2. Zharkikh E. A., Prokhorov L. A. Izmenenie sudom kategorii prestupleniya: «vtorzhenie» v institut retsidiva prestupleniy i ego ugovolno-pravovye posledstviya // Rossiyskiy sledovatel. — 2016. — № 9. — S. 31–35.
3. Inshakov S. M., Kazakova V. A. Antikorruptsionnyy pravovoy mekhanizm: mezhotraslevye kollizii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2023. — № 9. — S. 117–130.
4. Kolokolov N. A. Kategoriya prestupleniya — velichina peremennaya? // Mirovoy sudya. — 2012. — № 7. — S. 2–6.

5. Larina L. Yu. K voprosu ob izmenenii sudom kategorii prestupleniya // Yuridicheskaya nauka. — 2013. — № 2. — S. 56–59.
6. Malkov V. P. Pravo suda na izmenenie kategorii prestupleniya // Zakonnost. — 2013. — № 11. — S. 35–38.
7. Pitetskiy V. V. O nedostatkakh voploshcheniya printsipa spravedlivosti v deystvuyushchem Ugolovnom kodekse RF // Rossiyskaya yustitsiya. — 2014. — № 4. — S. 52–54.
8. Rozhnov A., Sinelnikov A. Polozheniya ch. 6 st. 15 UK RF v kontekste voprosov obratnoy sily ugolovnogo zakona // Ugolovnoe pravo. — 2012. — № 5. — S. 116–117.
9. Serebrennikova A. V. Kategorizatsiya prestupleniy: problemy pravoprimereniya // Solloquium-journal. — 2020. — № 17 (69). — S. 46–50.
10. Smirnov A. M. Novye funktsii suda, vznikshie v silu chasti 6 stati 15 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskiy sudya. — 2019. — № 12. — S. 42–45.
11. Khaydarov A. A. Pravo suda izmenyat kategoriyu prestupleniya na menee tyazhkuyu // Zakonnost. — 2015. — № 2. — S. 38–42.

Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье констатируется, что нормы гражданского и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие реабилитацию, не имеют строгого разделения на общие и специальные и должны применяться одновременно и комплексно. Несмотря на то что в гражданском законодательстве в качестве оснований возникновения права на реабилитацию указано применение только двух мер пресечения: заключения под стражу и подписки о невыезде, данное право возникает в случае незаконного избрания всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения. Такое основание реабилитации, как применение мер принуждения, распространяется и на лиц, непосредственно в отношении которых производились следственные действия, ограничивающие личные права. В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации целесообразно закрепить такое обстоятельство, исключающее реабилитацию, как самооговор обвиняемого (подозреваемого). Частичное прекращение уголовного преследования влечет возникновение права на реабилитацию только в том случае, если оно касается отдельного эпизода преступной деятельности, первоначально инкриминировавшегося лицу. Уменьшение объема обвинения в рамках одного факта может влечь возникновение права на реабилитацию только при условии, что первоначальное обвинение в силу своей тяжести повлекло наступление таких юридических последствий, которые в принципе не могли наступить при предъявлении обвинения в уменьшенном объеме.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовное преследование; реабилитация; прекращение уголовного дела; частичное прекращение уголовного преследования; реабилитирующие основания прекращения уголовного дела; меры пресечения; меры принуждения; следственные действия; самооговор.

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Пробелы нормативной регламентации реабилитации в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 92–102. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.092-102.

© Стельмах В. Ю., 2025

* Стельмах Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
Корепина ул., д. 66, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620057
vstelmah@mail.ru

Gaps in the Regulatory Framework for Rehabilitation in Criminal Proceedings

Vladimir Yu. Stelmakh, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Procedure, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ekaterinburg, Russian Federation
vstelmah@mail.ru

Abstract. The paper states that civil and criminal procedural legislation regulating rehabilitation does not have a strict division into general and special norms and should be applied simultaneously and comprehensively. Despite the fact that civil legislation specifies the application of only two preventive measures as grounds for the emergence of the right to rehabilitation — detention and travel restriction order. This right arises in the event of the illegal selection of all preventive measures provided for by the criminal procedure law. Such a basis for rehabilitation as the use of coercive measures also applies to persons directly in relation to whom investigative actions were carried out that restricted personal rights. In the criminal procedure legislation of the Russian Federation, it is advisable to establish such a circumstance, which excludes rehabilitation, as self-incrimination of the accused (suspect). Partial termination of criminal prosecution entails the right to rehabilitation only if it concerns a separate episode of criminal activity that was originally incriminated to the person. A reduction in the scope of the charge within the framework of one fact may entail the emergence of the right to rehabilitation only on condition that the original charge, due to its gravity, entailed the occurrence of such legal consequences that, in principle, could not have occurred if the charge had been brought in a reduced scope.

Keywords: criminal proceedings; criminal prosecution; rehabilitation; termination of criminal proceedings; partial termination of criminal prosecution; rehabilitating grounds for termination of criminal proceedings; preventive measures; coercive measures; investigative actions; self-incrimination.

Cite as: Stelmakh VYu. Gaps in the Regulatory Framework for Rehabilitation in Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):92-102. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.092-102.

В соответствии со ст. 53 Конституции РФ каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или их должностных лиц.

Назначением уголовного судопроизводства законодательно объявлена как защита прав и законных интересов пострадавших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ¹). При этом уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их

от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В целях реализации данных положений в УПК РФ закреплен механизм реабилитации, т.е. порядок возмещения лицу вреда, причиненного незаконными действиями органов уголовного судопроизводства. Нормативная регламентация реабилитации носит комплексный и межотраслевой характер. Складывающиеся в ее рамках правоотношения регулируются нормами не только уголовно-процессуального, но также гражданского, трудового, финансового, бюджетного, гражданского процессуального права². Наиболее тесная связь прослеживается между положениями Уголовно-процессуального и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² См.: Фисенко Д. Ю. Институт реабилитации в законодательстве Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2 (43). С. 137.

Гражданского кодексов. В частности, статья 1069 ГК РФ³ устанавливает правила о возмещении лицу вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, а статья 1070 ГК РФ — о возмещении вреда, причиненного более конкретными действиями: незаконным уголовным преследованием и избранием некоторых мер пресечения. По сути, статья 1070 и отчасти статья 1069 ГК РФ имеют тот же предмет регулирования, что и глава 18 УПК РФ, концентрирующая положения о реабилитации. Вместе с тем в ст. 1069 ГК РФ закреплены правила о возмещении вреда, нанесенного любыми незаконными действиями государственных и муниципальных органов, и если такие действия имели место вне уголовного судопроизводства, порядок возмещения регламентируется не УПК РФ, а КАС РФ⁴. В статье 1070 ГК РФ зафиксированы правила о возмещении вреда, причиненного не только незаконным уголовным преследованием, но и незаконным привлечением к административной ответственности в форме приостановления деятельности⁵. Таким образом, предмет правового регулирования ст. 1069 ГК РФ намного шире предмета гл. 18 УПК РФ, а предмет ст. 1070 ГК РФ не совпадает с предметом регулирования гл. 18 УПК РФ, хотя и гораздо ближе к нему в сравнении со ст. 1069 ГК РФ.

На двойственность вышеупомянутых норм, одновременное наличие уголовно-процессуального института реабилитации и межотраслевого института, частично «перекрывающего» уголовно-процессуальный институт, указывают многие ученые⁶. Эта двойственность не позво-

ляет утверждать, что глава 18 УПК РФ является сугубо процессуальным инструментом реализации положений ст. 1070 ГК РФ. Нормы гл. 18 УПК РФ фактически закрепляют некоторые правила не процедурного, а материально-правового характера, например, устанавливая виды причиненного гражданину имущественного вреда, подлежащего возмещению (ч. 1 ст. 135 УПК РФ).

В силу отмеченных обстоятельств весьма затруднительно однозначно определить приоритет действия той или иной нормы (ст. 1070 ГК РФ или положений гл. 18 УПК РФ), а также четко выделить их соотношение в качестве общих и специальных. Очевидно, что данные нормы должны применяться в комплексе и, по сути, одновременно.

Категории реабилитированных, т.е. лиц, приобретающих право на возмещение вреда, перечислены в ч. 2 ст. 133 УПК РФ и п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»⁷.

Прежде всего к реабилитированным относятся лица, подвергавшиеся уголовному преследованию (т.е. обвиняемые и подозреваемые), в отношении которых уголовное преследование прекращено на досудебных стадиях по основаниям, перечисленным в п. 1–6 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 и УПК РФ.

Необходимо уточнить, что в науке уголовного процесса традиционно различаются реабили-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 3981.

⁵ Воробьев С. М. Правовое регулирование института реабилитации // Российское правосудие. 2016. № 4 (120). С. 95.

⁶ См., например: Орлова А. А. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 11 ; Потетин В. А. Институт реабилитации: несовершенство законодательства, как проблема правоприменительной практики // Библиотека криминалиста. 2015. № 6 (23). С. 102–106.

⁷ Официальный сайт Верховного Суда РФ: URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8277/> (дата обращения: 28.03.2024).

тирующие основания и основания, предоставляющие право на реабилитацию⁸. Реабилитирующие основания прекращения уголовного преследования характеризуют случаи, когда лицо не совершало преступного деяния. К таким основаниям принято относить отсутствие события преступления, отсутствие в действиях лица состава преступления, непричастность к совершению преступления (в форме как установленной непричастности, так и неподтвержденной причастности). В указанной ситуации понятие «реабилитация» носит скорее материально-правовой, чем процессуальный, характер и синонимично невинности лица в содеянном.

Основания, предоставляющие право на реабилитацию, несколько шире.

Во-первых, в качестве самостоятельных оснований названы обстоятельства, не закрепленные в ст. 24 и 27 УПК РФ (например, недостижение возраста привлечения к уголовной ответственности и законодательное устранение преступности и наказуемости деяния).

Во-вторых, основания, предоставляющие право на реабилитацию, включают в себя не только три обстоятельства, являющихся реабилитирующими основаниями прекращения уголовного преследования, но и некоторые иные, носящие процессуальный характер, однако в силу решения законодателя дающие право на возмещение вреда, причиненного гражданину государственными органами в результате осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Так, отсутствие заявления потерпевшего или согласия компетентного органа на привлечение к уголовной ответственности субъекта, наделенного иммунитетом от уголовного преследования, а также наличие неотмененного решения суда или следственного органа по одному и тому же делу считаются законодателем основаниями, предоставляющими право на реабилитацию, хотя материально-правовая природа данных обстоятельств не свидетель-

ствует о полной непричастности лиц к совершению преступных деяний. Скорее, напротив, прекращение уголовного преследования по этим основаниям позволяет сделать вывод о фактической причастности лица к содеянному, на что справедливо обращается внимание в научной литературе⁹. Иными словами, если лицо согласилось с прекращением уголовного преследования только по той причине, что потерпевший не обратился с заявлением о привлечении этого лица к уголовной ответственности, и не настаивает на применении такого основания, как отсутствие состава преступления либо непричастность к преступному деянию, напрашивается вывод о принципиальном согласии лица с тем, что им совершены соответствующие действия, носящие преступный характер. Очевидно, законодатель исходил из того, что если уголовное преследование конкретного гражданина в форме подозрения или предъявления обвинения не осуществлялось (хотя бы только из-за позиции потерпевшего или компетентного государственного органа), утверждения о причастности лица к преступлению юридически несостоятельны в силу противоречия принципу презумпции невинности.

Статус обвиняемого и подозреваемого может быть придан лицу в ходе предварительного расследования по любому из предусмотренных в законе оснований. В связи с этим необходимо иметь в виду, что в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ предусмотрена ответственность за вред, причиненный гражданину в результате избрания только двух мер пресечения: заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении. При этом наименование последней меры пресечения указано в устаревшей редакции («подписка о невыезде»), что соответствует названию, имевшемуся в УПК РСФСР на момент принятия ГК РФ. Однако несовпадение названий меры пресечения в УПК РФ и ГК РФ не является препятствием

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С. 532–534 ; Колесникова Л. Г. Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущих право на реабилитацию // Закон и право. 2021. № 1. С. 124–127.

⁹ См.: Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 34.

для применения ст. 1070 ГК РФ в этой части, поскольку данная мера пресечения фактически осталась в УПК РФ, изменена не ее сущность, а только наименование, в то время как природа предусматриваемых ею ограничений осталась практически той же.

Более существенные несовпадения ГК РФ и УПК РФ заключаются в другом. Согласно ст. 100 УПК РФ избрание до предъявления обвинения любой меры пресечения влечет наделение лица статусом подозреваемого. Поэтому если в отношении лица была избрана другая мера пресечения и в силу этого процессуального решения лицо приобрело статус подозреваемого, в случае прекращения уголовного преследования данного субъекта по п. 1 ч. 1 ст. 27 и п. 1–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ оно подлежит реабилитации. Иными словами, право на реабилитацию возникает в связи с избранием в отношении лица не только двух мер пресечения, указанных в ст. 1070 ГК РФ, а всех мер пресечения, предусмотренных УПК РФ.

Можно предложить и несколько иную трактовку соотношения указанных положений уголовно-процессуального и гражданского законов: избрание заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении в случае последующего прекращения уголовного преследования влечет возникновение права на реабилитацию в обязательном порядке, а применение других мер пресечения — в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Подобная интерпретация может быть признана состоятельной в отношении таких мер пресечения, как личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части и залог. Подписка о невыезде и надлежащем поведении, несмотря на мягкий характер, обусловленный отсутствием строгого нормативно закрепленного контроля за исполнением данной меры пресечения, тем не менее подразумевает запрет выезда за пределы места жительства, непосредственно ограничивающий конституционное право на свободу передвижения, причем этот запрет в период действия указанной меры пресечения носит всеобъемлющий, не предусматривающий исключений характер. Личное поручительство и присмотр за несовершеннолетним,

во-первых, не содержат запрета на перемещение за пределы населенного пункта, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый), а во-вторых, заключаются в возложении обязанностей не на самого обвиняемого (подозреваемого), а на иных лиц, призванных обеспечить должное поведение лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Отсутствие обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать место жительства и перенос обеспечения указанных мер пресечения на поручителей позволяют констатировать, что для самого обвиняемого (подозреваемого) данные меры пресечения носят даже несколько более мягкий характер, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении.

Наблюдение командования воинской части также не предусматривает обязанности не покидать место жительства. Разумеется, при этом данная мера пресечения предполагает применение к обвиняемому (подозреваемому) совокупности более строгих ограничений, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении, однако эта мера пресечения может быть избрана только в отношении военнослужащих, для которых наличие сходных по юридической природе ограничений (в частности, невозможность по своему усмотрению беспрепятственно и в любое время оставлять территорию воинской части, в которой лицо проходит службу) лежит в основе их правового статуса. Кроме того, соответствующие ограничения устанавливаются не непосредственно законом, а уставами Вооруженных Сил РФ.

Залог, на первый взгляд, содержит более серьезные механизмы воздействия на обвиняемого (подозреваемого), чем подписка о невыезде и надлежащем поведении. Вместе с тем залог носит исключительно добровольный характер и в принципе не может быть избран без желания лица, привлекаемого к уголовной ответственности, либо действующего в интересах этого лица залогодателя. Кроме того, залог может быть внесен не самим обвиняемым (подозреваемым), а залогодателем, который и будет нести все риски утраты залогового имущества. Наконец, залог не предусматривает общей обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать место жительства. Даже в случае при-

менения в рамках залога запретов, установленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, ограничения будут носить точечный характер, ограничивая право на свободу передвижения в четко установленных и весьма узких пределах. При этом меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий (особенно выхода из жилого помещения), несомненно, строже, чем подписка о невыезде и надлежащем поведении. Поэтому по смыслу закона избрание этих мер пресечения при условии последующего прекращения уголовного преследования лица по основаниям, предоставляющим право на реабилитацию, должно влечь наделение лица этим правом именно по факту применения указанных мер пресечения.

Кроме того, исходя из буквального содержания ч. 1 ст. 1070 ГК РФ можно предположить, что незаконное избрание других мер пресечения, кроме заключения под стражу и подписки о невыезде и надлежащем поведении, влечет применение ст. 1069 ГК РФ. Это следует из буквального толкования ч. 2 ст. 1070 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный гражданину в результате незаконной деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры, не повлекший последствий, закрепленных в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, подлежит возмещению в порядке ст. 1069 ГК РФ. Кстати, примерно такая интерпретация дается в трудах ученых-цивилистов¹⁰. Однако данное толкование противоречит смыслу закона. Оно не должно распространяться на избрание других мер пресечения, не указанных в ч. 1 ст. 1070 ГК РФ, поскольку природа всех мер пресечения как правового явления одинакова (в частности, избрание любой меры пресечения до предъявления обвинения влечет наделение лица статусом подозреваемого) и очевидно, что эта природа соответствует предмету регулирования ст. 1070 ГК РФ как специальной нормы в сравнении с более общей статьей 1069 ГК РФ.

Необходимо обратить внимание на то, что УПК РФ и ГК РФ несколько различаются в акцентах в отношении фактических оснований возникновения права на реабилитацию. ГК РФ предусматривает в качестве таковых незаконное уголовное преследование и избрание мер пресечения, а УПК РФ упоминает только незаконное уголовное преследование. Различие, видимо, объясняется исключительно особенностями юридической техники, присущими гражданскому и уголовно-процессуальному регулированию. С точки зрения УПК РФ избрание мер пресечения — неотъемлемая часть уголовного преследования, в то время как ГК РФ стремится подчеркнуть важность незаконного избрания меры пресечения как феномена, существенно ограничивающего субъективные права граждан.

По смыслу норм УПК РФ право на реабилитацию возникает у лица из-за незаконного уголовного преследования как такового. Оно само по себе нарушает конституционные права граждан, поэтому для приобретения права на реабилитацию не требуется наступления каких-либо отдельных дополнительных последствий. При этом, исходя из особенностей конкретного уголовного дела, может быть детализирован и дифференцирован ущерб, причиненный лицу привлечением в качестве обвиняемого, задержанием по подозрению в совершении преступления и применением меры пресечения. По крайней мере, имущественный ущерб определяется частью 1 ст. 135 УПК РФ, причем требуется проследить и зафиксировать причинно-следственную связь между незаконными действиями органа предварительного расследования и наступлением соответствующих последствий в виде материальных лишений. Вполне возможна ситуация, когда само по себе избрание меры пресечения, не связанной с непосредственным ограничением свободы передвижения и иных конституционных прав, не повлекло нарушения прав гражданина. Иными словами, негативный

¹⁰ См.: Прохоров А. Б. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью // *Адвокатская практика*. 2022. № 5. С. 37 ; Чорновол Е. П. Юридино-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014. № 8. С. 55–56.

эффект избрания меры пресечения как таковой как бы поглощается общим негативным эффектом уголовного преследования и растворяется в нем, поэтому право на реабилитацию возникает не от избрания меры пресечения как таковой, а от незаконного уголовного преследования в целом. Если мера пресечения, не связанная с лишением свободы, избиралась после предъявления обвинения, то она сама по себе не может влечь утрату обвиняемым материальных ценностей, и поэтому ее избрание не становится основанием для возмещения лицу имущественного вреда. Вместе с тем при определенных обстоятельствах, с учетом специфики избрания меры пресечения в конкретной ситуации допустимо ставить вопрос о компенсации морального вреда, причиненного фактом ее применения.

В этой связи весьма показательно, что само по себе приобретение лицом статуса подозреваемого вследствие возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица и даже задержания в порядке ст. 91 УПК РФ (а задержание, несомненно, влечет несопоставимые по строгости ограничения конституционных прав в сравнении с подпиской о невыезде и надлежащем поведении) не приводит к автоматическому возникновению права на реабилитацию. Это право появляется только при установлении неправомερных действий следователя, когда задержание произведено при отсутствии оснований или с нарушением порядка. Если основания на момент задержания имелись, однако впоследствии, в ходе расследования, было установлено, что лицо непричастно к преступлению, права на реабилитацию у лица не возникает. Очевидно, законодатель исходит из того, что задержание как процессуальное действие про-

изводится в условиях первоначального соби- рания доказательств, в то время как избрание меры пресечения лишено подобной экстренности. Сказанное не означает, что задержание в порядке ст. 91 УПК РФ может производиться без оснований, напротив, в этой ситуации за- держание расценивается не только как грубое нарушение уголовно-процессуального закона, но в ряде случаев может свидетельствовать о наличии признаков состава преступления в действиях применившего эту меру принужде- ния должностного лица. Соответственно, если задержание было заведомо незаконным, задержанный приобретает право на реабилитацию¹¹.

Еще одной категорией граждан, приобретающих право на реабилитацию, являются лица, к которым незаконно применялись меры процессуального принуждения¹². Конституционный Суд РФ сформулировал правовые позиции, состоящие в том, что в данном контексте термин «меры процессуального принуждения» необходимо понимать расширительно, включая в него также следственные и иные процессуальные действия, содержащие непосредственный принудительный элемент и ограничивающие базовые конституционные права граждан¹³.

С учетом изложенного к лицам, в отношении которых незаконно применялись меры процес- суального принуждения, в частности, относятся:

— лица, не подвергавшиеся уголовному преследованию, однако подвергавшиеся ме- рам процессуального принуждения, которые впоследствии были признаны незаконными и отменены (например, принудительный привод, назначенный в отношении свидетеля);

— лица, не имевшие по делу статуса обви- няемого или подозреваемого, однако непо-

¹¹ См.: Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подо- зрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 58.

¹² См.: Муравьев К. В. Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уго- ловно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 25.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 524-О-П «По жалобе гражданина Федорова Дениса Валериановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision28845.pdf> (дата обращения: 28.03.2024); определение Конститу- ционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки

средственно в отношении которых производились следственные действия, сопряженные с применением принуждения (обыск, личный обыск и т.п.), проведение которых впоследствии признано необоснованным именно в отношении соответствующего лица. Представляется, что не требуется, чтобы результаты следственных действий были признаны недопустимыми доказательствами вследствие процессуальных ошибок и нарушения УПК РФ, важнее, чтобы не имелось необходимости в производстве следственных действий, а они, несмотря на это, всё же были проведены;

— обвиняемые, в отношении которых судом инкриминируемое деяние было переклассифицировано на менее тяжкое и которым было назначено наказание, гораздо более мягкое по сравнению с мерами процессуального принуждения, применявшимися в ходе предварительного расследования¹⁴ (в частности, когда лицу во время расследования вменялось совершение тяжкого преступления и лицо находилось под стражей, а судом оно было осуждено за преступление, не предусматривающее наказания в виде лишения свободы; при условии правильной квалификации действий обвиняемого в период предварительного расследования избрание меры пресечения в виде заключения под стражу было бы исключено).

Спорным является вопрос о возникновении права на реабилитацию у свидетеля или потерпевшего, в отношении которого избиралось обязательство о явке. С одной стороны, обязательство о явке отнесено к мерам уголовно-процессуального принуждения, что на первый взгляд позволяет расценивать его незаконное отобрание как основание приобретения права на реабилитацию. С другой стороны, по смыслу ст. 112 УПК РФ обязательство о явке носит сугубо

добровольный характер, и избрание данной меры в отношении конкретного лица без его согласия невозможно. Исходя из этого, представляется, что отобрание у лица обязательства о явке не может влечь наделение этого лица правом на реабилитацию.

Возникает вопрос, имеют ли право на реабилитацию подозреваемые, обвиняемые, осужденные, в отношении которых уголовное преследование прекращено не полностью, а только в части. Следует различать две ситуации частичного прекращения уголовного преследования.

Первая ситуация имеет место, когда уголовное преследование в отношении конкретного лица прекращено по отдельному эпизоду преступной деятельности. В этом случае лицо приобретает право на реабилитацию по соответствующему эпизоду, даже если по остальным вмененным ему деяниям оно осуждено (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17). Разумеется, в таких случаях весьма сложно вычлнить тот размер возмещения, на который претендует лицо, в отношении которого уголовное преследование в итоге закончилось осуждением, поскольку неясно, как именно привлечение к уголовной ответственности по одному из эпизодов усугубило правовое положение осужденного. Очевидно, что право на реабилитацию может возникнуть, когда уголовное преследование началось с эпизода, по которому принято решение о прекращении дела по соответствующим основаниям, поскольку некоторое время лицо привлекалось к уголовной ответственности только за то деяние, которое в результате не нашло подтверждения.

О. В. Ветрова и С. В. Меркулов именуют такую ситуацию «частичной реабилитацией в отношении самостоятельного обвинения. Таковым считается обвинение, которое может под-

Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision79285.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 23-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей — седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. В. Махина» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision202446.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

держиваться в рамках самостоятельного производства, где при наличии к тому оснований была бы возможна полная реабилитация»¹⁵. Иными словами, частичная реабилитация имеет место, когда прекращается уголовное преследование по какому-либо отдельному и самостоятельному преступлению, вменявшемуся в вину обвиняемому, даже если уголовное преследование по другим преступным деяниям продолжается.

Вторая ситуация складывается, когда обвиняемый осужден по соответствующему эпизоду преступной деятельности, притом что объем обвинения уменьшен в сравнении с предъявлявшимся в ходе предварительного расследования. В этой ситуации лицо не приобретает права на реабилитацию, за исключением случаев, когда незаконно превышенный объем обвинения обусловил принятие процессуальных решений, которые не могли быть приняты в случае изначально правильной квалификации содеянного (например, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу).

Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой изменение квалификации деяния в сторону, улучшающую положение обвиняемого, само по себе не свидетельствует о незаконности его уголовного преследования или действий суда¹⁶. Иными словами, частичное прекращение уголовного преследования, заключающееся только в уменьшении объема обвинения, не означает, что преследование было незаконным, поскольку уменьшается лишь объем обвинения, однако само обвинение сохраняется и завершается осуждением лица.

В соответствии с абз. 1 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 частичное прекращение уголовного преследования не влечет возникновения права на

реабилитацию, в частности, в следующих случаях:

- а) переквалификация преступных действий на другую норму Особенной части УК РФ;
- б) исключение из обвинения ошибочно вмененных квалифицирующих признаков;
- в) иное уменьшение объема обвинения, притом что лицо все равно осуждается за инкриминируемое деяние по той или иной норме Особенной части УК РФ, в частности:
 - уменьшение размера инкриминируемого материального ущерба;
 - осуждение за ряд преступлений, совершенных в составе организованной группы, при исключении из обвинения квалификации по ст. 210 УК РФ;
 - г) снижение вышестоящим судом меры наказания до предела ниже отбытого.

Законодатель исключает возможность появления права на реабилитацию у лиц, уголовное преследование которых прекращено в связи с недостижением возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Необходимо отметить, что такое обстоятельство как самостоятельное основание прекращения уголовного преследования в УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, отсутствует; современным уголовно-процессуальным законом оно расценивается как частный случай отсутствия в действиях лица состава преступления. Однако если отсутствие состава преступления влечет возникновение права на реабилитацию, то недостижение возраста такого последствия не имеет. Данная дифференциация правильна, поскольку она основана не на сугубо процедурных, а на существенных, материально-правовых факторах. По сути, она подчеркивает, что несовершеннолетний выполнил все объективные признаки состава преступления, и это исключает ответственность

¹⁵ Ветрова О. А., Меркулов С. В. К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 1. № 1 (3). С. 38.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2696-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маленкина Сергея Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision215712.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

государства за совершение с ним процессуальных действий, направленных на доказывание причастности к преступному деянию. При этом существует исключение из общего правила: право на реабилитацию возникает, если факт недостижения возраста наступления уголовной ответственности был известен органу предварительного расследования, который, несмотря на это, продолжил уголовное преследование соответствующего лица. В данной ситуации действия следственного органа будут заведомо незаконными.

Действующий УПК РФ не содержит такого обстоятельства, лишаящего лицо права на реабилитацию, как самооговор подозреваемого, обвиняемого, осужденного, воспрепятствовавший установлению истины, и, соответственно, способствованию лицу своему незаконному осуждению или привлечению к уголовной ответственности. Вместе с тем указанное положение закреплено в абз. 3 п. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х¹⁷. Представляется, что неприменение этого нормативного акта неверно, поскольку он имеет силу федерального закона и его действие в Российской Федерации не только не прекращено, но, напротив, подтверждено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17. Законодательству Российской Федерации союзный акт не противоречит,

а лишь дополняет его. Норма о самооговоре имеет глубокий смысл. Если лицо само, без принуждения со стороны органов уголовного судопроизводства, ввело их в заблуждение относительно обстоятельств совершения преступления и сознательно добилось собственного осуждения или привлечения к уголовной ответственности, то в подобной ситуации нельзя говорить о какой-либо «виновности» органов уголовного судопроизводства, представляющих государство. Соответственно, если в незаконном осуждении лица виновно не государство, а само это лицо, государство не должно отвечать за последствия этого, и поэтому подозреваемый, обвиняемый, осужденный не имеют права на реабилитацию. При этом, если самооговор последовал в результате преступного воздействия на лицо со стороны сотрудников правоприменительных органов, право на реабилитацию у незаконно осужденного или привлеченного к уголовной ответственности остается. Очевидно, что целесообразно сохранить (точнее, восстановить) в современном российском уголовно-процессуальном законодательстве норму о самооговоре как обстоятельстве, исключающем возникновение права на реабилитацию, для чего представляется необходимым закрепить соответствующее положение в гл. 18 УПК РФ, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснить порядок его применения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ветрова О. А., Меркулов С. В.* К вопросу о проблемах реализации института реабилитации в уголовном процессе // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. — 2021. — Т. 1. — № 1 (3). — С. 37–43.
2. *Воробьев С. М.* Правовое регулирование института реабилитации // Российское правосудие. — 2016. — № 4 (120). — С. 94–97.
3. *Колесникова Л. Г.* Классификация оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, влекущих право на реабилитацию // Закон и право. — 2021. — № 1. — С. 124–127.
4. *Макарова О. В.* Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 30–36.

¹⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 № 4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (утв. Законом СССР от 24.06.1981 № 5156-Х) // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=38920> (дата обращения: 28.03.2024).

5. *Муравьев К. В.* Оптимальна ли регламентация системы мер процессуального принуждения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2018. — № 5. — С. 24–29.
6. *Орлова А. А.* Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 59 с.
7. *Потетин В. А.* Институт реабилитации: несовершенство законодательства, как проблема правоприменительной практики // *Библиотека криминалиста.* — 2015. — № 6 (23). — С. 102–106.
8. *Прохоров А. Б.* Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве лиц, потерпевших от злоупотребления властью // *Адвокатская практика.* — 2022. — № 5. — С. 36–42.
9. *Фисенко Д. Ю.* Институт реабилитации в законодательстве Российской Федерации: современное состояние и перспективы // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* — 2021. — № 2 (43). — С. 134–140.
10. *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2018. — № 5. — С. 56–61.
11. *Чорновол Е. П.* Юридико-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // *Государственная власть и местное самоуправление.* — 2014. — № 8. — С. 53–59.

Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Vetrova O. A., Merkulov S. V.* K voprosu o problemakh realizatsii instituta reabilitatsii v ugovnom protsesse // *Sovremennoe ugovno-protsessualnoe pravo — uroki istorii i problemy dalneyshego reformirovaniya.* — 2021. — Т. 1. — № 1 (3). — С. 37–43.
2. *Vorobev S. M.* Pravovoe regulirovanie instituta reabilitatsii // *Rossiyskoe pravosudie.* — 2016. — № 4 (120). — С. 94–97.
3. *Kolesnikova L. G.* Klassifikatsiya osnovaniy prekrashcheniya ugovnogo dela i ugovnogo presledovaniya, vlekushchikh pravo na reabilitatsiyu // *Zakon i pravo.* — 2021. — № 1. — С. 124–127.
4. *Makarova O. V.* Pravovoe regulirovanie instituta reabilitatsii v rossiyskom ugovnom protsesse // *Zhurnal rossiyskogo prava.* — 2014. — № 5. — С. 30–36.
5. *Muravev K. V.* Optimalna li reglamentatsiya sistemy mer protsessualnogo prinuzhdeniya v Ugovno-protsessualnom kodekse Rossiyskoy Federatsii? // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* — 2018. — № 5. — С. 24–29.
6. *Orlova A. A.* Kontseptsiya reabilitatsii i organizatsionno-pravovye mekhanizmy ee realizatsii v rossiyskom ugovnom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — М., 2013. — 59 с.
7. *Potetin V. A.* Institut reabilitatsii: nesovershenstvo zakonodatelstva, kak problema pravoprimeritelnoy praktiki // *Biblioteka kriminalista.* — 2015. — № 6 (23). — С. 102–106.
8. *Prokhorov A. B.* Dostup k pravosudiyu v ugovnom sudoproizvodstve lits, poterpevsikh ot zloupotrebleniya vlastyu // *Advokatskaya praktika.* — 2022. — № 5. — С. 36–42.
9. *Fisenko D. Yu.* Institut reabilitatsii v zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.* — 2021. — № 2 (43). — С. 134–140.
10. *Khimicheva O. V., Sharov D. V.* Nekotorye aspekty obespecheniya prav litsa pri zaderzhanii po podozreniyu v sovershenii prestupleniya // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* — 2018. — № 5. — С. 56–61.
11. *Chornovol E. P.* Yuridiko-fakticheskie osnovaniya vzniknoveniya obyazatelstv po vzmeshcheniyu imushchestvennogo i kompensatsii moralnogo vreda, prichinennogo nezakonnymi aktami publichnoy vlasti // *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie.* — 2014. — № 8. — С. 53–59.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.103-110

И. А. Даниленко*,
Н. В. Васильев**

Значение междисциплинарного характера института освобождения от уголовной ответственности

Аннотация. В статье на примере нескольких постановлений Конституционного Суда РФ рассматриваются междисциплинарная природа института освобождения от уголовной ответственности и взаимное влияние уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства. Исходя из практического опыта, в настоящее время законодатель не перестает вносить изменения в данный институт. Таким образом, освобождение от уголовной ответственности можно рассматривать как безусловно самостоятельный и обособленный межотраслевой институт, что предопределяет прямое влияние межотраслевого характера института освобождения от уголовной ответственности не только на его внутреннюю «компромиссную» природу, но и на его реализацию. Освобождение от уголовной ответственности является не жестким императивным последствием объективно обусловленных обстоятельств уголовного права, а результатом выбора и соглашений двух сторон в уголовном процессе при возникновении таких обстоятельств.

Ключевые слова: уголовная ответственность; освобождение; уголовное дело; уголовное преследование; прекращение уголовного преследования; Конституционный Суд РФ; истечение сроков давности; непричастность к совершению преступления; междисциплинарный характер; уголовное право.

Для цитирования: Даниленко И. А., Васильев Н. В. Значение междисциплинарного характера института освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 103–110. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.103-110.

© Даниленко И. А., Васильев Н. В., 2025

* Даниленко Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
irinadanilenko35@gmail.com

** Васильев Николай Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
nvvasilev@msal.ru

The Importance of the Interdisciplinary Nature of the Institution of Exemption from Criminal Liability

Irina A. Danilenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Criminal Procedure Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
irinadanilenko35@gmail.com

Nikolay V. Vasiliev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Criminal Procedure Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nvvasilev@msal.ru

Abstract. The paper, studying several decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, examines the interdisciplinary nature of exemption from criminal liability and the mutual influence of criminal law and criminal procedure legislation on the norms of this institution. Based on practical experience, the legislator currently continues to make changes to this institution. Thus, exemption from criminal liability can be considered as an absolutely independent and separate inter-branch institution, which establishes a direct influence of the inter-branch nature of exemption from criminal liability not only on its internal «compromise» nature, but also on the procedure for its implementation. Exemption from criminal liability is not a strict imperative consequence of objectively determined circumstances of criminal law, but the result of the choice and agreement of two parties in criminal proceedings when such circumstances arise.

Keywords: criminal liability; exemption; criminal case; criminal prosecution; termination of criminal prosecution; Constitutional Court of the Russian Federation; expiration of the statute of limitations; non-involvement in the commission of a crime; interdisciplinary nature; criminal law.

Cite as: Danilenko IA, Vasiliev NV. The Importance of the Interdisciplinary Nature of the Institution of Exemption from Criminal Liability. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):103-110. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.103-110.

Институт освобождения от уголовной ответственности с удивительной неизменностью сохраняет актуальность и привлекательность для исследователей в области юриспруденции. Связано это прежде всего с постоянным совершенствованием условий реализации этого института, подстраиванием оснований освобождения от ответственности под новые реалии общественной жизни. Вместе с тем базовые категории этого института, такие как «освобождение», «уголовная ответственность», восходят к философским, основополагающим понятиям всей отрасли права, а следовательно, сохраняют дискуссионность и требуют постоянного уточнения. Наконец, нахождение этого правового института на стыке двух хотя и родственных, но всё-таки не тождественных юридических отраслей — уголовного права и уголовного процесса — влечет существенные правовые последствия в непосредственном при-

менении конкретных оснований освобождения от уголовной ответственности.

Уголовное право имеет дело с ценностями и мерами, описывает мир запретного и должного, устанавливает возможность и необходимость кары и прощения. При этом термины, используемые уголовно-правовой наукой, предполагаются объективно существующими, установленными, несомненными. Рассуждая о квалификации деяния, специалист в области уголовного права не ставит под сомнение факт совершения преступления конкретным лицом с определенной формой вины и, например, с сопутствующимотягчающим обстоятельством.

В отличие от уголовного права уголовный процесс чаще всего имеет дело с категориями неопределенными, спорными, сомнительными, вероятностными. На всем протяжении уголовного процесса невозможно с однозначностью утверждать о наличии или об отсутствии дея-

ния, о совершении его конкретным человеком и наличии в этом деянии состава преступления. Эти три главных вопроса называются существом уголовного дела и определяют весь ход уголовного судопроизводства. В совокупности они именуются вопросом о виновности. И эти обстоятельства считаются в уголовном судопроизводстве окончательно установленными, лишь когда приговор суда вступит в законную силу, т.е. фактически в момент завершения уголовного судопроизводства. Этому требуют принцип осуществления правосудия только судом и принцип презумпции невиновности.

Но даже после того, как приговор вступит в законную силу, возможны процедуры его пересмотра именно на том основании, что возникает спор о каком-либо обстоятельстве, лежащем в основе квалификации преступления или назначенной меры наказания. Пока вопрос о виновности не будет решен окончательно, уголовному праву не на что опереться. Когда этот вопрос разрешен, не остается места уголовному судопроизводству.

Можно сказать, что уголовный процесс длится всё то время, пока есть сомнения в существовании категорий уголовного права. А уголовное право начинается в тот момент, когда завершается уголовный процесс.

Но эта концепция сталкивается с серьезными трудностями при реализации института освобождения от уголовной ответственности. Сам институт по определению предполагает отказ от необходимости осуждения человека, а следовательно, от судебного установления тех обстоятельств, которые являются причинами его уголовной ответственности и основаниями освобождения от нее.

В этот момент возникает противоречие: освободить от уголовной ответственности мы можем лишь лицо, подлежащее этой ответственности,

т.е. совершившее преступление. Но факт совершения преступления устанавливается лишь посредством осуждения человека, а его виновность не будет считаться установленной до вступления приговора суда в законную силу. Это противоречие стало обнаруживаться в уголовном процессе с момента введения принципа презумпции невиновности. Наиболее остро оно проявляется на стадии предварительного расследования, когда освобождение от уголовной ответственности передается в руки дознавателя или следователя в форме прекращения уголовного дела.

Необходимость его разрешения приводила ученых к различным позициям, которые условно можно систематизировать по ответам на два вопроса: 1) делается ли вывод о виновности лица при его освобождении от уголовной ответственности и 2) принадлежит ли суду исключительная компетенция в установлении виновности лица?

В зависимости от ответов можно выделить три базовых подхода:

1. Освобождение от уголовной ответственности на досудебной стадии не соответствует презумпции невиновности, поскольку допускает признание человека виновным вне судебной процедуры. Признать же лицо виновным вправе только суд (А. М. Ларин, И. А. Либус, И. Л. Петрухин, Ю. И. Стецовский, А. В. Танцюра и др.)¹.

2. Освобождение от уголовной ответственности на досудебной стадии не противоречит презумпции невиновности, поскольку при прекращении уголовного дела на предварительном расследовании виновность не констатируется. При этом поддерживается тезис об исключительном праве суда на признание виновным (Г. А. Злобин, С. Г. Келина, В. З. Лукашевич, Я. О. Мотовиловкер, М. С. Строгович и др.)².

3. Освобождение от уголовной ответственности содержит констатацию виновности лица в

¹ См.: Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М. : Наука, 1985. С. 33 ; Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т. М. : Бек, 1997. С. 156.

² См.: Лукашевич В., Шимановский В. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1991. № 10. С. 37 ; Мотовиловкер Я. О. О соотношении принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка : межвузовский

совершении преступления, однако соответствует презумпции невиновности, т.к. признание виновным допускается не только по приговору суда (Б. П. Безлепкин, Л. Д. Володина, А. П. Гуляев, А. Я. Дубинский, Э. Л. Куцова, А. А. Чувилев и др.)³.

Примечательно, что официальное толкование данного института на предмет соответствия Конституции проходило через все указанные точки зрения.

В 1990 г. так называемый Комитет конституционного надзора СССР (предшественник Конституционного Суда РФ) вынес заключение, согласно которому возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, констатирует виновность лица в совершении такого деяния, а следовательно, противоречит статье 160 Конституции СССР 1977 г., в соответствии с которой никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда и в соответствии с законом⁴.

Через шесть лет Конституционный Суд РФ в постановлении от 28.10.1996 № 18-П сформулировал позицию, согласно которой освобожде-

ние от уголовной ответственности на досудебных стадиях не может подменять приговор суда и, следовательно, не может расцениваться как акт, устанавливающий виновность обвиняемого в смысле ст. 49 Конституции РФ⁵. В дальнейшем Конституционный Суд старался придерживаться этого тезиса, но при этом всё больше акцентировал внимание на необходимости получения согласия лица на прекращение в отношении него уголовного дела⁶.

Наконец, в 2017 г. Конституционный Суд РФ в постановлении от 07.03.2017 сформулировал позицию, что наступление негативных правовых последствий после прекращения уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям превращается в исполнение заключенного между обвиняемым (подсудимым) и государством «*публично-правового соглашения sui generis*, соотносимого по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству) (курсив наш. — *И. Д., Н. В.*)»⁷. То есть в силу принципа состязательности, на основе которого осуществляется уголовное судопроизводство, пред-

сборник. Куйбышев : Изд-во Куйбышев. ун-та, 1982. С. 75 ; *Перлов И. Д.* Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 20–21.

³ *Гуляев А. П.* Следователь в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1981. С. 153.

⁴ Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13.09.1990 № 2-8 «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 39. Ст. 775.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова» // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.

⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 5 ; постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

полагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности.

Если указанный подход Конституционного Суда укоренится, то логическим завершением будет признание института освобождения от уголовной ответственности своего рода сделкой (компромиссом, соглашением) между государством и обвиняемым о признании виновности в обмен на освобождение от уголовной ответственности. В такой ситуации признание виновности будет означать добровольный отказ обвиняемого от права на презумпцию невиновности и освобождение стороны обвинения от бремени доказывания.

Но уже сегодня роль согласия обвиняемого с освобождением его от уголовной ответственности настолько возросла, что оно меняет ход уголовного судопроизводства только по усмотрению обвиняемого. Например, если сроки давности истекли на стадии судебного разбирательства, то решение принимается в зависимости от мнения подсудимого: при его согласии уголовное дело прекращается (ч. 1 ст. 254 УПК РФ), а при несогласии — продолжается в обычном порядке и может завершиться либо реабилитацией гражданина, либо его осуждением с освобождением от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ). Ключевым фактором и необходимым условием прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям во всех случаях является то, что обвиняемый или подозреваемый осознанно принимает возможные связанные с этим неблагоприятные последствия.

Более того, это решение обвиняемого может меняться в процессе расследования. Примером может служить дело А. В. Новкунского, который несколько раз давал согласие на прекращение уголовного дела в связи с истечением сроков давности, однако решение о прекращении уго-

ловного дела отменялось руководителем следственного органа. Наконец, после очередной отмены постановления Новкунский отказался давать согласие на прекращение уголовного дела и потребовал продолжать расследование. Органы следствия, вопреки его желанию, прекратили дело, ссылаясь на ранее полученное согласие обвиняемого. После обращения А. В. Новкунского в Конституционный Суд РФ последний в постановлении от 19.05.2022 № 20-П сформулировал требование, что согласие необходимо получать каждый раз после отмены решения об освобождении от уголовной ответственности⁸. В данном случае речь не идет об «обратимости» согласия на отказ от презумпции невиновности или отказе от заключенной «сделки о признании». Компромисс достигался в конкретных условиях, с определенным набором преимуществ и слабостей у каждой стороны. Если в указанных либо измененных условиях одна из сторон (а в деле Новкунского это была сторона обвинения) не достигает соглашения или выходит из него — отменяет постановление о прекращении уголовного дела, это снимает обязательства и со второй стороны — обвиняемого. С этого момента его виновность не может считаться установленной и должна доказываться в обычном порядке.

Впрочем, как долго можно продолжать расследование уголовного дела, по которому истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности либо возникли иные основания освобождения от уголовной ответственности, а лицо возражает против прекращения уголовного дела? При этом еще в 2000 г. Конституционный Суд РФ сформулировал тезис, что наличие определенных оснований для прекращения освобождения от уголовной ответственности (истечение сроков давности) влечет недопустимость целого ряда мер принуждения со стороны обвинения, например меры пресечения в виде заключения под стражу⁹.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Новкунского» // Российская газета. № 119. 03.06.2022.

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гончарова Николая Степановича на нарушение его конституционных прав положе-

В 2022 г. принято постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П, которое окончательно вступило в силу в июле 2023 г.¹⁰ Поводом для вынесения указанного решения послужила жалоба гражданина В. А. Рудникова. Подробности его уголовного преследования известны лишь в той мере, в которой они описаны самим Конституционным Судом: Рудников обвинялся в совершении тяжкого преступления (ч. 4 ст. 159 УК РФ). В 2020 г. истек 10-летний срок давности привлечения его к уголовной ответственности. В этой связи обвиняемый вместе с защитником подали ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, указав в ходатайстве, что обвинение несостоятельно, а срок давности по нему истек. Оставим без комментариев необычность самого ходатайства, в котором одновременно заявляется о реабилитирующем и нереабилитирующем основаниях прекращения уголовного дела. Следствие отказало в удовлетворении ходатайства, а суды, в которые обратился Рудников в порядке судебного контроля, указали, что вопрос наличия или отсутствия состава преступления на досудебном этапе не входит в их компетенцию. Что касается истечения срока давности, то для прекращения уголовного дела по этому основанию необходимо согласие обвиняемого, которого следственные органы не получили.

Рудников обратился в Конституционный Суд РФ, утверждая, что существующее нормативное регулирование позволяет правоохранительным органам сколь угодно долго осуществлять предварительное расследование (на момент обращения заявителя следствие в отношении него было продлено до 34 месяцев).

Конституционный Суд принял поистине радикальное решение, установив конкретные сроки продолжения расследования в тех случаях, когда лицо возражает против прекращения уголовного дела.

Воспользовавшись своим правом определять порядок вступления решения в силу, а также порядок, сроки и особенности его исполнения, Конституционный Суд РФ постановил, что до изменения УПК РФ законодателем необходимо продолжать расследование уголовного дела даже по истечении срока давности уголовного преследования, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела, но не более 12 месяцев со дня истечения срока давности уголовного преследования. После этого Конституционный Суд РФ предложил весьма спорное завершение ситуации: «...по истечении указанного срока, если уголовное дело в установленном порядке не передано в суд, оно подлежит незамедлительному прекращению и без согласия на то подозреваемого или обвиняемого, который вправе оспорить такое решение в суд, а суд обязан разрешить его жалобу по правилам, предусмотренным статьей 125.1 УПК Российской Федерации...» Толкование этой фразы приводит к мысли о том, что речь идет именно о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности. На это указывают и упоминание согласия лица, и его возможное обжалование решения. Но такое толкование, по сути, открыло бы ящик Пандоры, создавая широкие возможности для злоупотребления на стадии предварительного расследования. Любое возражение обвиняемого против прекращения уголовного дела становилось бы преодолимым: следователю достаточно дожидаться истечения 12 месяцев и можно прекращать уголовное дело по этому же основанию, не получая согласия гражданина, оставив ему лишь право обжалования.

Опираясь на постановления по жалобам Новкунского и Рудникова, Государственная Дума ФС РФ внесла в 2023 г. изменения в УПК РФ, установив, наряду с необходимостью получения повторного согласия на освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением

ниями статей 5, 89, 93, 143, 154, 221, 247 и 378 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Российская газета. № 80–81. 25.04.2001.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта “в” части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // Российская газета. № 169. 03.08.2022.

сроков давности, запрет задержания и избрания любой меры пресечения в отношении лица, расследование по которому продолжается после истечения таких сроков (данное правило не будет распространяться на лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, наказуемого смертной казнью или пожизненным лишением свободы)¹¹.

Что касается продолжения расследования, то законодатель весьма удачно скорректировал решение Конституционного Суда в нововведениях. Новая трактовка предполагает, что если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке ввиду возражений обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию, то уголовное преследование подлежит прекращению **в связи с непричастностью лица к совершению преступления** по истечении 2 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, 3 месяцев — в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев — в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Подобная формулировка более удачная, поскольку, помимо дифференциации преступлений по категориям тяжести, устанавливает реабилитирующее основание прекращения уголовного дела, если оно не направлено в суд с обвинительным заключением (или прекращено по иному основанию). Это будет стимулировать органы следствия более тщательно и активно устанавливать обстоятельства совершенных преступлений даже при истечении по ним сроков давности.

Если возвратиться к межотраслевому характеру института освобождения от уголовной

ответственности, то наличие или отсутствие материально-правовых категорий (включая уголовную ответственность) ставится в зависимость от реализации уголовно-процессуальных положений (например, сроков расследования). При соблюдении срока мы можем констатировать виновность лица в совершении преступления, при несоблюдении — должны констатировать невиновность. Авторы полагают, что подобный подход следует распространить и на другие случаи освобождения от уголовной ответственности, предполагающие получение согласия лиц (акт амнистии, смерть обвиняемого и др.).

Вместе с тем следует отметить неудачность определения момента, с которого законодатель счел необходимым отсчитывать срок расследования при наличии возражений на прекращение уголовного дела. Этот срок считается с момента истечения сроков давности, а не с момента получения возражений. Они практически всегда не совпадают. Полагаем: на практике в силу разных обстоятельств такой подход может приводить к тому, что срок возможного расследования будет истекать еще до получения согласия (возражений) от обвиняемого. Это поставит следователя в неравное положение со стороной защиты. Видится более удачным, опираясь на междисциплинарный характер института освобождения от уголовной ответственности, определять этот срок не уголовно-правовым, а уголовно-процессуальным основанием: исчислять его с момента получения от обвиняемого возражений на прекращение уголовного дела или объявления о наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности.

Подводя итог вышесказанному, мы можем констатировать прямое влияние межотраслевого характера института освобождения от уголовной ответственности не только на его внутреннюю «компромиссную» природу, но и на его реализацию. Освобождение от уголовной ответственности является не жестким императивным последствием объективно обусловленных обстоятельств уголовного пра-

¹¹ Федеральный закон от 18.03.2023 № 81-ФЗ «О внесении изменения в статью 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 18.03.2023.

ва, а результатом выбора и соглашений двух сторон в уголовном процессе при возникновении таких обстоятельств. Дальнейшее развитие и совершенствование данного института должны строиться с пониманием этого дуализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. — М. : Юрид. лит., 1981. — 192 с.
2. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. — М. : Наука, 1985. — 240 с.
3. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т. — М. : Бек, 1997. — 314 с.
4. Лукашевич В., Шимановский В. О праве прокурора и следователя прекращать уголовные дела по нереабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. — 1991. — № 10. — С. 36–38.
5. Мотовиловкер Я. О. О соотношении принципов осуществления правосудия только судом и презумпции невиновности // Актуальные проблемы укрепления социалистической законности и правопорядка : межвузовский сборник. — Куйбышев : Изд-во Куйбышев. ун-та, 1982. — С. 62–75.
6. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. — М. : Госюриздат, 1960. — 263 с.

Материал поступил в редакцию 1 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gulyaev A. P. Sledovatel v ugovnom protsesse. — M.: Yurid. lit., 1981. — 192 s.
2. Larin A. M. Ugolovnyy protsess: struktura prava i struktura zakonodatelstva. — M.: Nauka, 1985. — 240 s.
3. Larin A. M., Melnikova E. B., Savitskiy V. M. Ugolovnyy protsess Rossii: Lektsii-ocherki / pod red. V. M. Savitskogo; Ros. akad. nauk, In-t gosudarstva i prava, Akad. pravovoy un-t. — M.: Bek, 1997. — 314 s.
4. Lukashevich V., Shimanovskiy V. O prave prokurora i sledovatelya prekrashchat ugovnyye dela po nereabilitiruyushchim osnovaniyam // Sotsialisticheskaya zakonnost. — 1991. — № 10. — S. 36–38.
5. Motovilovker Ya. O. O sootnoshenii printsipov osushchestvleniya pravosudiya tolko sudom i prezumptsii nevinovnosti // Aktualnye problemy ukrepleniya sotsialisticheskoy zakonnosti i pravoporyadka: mezhvuzovskiy sbornik. — Kuybyshev: Izd-vo Kuybyshev. un-ta, 1982. — S. 62–75.
6. Perlov I. D. Prigovor v sovetskom ugovnom protsesse. — M.: Gosyurizdat, 1960. — 263 s.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.111-124

А. В. Отогочев*

Виды цифровых следов преступлений на финансовом рынке

Аннотация. Автором разработана криминалистическая классификация наиболее актуальных цифровых следов преступлений на финансовом рынке, установление и изъятие которых имеют большое значение при выявлении и идентификации организаторов преступных схем в условиях цифровой трансформации. Была поставлена задача проанализировать цифровые следы, образуемые при совершении преступлений на финансовом рынке, притом что ряд преступных деяний может совершаться на легальном финансовом рынке при вовлечении финансовых организаций и их сотрудников, а также на нелегальном финансовом рынке, образующем теневой сектор нелегальных финансовых услуг, включая создание финансовых пирамид. В результате исследования был сделан вывод, что цифровые следы в случае преступлений с вовлечением лицензированных финансовых организаций и при участии нелегальных субъектов финансового рынка различаются по содержанию, а также по степени их сохранности от уничтожения, что в ряде ситуаций требует оперативных мер по их фиксации и изъятию. Автор заключил, что успешное расследование преступлений на финансовом рынке во многом зависит от результатов экспертных исследований цифровых следов экономического содержания и компьютерной информации, для которых необходимо проведение комплекса судебных экспертиз.

Ключевые слова: криминалистика; цифровые следы; виды цифровых следов; цифровизация; компьютерная информация; финансовые расследования; финансовый рынок; судебно-экономическая экспертиза; судебная компьютерно-техническая экспертиза; расследования преступлений на финансовом рынке; нелегальная деятельность на финансовом рынке; финансовые пирамиды; схемы Понци; криптовалюта.

Для цитирования: Отогочев А. В. Виды цифровых следов преступлений на финансовом рынке // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 111–124. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.111-124.

© Отогочев А. В., 2025

* Отогочев Александр Викторович
a.otogochev@mail.ru

Types of Digital Traces of Crimes in the Financial Market

Aleksandr V. Otogochev

a.otogochev@mail.ru

Abstract. The author has developed a forensic classification of the most relevant digital traces of crimes in the financial market, the establishment and seizure of which is of great importance in identifying and detecting the organizers of criminal schemes in the context of digital transformation. The author sets the task to analyze digital traces that appear in the process committing crimes in the financial market. It is taken into account that a number of criminal acts can be committed in the legal financial market with the involvement of financial organizations and their employees, as well as in the illegal financial market, which forms the shadow sector of illegal financial services, including the formation of financial pyramids. The result of the study is the conclusion that digital traces in the case of crimes involving licensed financial organizations and involving illegal entities of the financial market differ in their content, as well as in the degree of their preservation from destruction, which in some cases requires prompt measures to record and seize them. The author concluded that successful investigation of crimes in the financial market largely depends on the results of expert studies of digital traces of economic content and computer information, which require a range of forensic examinations.

Keywords: forensics; digital traces; types of digital traces; digitalization; computer information; financial investigations; financial market; forensic economic examination; forensic computer-technical examination; investigation of crimes in the financial market; illegal activity in the financial market; financial pyramids; Ponzi schemes; cryptocurrency.

Cite as: Otogochev AV. Types of Digital Traces of Crimes in the Financial Market. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):111-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.111-124.

В условиях стремительной цифровизации различных сфер современной жизни общество всё сильнее зависит от информационно-телекоммуникационных сетей. В инвестиционной деятельности, как и в иных сферах экономической деятельности, широко используются современные финансовые технологии и ИТ. Вместе с тем одновременно с легальными формами такой деятельности на финансовом рынке образуется теневой сектор нелегальных финансовых услуг, подрывающий экономическую безопасность государства.

В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.¹ к основным вызовам и угрозам экономической безопасности в том числе относятся сохранение значительной доли теневой экономики и высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере.

Финансовый рынок является неотъемлемой частью экономической системы, и его развитие во многом зависит от модели развития российской экономики, подходов к решению стоящих перед ней задач и преодолению вызовов. Важные факторы развития финансового рынка — это доверие и конкурентное взаимодействие между его участниками. Согласно разработанным Банком России «Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов»² значимым фактором формирования доверия на финансовом рынке в том числе является обеспечение высокого уровня защиты от недобросовестных практик и мошенничества.

Организованная преступность в условиях цифровизации на постоянной основе совершенствует способы совершения преступлений на финансовом рынке, используя дистанционные каналы связи и средства коммуникации, а также

¹ Указ Президента РФ от 17.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Вестник Банка России. 2024. № 5.

приемы социальной инженерии, что создает риски и угрозы для потребителей финансовых продуктов и услуг. Дистанционные способы совершения преступлений, позволяющие исключить взаимодействие между участниками преступных групп и их жертвами (потерпевшими), использование способов анонимизации пользователей в сети Интернет, осуществление взаиморасчетов за незаконные финансовые услуги с использованием счетов подставных лиц, так называемых дропов, и криптовалют требуют от уполномоченных органов выработки соответствующих мер и подходов.

Согласно отчету ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» о состоянии преступности в России за первое полугодие 2024 г., отмечается рост числа преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 15,8 % (всего 368,8 тыс.) по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, из которых четыре преступления из пяти (82,4 %) совершаются с использованием сети Интернет. По сравнению с первым полугодием 2023 г. на 0,8 % сократилось число преступлений экономической направленности. Всего выявлено 66,8 тыс. преступлений данной категории, из которых 8,1 тыс. (12,1 %) связаны с финансово-кредитной системой. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности составил 153,5 млрд руб.³

Одним из прямых следствий цифровой трансформации современной преступности стало появление особого вида криминалистически значимой информации, получившей название «цифровые следы». В настоящее время дано множество определений цифровых следов и уже есть первые попытки законодательного закрепления такого понятия. В опубликованном проекте «Концепции комплексного регулиро-

вания (правового регулирования) отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики», предложенной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, «цифровые следы» трактуются как данные, формируемые пользователем в информационных системах и вследствие работы программного обеспечения⁴.

По нашему мнению, в криминалистическом значении «цифровые следы» — более широкое понятие. Если рассмотреть следственные ситуации преступлений на финансовом рынке, очевидно, что, помимо цифровых следов в информационно-телекоммуникационных сетях, вещественными доказательствами также выступают финансовые операции, история взаимодействия финансовых организаций и их клиентов и др.

С точки зрения криминалистики наиболее подходящее определение цифровых следов было дано Е. Р. Россинской и И. А. Рядовским, которые относят цифровые следы к *криминалистически значимой компьютерной информации о событиях или действиях, отраженной в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи*⁵.

Данное определение наиболее полно охватывает информационные процессы, связанные с получением, хранением, обработкой и передачей компьютерной информации, содержащейся как в сети Интернет, так и на отдельных носителях. Стоит также отметить, что компьютерная информация — это сведения, существующие в виде электромагнитных сигналов, возникающих в процессе функционирования компьютеров, электронных средств связи, информационно-телекоммуникационных систем, и такая информация может быть доступна осознанию человека исключительно с использованием специализированных программных и аппаратных средств. Таким образом, фиксация и изъятие

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь — июнь 2024 г. // Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/53218362/> (дата обращения: 19.08.2024).

⁴ URL: <https://clck.ru/3DPVmm> (дата обращения: 19.08.2024).

⁵ *Россинская Е. Р., Рядовский И. А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 2019. С. 7.

цифровых данных требуют соблюдения определенного порядка действий с целью обеспечения их сохранности, достоверности и дальнейшей возможности использования в качестве вещественных доказательств по делу.

Цифровые следы могут быть классифицированы по разным основаниям, и на сегодняшний день в научных работах введено множество видов цифровых следов. Мы предлагаем особую классификацию цифровых следов, наиболее актуальную для расследований преступлений на финансовом рынке. Цифровые следы преступлений на финансовом рынке можно разделить по трем критериям.

К первой классификации предлагаем отнести цифровые следы, выделяемые по характеру получения к ним доступа в целях их фиксации и изъятия.

Цифровые следы на финансовом рынке могут быть доступны:

- неограниченному кругу лиц;
- уполномоченным лицам в пределах предоставленных законом полномочий.

Данная классификация актуальна при выявлении цифровых следов на финансовом рынке по ряду причин, и главная — это невозможность изъятия цифровых следов, доступ к которым ограничен законодательством Российской Федерации. Отсутствие законных полномочий и оснований изъятия охраняемых законом цифровых следов зачастую становится серьезным препятствием для выявления и пресечения преступлений на финансовом рынке.

В первом случае цифровые следы могут быть доступны неограниченному кругу лиц в любой момент. К таким цифровым следам относится общедоступная информация, содер-

жащая криминалистически значимую информацию о событиях преступления или лице, его готовящем, совершающем или совершившем. Согласно действующему законодательству об информационных технологиях и защите информации⁶ понятие «общедоступная информация» определяется как «общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен», а также «информация, размещаемая ее обладателями в сети “Интернет” в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования» (общедоступная информация, размещаемая в форме открытых данных).

Таким образом, цифровые следы в виде общедоступной информации неограниченно доступны любому лицу в любой момент, пока данные не уничтожены правообладателями такой информации либо владельцами сетевых устройств, на которых она хранится.

К общедоступным данным, которые могут быть использованы в качестве доказательственной информации при расследовании преступлений на финансовом рынке, предлагаем отнести следующие:

- информацию из открытых официальных реестров (реестр поднадзорных Банку России финансовых организаций, список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке⁷, платформа «Знай своего клиента»⁸, единые государственные реестры юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и т.п.);
- публичные коммерческие данные (информацию о компании, эмитенте ценных бумаг, раскрытие информации эмитентами ценных бу-

⁶ Ч. 1 и 4 ст. 7 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁷ Банк России раскрывает список компаний с выявленными признаками «финансовой пирамиды», нелегального кредитора, нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг (в том числе нелегального форекс-дилера) и иных нелегальных участников финансового рынка (URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/> (дата обращения: 20.09.2024)).

⁸ С 1 октября 2024 г. Банк России открыл сервис, который позволяет по запросу получить справочную информацию о том, относится ли на платформе «Знай своего клиента» (ЗСК) индивидуальный предприниматель или юридическое лицо к группе высокого уровня риска совершения подозрительных операций (URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=21020> (дата обращения: 20.09.2024)).

маг, результаты биржевых торгов (итоги торгов ценными бумагами, в том числе на фондовом, срочном, валютном, товарном рынках и др.), сайты информационных агентств, специализирующихся в сфере финансовых рынков, и др.);

— материалы средств массовой информации (статьи, интервью и др.);

— информацию с веб-сайтов (документы, фотографии, видео-, аудиофайлы и др.), в том числе с их сохранных копий;

— социальные сети (аккаунты пользователей с рядом идентификационных данных о лице, в том числе его фото-, видеоизображения, аудиоданные, сведения о местоположении (геолокации) размещенных постов, публичные сообщения, подписи к постам, комментарии, сведения о контактах).

Ю. В. Гаврилин и А. В. Шмонин обращают внимание на то, что социальные сети содержат большое количество криминалистически значимой информации. Прежде всего, это контент, который выкладывают пользователи на свои страницы сайта социальной сети. Анализ контента позволяет определить круг общения пользователя, его образ жизни, увлечения, род занятий, возможный уровень доходов, географию перемещений, семейное положение и состав семьи, используемый автотранспорт и пр.⁹

На практике при проведении предварительной проверки по сообщению о преступлении, когда доказательственная информация находится на страницах социальных сетей пользователей в сети Интернет, следователи руководствуются статьями 176, 177 УПК РФ, т.е. осуществляют осмотр и последующую фиксацию, изъятие цифровых следов преступления в рамках

проведения такого следственного действия, как осмотр предметов (документов)¹⁰.

Как отмечают исследователи, в Российской Федерации за последние годы почти каждое 20-е зарегистрированное преступление совершается с использованием сети Интернет¹¹. Общедоступная информация в сети Интернет, включая средства массовой информации, может помочь связать исследуемые события, а также определить мотив, умысел и цели совершения тех или иных действий.

В качестве примера значимой и общедоступной информации, хранящейся в сети Интернет, сто́ит привести результаты проверки Банком России неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком ценных бумаг. Так, акционеры и инсайдеры авиакомпании «Трансаэро», обладая инсайдерской информацией, во избежание убытков свыше 200 млн руб. от продажи акций эмитента на фоне аннулирования сертификата эксплуатанта, на основании которого эмитент осуществлял авиаперевозки, *сделали заявления в средствах массовой информации о возможном возобновлении основной деятельности эмитента, что способствовало поддержанию спекулятивных настроений инвесторов*. По итогам финансового расследования Банк России установил, что «указанная инсайдерская информация не была раскрыта, что дало возможность продать Акции широкому кругу инвесторов на анонимных биржевых торгах по текущим рыночным ценам»¹².

Другой вид цифровых следов данной классификации *доступен исключительно уполномоченным лицам в пределах предоставленных законом полномочий*. От уровня доступа к информации, содержащей цифровые следы,

⁹ Гаврилин Ю. В., Шмонин А. В. Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 108–109.

¹⁰ Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей или мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 109.

¹¹ Гужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю. Преступность в сети Интернет: криминологические характеристики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 112.

¹² Об установлении фактов неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком обыкновенных акций ОАО «АК «Трансаэро» // URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=27062019_163000sbrfr2019-06-27T16_21_57.htm (дата обращения: 27.08.2024).

зависят эффективность собирания цифровых следов и, как следствие, успех в раскрытии преступления. Например, для получения вещественных доказательств следователю требуются данные, получение которых затрагивает конституционные права граждан. Для категории дел в отношении преступлений на финансовом рынке зачастую это мероприятия, связанные с производством выемки документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, или, например, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 183 УПК РФ выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ.

Другим примером получения цифровых следов, содержащих сведения о финансовых операциях, является отслеживание транзакций с криптовалютами, и, как правило, для запроса таких данных требуются соответствующие полномочия. В последние годы прослеживается устойчивая тенденция использования в преступных целях цифровых валют (криптовалют). Если в 2011 г. криптовалютой в редких случаях оплачивались наркотические средства в крупных и особо крупных размерах, то в настоящее время взаиморасчеты за наркотические средства производятся преимущественно в криптовалютах, в том числе за розничные дозы. Тем не менее преступления на финансовом рынке также совершаются с использованием криптовалюты. По данным Банка России, в первом полугодии 2024 г. 59 % выявленных субъектов с признаками «финансовых пирамид» привлекали средства клиентов в криптовалютах: «Такие инструменты позволяют злоумышленникам со-

хранять анонимность, а пострадавшие клиенты не могут потом доказать обман»¹³.

И всё же управление криптокошельком и осуществление операций с криптовалютами не так анонимны, как считают многие. В большинстве случаев производится обязательная процедура идентификации личности пользователя криптокошелька, как это предусмотрено большинством зарубежных криптобирж в рамках процедуры «Знай своего клиента» (англ. Know your customer, KYC), являющейся многоэтапной операцией, включающей сбор и анализ личной информации клиентов. В то же время есть зарубежные площадки, на которых возможны транзакции с криптовалютами без идентификации личности либо посредством упрощенной идентификации, позволяющей проводить операции и не проходить процедуру KYC, но до установленных лимитов. Впрочем, даже в таких случаях пользователь оставляет цифровые следы, с помощью которых правоохранительные органы смогут установить его личность.

В настоящее время существуют методы деанонимизации транзакций криптовалюты путем отслеживания всей цепочки их проведения, поскольку данные транзакций криптовалют, хранящиеся в публичных блокчейнах, доступны общественности. *Блокчейн*, также известный как децентрализованный цифровой реестр, представляет собой специальный тип базы данных, которая безопасно хранит записи в компьютерной сети, делая их *прозрачными, неизменяемыми и защищенными* от взлома. Каждый «блок» содержит определенные данные и связан с предыдущим «блоком» в хронологической цепочке, обеспечивая защиту с помощью криптографии.

Хотя блокчейн может хранить различные типы информации, наиболее распространенным его применением является реестр транзакций криптовалют. *Децентрализованность* означает, что блокчейн позволяет распределять данные в базе данных между несколькими сетевыми узлами — компьютерами или устройствами, на которых запущено программное обес-

¹³ Банк России выявил в первом полугодии 2024 года почти 3,5 тысячи нелегалов // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18871/> (дата обращения: 29.08.2024).

печение для блокчейна. Узлы блокчейна позволяют предотвратить изменение информации в цепочке блоков. *Прозрачность* блокчейна означает, что все транзакции можно просматривать, используя обозреватели блокчейнов, которые позволяют видеть транзакции, происходящие в реальном времени. Например, в мире было много случаев взлома криптобирж, что приводило к потере больших сумм криптовалюты. Несмотря на анонимность хакеров, криптовалюту, которую они извлекли, легко отследить, поскольку адреса кошельков хранятся в блокчейне. Разумеется, хранящиеся в блокчейне записи зашифрованы, поэтому пользователи блокчейна могут оставаться анонимными.

Согласимся с мнением Ю. В. Гаврилина и И. С. Бедерова о том, что эффективная борьба с преступлениями, совершаемыми с использованием криптовалют, возможна при активном использовании в расследовании криминалистически значимой информации, полученной в процессе анализа больших данных. Это означает, что эффективность раскрытия преступления зависит от использования совокупности цифровых следов, полученных как из общедоступных источников информации, так и при взаимодействии с уполномоченными органами¹⁴.

Ко второй классификации цифровых следов на финансовом рынке предлагаем отнести *виды данных, выделенные по степени их сохранности: статические и динамические*.

Цифровые следы несут значимую для следствия информацию о событиях преступления, и первоочередная задача следователя — оперативно обеспечить их фиксацию и сохранность. Цифровые следы могут быть полностью уничтожены, заблокированы либо модифициро-

ваны, что впоследствии существенно снижает эффективность расследования.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 дается определение таким понятиям, как «уничтожение», «блокирование» и «модификация компьютерной информации»¹⁵.

Уничтожение компьютерной информации — это приведение такой информации полностью или в части в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности ее восстановления, независимо от того, имеется ли фактически такая возможность и была ли она впоследствии восстановлена. Под *блокированием* компьютерной информации понимается воздействие на саму информацию, средства доступа к ней или источник ее хранения, в результате которого становится невозможным в течение определенного времени или постоянно надлежащее ее использование, осуществление операций над информацией полностью или в требуемом режиме. Под *модификацией* компьютерной информации подразумевается внесение в нее любых изменений, включая изменение ее свойств, например целостности или достоверности.

В силу дуалистической природы цифровых следов их возникновение и характер обусловлены, с одной стороны, используемой в информационной системе технологией записи информации, а с другой — требованиями действующего законодательства к субъектам цифровой инфраструктуры: интернет-провайдерам, операторам связи, кредитно-финансовым организациям и др.¹⁶

Статические цифровые следы защищены от изменения и уничтожения в силу требований законодательства или иных нормативных

¹⁴ Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств : учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2022.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 18.08.2024).

¹⁶ Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е. Развитие учения о криминалистической регистрации в условиях цифровой трансформации преступности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 99–105.

документов, регламентов, порядков. Например, отзыв лицензии у кредитной организации и прекращение ее деятельности как финансовой организации, обслуживающей своих клиентов, вовсе не означают, что следователь не сможет получить необходимые сведения в отношении конкретных расчетных счетов или операций. После отзыва у банка лицензии в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, Банком России назначается временная администрация, которая является органом управления банка до вынесения арбитражным судом решения об открытии конкурсного производства или о начале процедуры ликвидации. Для получения сведений, подтверждающих совершение денежно-расчетных операций в кредитной организации, у которой отозвана лицензия на осуществление банковских операций, следователю необходимо обратиться в установленном законодательством порядке к руководителю временной администрации, назначенной после отзыва у кредитной организации лицензии, либо к ликвидатору кредитной организации. В случае если ликвидационные процедуры в отношении кредитной организации завершены, сведения, образовавшиеся в ходе деятельности кредитной организации (в том числе документы, подтверждающие совершение расчетных операций), сроки хранения которых не истекли, хранятся в архивных учреждениях¹⁷.

Динамические цифровые следы имеют свойство изменения во времени в силу непосредственного внешнего воздействия или при наступлении определенных условий. Этот тип цифрового следа не защищен и может быть умышленно уничтожен, изменен или приведен в непригодное состояние. Например, в 2020 г. Банком России была выявлена «финансовая пирамида» «Antares Trade»¹⁸, которая является одной из самых крупных в России после краха всем известной «МММ», причем пострадавшие от деятельности указанной «финансовой

пирамиды» есть за пределами России. Компания «Antares Trade» — это весьма показательный пример динамических цифровых следов по ряду причин. Компания позиционировала себя как цифровой маркетплейс, предоставлявший продукты и услуги компаний-партнеров по получению доходности до 2 % в сутки. Взаимодействие клиентов с компанией осуществлялось с использованием платформы на интернет-сайте, приложения на смартфоне и каналов в мессенджере Telegram. Для того чтобы воспользоваться услугами компании, потенциальному клиенту требовалось пройти регистрацию на сайте, а также процедуру верификации посредством предоставления персональных данных. Денежные средства граждан привлекались в криптовалюту, а также путем перевода денежных средств с использованием зарубежных электронных платежных систем.

Для вовлечения в деятельность «Antares Trade» активно использовались социальные сети, а также модель MLM-реферальных программ (англ. Multi-Level Marketing), когда участники получают проценты от вноса приведенных ими новых участников. Так, в зарубежной социальной сети одним из российских менеджеров «Antares Trade» выложена видеозапись (сторис¹⁹) мероприятия за границей, посвященного годовщине компании, в котором приняло участие «более 400 представителей компании из разных стран» (по данным анонса мероприятия), в том числе из России. Указанная трансляция хранилась лишь 24 часа согласно правилам социальной сети, что подчеркивает важность своевременного выявления и обеспечения сохранения цифровых следов, которые впоследствии могут являться дополнительными вещественными доказательствами по делу, в частности подтвердить нахождение лица (лиц) в конкретное время и в определенном месте.

С точки зрения вещественных доказательств в отношении организаторов «финансовой пира-

¹⁷ Сведения о местонахождении архивов ликвидированных кредитных организаций см.: URL: <https://www.cbr.ru/vfs/credit/LikvidBase/ArchiveDoc.pdf/> (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁸ Antares Limited (Antares Trade) // URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/detail/?id=7842> (дата обращения: 03.09.2024).

¹⁹ Сторис (stories) — публикация фото- и видеоизображения, доступного для просмотра 24 часа.

миды» «Antares Trade» все вышеуказанные факты деятельности компании и взаимодействие ее участников, являются цифровыми следами, содержащими криминалистически важную информацию. После прекращения деятельности «Antares Trade» неустановленные лица уничтожили большую часть информации о своей деятельности на интернет-сайте и иных ресурсах, а приложение, в котором участники отслеживали свой доход, было удалено из магазина приложений для мобильных устройств, и у пострадавших лиц остались лишь скриншоты, подтверждающие их участие в данном псевдопроекте. По данным прокуратуры г. Москвы, «один из пострадавших инвестировал по рекомендации знакомого более 3,5 млн руб. в криптовалюту, но впоследствии было обнаружено, что платформа заблокирована, вывести криптовалюту стало невозможным»²⁰.

Указанный пример организации «финансовой пирамиды» подтверждает тот факт, что цифровые следы могут быть уничтожены в целях сокрытия событий преступлений и лиц, их совершивших, что ставит перед правоохранительными органами задачу оперативного выявления и фиксации цифровых следов.

В рамках *третьей классификации* предлагаем разделять цифровые следы на финансовом рынке по способу их формирования:

- сформированные самостоятельно;
- сформированные согласно установленным требованиям.

Цифровые следы, сформированные самостоятельно, — это те данные, которые созданы и зафиксированы по воле самого субъекта — источника цифровых следов. Они формируются в процессе взаимодействия лица с информационными системами и техническими средствами, при этом лицо намеренно оставляет цифровые «отпечатки» в таких системах в виде различной информации о себе и своих действиях. Например, к цифровым следам на финансовом рынке,

сформированным пользователем самостоятельно и позволяющим установить его личность в сети Интернет, относятся:

- имя пользователя, никнейм (сетевой псевдоним пользователя);
- адрес электронной почты, номер телефона, адрес в социальной сети;
- фотография или аватар, видеоизображение;
- геолокационная информация (например, при публикации фотографии в социальной сети);
- публичные переписки и участие в группах, сообществах, «реакции», «лайки» и др.;
- опубликованные финансовые реквизиты (банковская карта, счет, электронный кошелек, криптокошелек).

Данный вид цифровых следов, как правило, важен при расследовании *нелегальной деятельности на финансовом рынке*, т.е. в тех случаях, когда лицо не идентифицировано и требуется найти хоть какую-то зацепку, чтобы с помощью совокупности таких цифровых следов с какой-то долей вероятности определить лицо или перечень лиц для последующей проверки. В отдельных сложных случаях, когда преступник принял меры по анонимизации и сокрытию своей личности, такие цифровые следы могут быть единственными данными, которые смогут помочь в установлении лица.

Цифровые следы, сформированные согласно установленным требованиям, фиксируются независимо от воли лица, поскольку необходимость записи (сохранения) конкретной информации о субъекте, взаимодействовавшем с той или иной информационной системой, — это требование различных правовых норм (федеральных законов, нормативных актов, приказов конкретных предприятий, учреждений, организаций и пр.). Например, эффективное противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ)²¹ обеспечивается посредством организации внутреннего

²⁰ Вести-Москва. Сумма ущерба от пирамиды «Антарес» может исчисляться миллиардами // URL: <https://smotrim.ru/video/2709481> (дата обращения: 03.09.2024).

²¹ Разработкой Международных стандартов в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ и контролем за их выполнением всеми государствами занимается межправительственная организация — Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF).

контроля в финансовой организации. На данный момент внутренний контроль некредитной финансовой организации²² по данному направлению должен строиться на основе положения Банка России от 15.12.2014 № 444-П²³, согласно которому организация обязана до приема на обслуживание идентифицировать клиента (физическое или юридическое лицо), запросив от такого лица установленный перечень персональных и иных данных.

Для обеспечения успешного расследования преступлений на финансовом рынке следователю необходимо тщательно проанализировать имеющуюся в материалах уголовного дела информацию об обстоятельствах преступления, чтобы выяснить, какие сведения еще нужно установить или уточнить. Поскольку расследование преступлений на финансовом рынке требует специальных знаний в области рынка ценных бумаг, бухгалтерского учета, а также в сфере IT, следователю необходимы заключения исследований, назначенных по обнаруженным и изъятым цифровым следам.

С учетом введенной классификации цифровых следов на финансовом рынке справедливо отметить важность исследований цифровых следов в рамках ряда судебных экспертиз. Как отмечает Е. Р. Россинская²⁴, цифровые следы стали в последние годы объектами исследования во многих видах судебных экспертиз, в первую очередь класса *судебных компьютерно-технических экспертиз*.

На наш взгляд, в большинстве следственных ситуаций объектами исследований преступлений на финансовом рынке будет следующая компьютерная техника:

— различные виды компьютеров и их компоненты, посредством которых совершались банковские операции, подавались поручения на совершение сделок с финансовыми инструментами с использованием торговых терминалов, и др.;

— сетевые технические средства (серверы, рабочие станции и др.);

— средства связи (мобильные телефоны, смартфоны и др.);

— съемные носители информации (USB-накопители, CD-, DVD-диски и др.);

— электронные средства фиксации информации (системы видеонаблюдения, видеокамеры, фотоаппараты и др.);

— иные технические средства, имеющие встроенные микропроцессоры.

Указанные технические устройства как объекты исследований могут содержать криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях преступления, а также лицах, причастных к их совершению.

По правовому статусу компьютерная информация подразделяется на два вида: документированная информация (документ) и информация, не имеющая документированной формы (сообщение). По функциональному назначению компьютерная информация подразделяется на текстовые и графические документы, служебную информацию, данные в форматах мультимедиа, информацию в форматах баз данных, программное обеспечение.

Видится, что криминалистически значимые сведения о преступлениях на финансовом рынке содержатся в следующей компьютерной информации:

²² Некредитными финансовыми организациями признаются лица, указанные в ст. 76.1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (см.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 05.09.2024)).

²³ Положение Банка России от 12.12.2014 № 444-П «Об идентификации некредитными финансовыми организациями клиентов, представителей клиента, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174501/ (дата обращения: 05.09.2024).

²⁴ *Россинская Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2. С. 27–40.

— данных информационного обмена участников финансового рынка;

— раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг (информация о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг, проспект ценных бумаг, отчеты эмитента, сообщения о существенных фактах, консолидированная финансовая отчетность, бухгалтерская финансовая отчетность и др.)²⁵;

— записях о клиентах, а также об их сделках и операциях с денежными средствами, ценными бумагами, иностранными финансовыми инструментами и товарами, образуемых в результате внутреннего учета профессионального участника рынка ценных бумаг (записи внутреннего учета сделок, денежных средств, финансовых инструментов, записи в журнале регистрации поручений (требований) клиента и др.)²⁶;

— сетевых данных (например, списки сетевых адресов, с которых осуществлялись соединения программных комплексов²⁷ клиента с программно-техническими комплексами компании, с указанием IP-адресов, MAC-адресов).

В рамках настоящего исследования мы пришли к выводу, что цифровые следы в виде компьютерной информации в отношении преступлений на легальном и нелегальном финансовых рынках различаются по содержанию и степени риска уничтожения. Это прежде всего связано с тем, что в случае цифровых следов преступлений, совершенных на легальном финансовом рынке, в преступные деяния вовлекаются финансовые организации, иначе говоря, участники финансового рынка, имеющие соответствующие лицензии (разрешения) Банка России²⁸, а также их клиенты (юридические и физические лица). В случае нелегального²⁹ финансового рынка в преступные деяния, как правило, вовлечены юридические и (или) физические лица, которые одновременно могут являться клиентами участников финансового рынка, например клиенты брокера, управляющей компании.

Нами представлен неисчерпывающий перечень цифровых следов, как характерных для легального и нелегального финансовых рынков в отдельности, так и встречающихся в обоих случаях.

Легальный финансовый рынок	Нелегальный финансовый рынок
Информация об участниках финансового рынка (отчетность компании (например, эмитента), внутренние документы компании (порядки, регламенты)) и их клиентах (анкеты клиентов, выписки, записи внутреннего учета операций и др.; выписки по счетам из кредитных организаций и пр.)	Информация о клиентах участников финансового рынка (анкеты клиентов, записи внутреннего учета операций; выписки по счетам из кредитных организаций и др.)

²⁵ Перечень раскрытия информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг установлен положением Банка России от 27.03.2020 № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352306/ (дата обращения: 09.09.2024)).

²⁶ Внутренний учет профессионального участника рынка ценных бумаг установлен положением Банка России от 31.01.2017 № 577-П «О правилах ведения внутреннего учета профессиональными участниками рынка ценных бумаг, осуществляющими брокерскую деятельность, дилерскую деятельность и деятельность по управлению ценными бумагами» (URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213942/ (дата обращения: 09.09.2024)).

²⁷ В случае торговли на организованных биржевых торгах — информационно-торговая система QUIK или аналоги.

²⁸ Все организации, которые предоставляют финансовые услуги: банки, небанковские кредитные организации, негосударственные пенсионные фонды, страховые организации, управляющие компании, профессиональные участники рынка ценных бумаг (в том числе брокеры, дилеры, инвестиционные советники), операторы финансовых платформ и другие операторы финансовых услуг, микрофинансовые организации, кооперативы (ЖНК, КПК, СКПК), ломбарды, бюро кредитных историй, актуарии и др. Справочник легальных компаний расположен на сайте Банка России (URL: <https://www.cbr.ru/finorg/>).

²⁹ Список компаний с выявленными признаками нелегальной деятельности на финансовом рынке // URL: <https://cbr.ru/inside/warning-list/> (дата обращения: 09.09.2024).

Легальный финансовый рынок	Нелегальный финансовый рынок
Информация о взаимодействии между участниками финансового рынка, а также их клиентами (электронная переписка, запись телефонных переговоров, видеозаписи и др.)	Информация о взаимодействии участников финансового рынка с их клиентами (электронная переписка, запись телефонных переговоров, видеозаписи, копии запросов о предоставлении информации и документов, ответов (объяснений) и др.)
Данные интернет-ресурсов участников финансового рынка	Данные интернет-ресурсов нелегальных участников финансового рынка, социальных сетей, мессенджеров
Сетевые данные (IP-адреса, MAC-адреса, время соединения)	
Данные операторов подвижной радиотелефонной связи (факты приема-передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, информация о местоположении используемых базовых станций, об IP-адресах, используемых для входа в личный кабинет, IMEI (международный идентификатор мобильного оборудования) и др.)	
—	Данные об операциях с криптовалютами

Из приведенного перечня следует, что для легального и нелегального финансовых рынков цифровые следы преступлений *могут различаться по содержанию*. Кроме того, в случае нелегального финансового рынка большая часть цифровых следов, содержащих криминалистически значимую информацию, имеет высокие риски уничтожения.

С учетом введенной нами классификации цифровых следов на финансовом рынке по степени сохранности *динамические цифровые следы*, имеющие свойство временного хранения, наиболее характерны для преступлений, совершаемых на нелегальном финансовом рынке. Таким образом, в случае расследования преступных деяний, совершенных на нелегальном финансовом рынке, следователю необходимо принимать оперативные меры по фиксации и изъятию динамических цифровых следов.

Другой, не менее значимой судебной экспертизой, которая потребуется для успешного расследования уголовного дела данной направленности, является *судебно-экономическая экспертиза*. А. А. Савицкий считает, что при производстве судебно-экономических экспертиз следует различать понятия «вопросы» и

«задачи», поскольку для решения экспертных задач необходимо проведение исследований по поставленным перед экспертом вопросам, а, несмотря на кажущееся сходство категорий «вопросы» и «задачи», отождествлять их не представляется возможным³⁰.

Предлагаем на примере дел, связанных с организацией «финансовых пирамид», как наиболее распространенного вида мошенничества на финансовом рынке выделить две типовые задачи при производстве судебно-экономической экспертизы:

1. Исследование финансово-хозяйственной деятельности организации на основании анализа информации о финансовых операциях (выписок по банковским и иным счетам), финансовой отчетности, финансово-хозяйственных документов, иных документов.

2. Исследование фактов, свидетельствующих о наличии признаков организации деятельности по принципу «финансовой пирамиды»:

— выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц;

³⁰ Савицкий А. А. Актуальные задачи и вопросы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве в уголовном и арбитражном процессах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 64–76.

— отсутствие инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества.

На наш взгляд, вышеуказанные задачи отражают особенность функционирования «финансовых пирамид», которые за рубежом чаще называются «схемы Понци»³¹. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует понятие «финансовая пирамида», вместе с тем в 2016 г. УК РФ был дополнен статьей 172.2, предусматривающей наказание за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества. Согласно пояснительной записке³² к законопроекту целью введения новой статьи являлась борьба с «финансовыми пирамидами», ущерб от которых в 2014 г., по данным МВД России, составил 1,7 млрд руб.

Таким образом, на сегодняшний день диспозиция указанной статьи раскрывает понятие и сущность «финансовой пирамиды». При этом ключевым является механизм функционирования «финансовой пирамиды», а именно тот процесс, когда участникам «финансовой пирамиды» выплачивается доход не за счет результатов инвестиционной деятельности компании, а за счет средств, поступающих от новых участников, причем компанией или лицом не ведется заявленная инвестиционная деятельность в сопоставимом объеме.

Из вышеизложенного следует, что без назначения судебно-экономической экспертизы установить факты организации «финансовой пирамиды» весьма затруднительно. В особенности, возникают вопросы к определению полного отсутствия инвестиционной или иной законной экономической деятельности либо наличия такой деятельности, но в объемах, не

сопоставимых с объемом привлеченных денежных средств. На наш взгляд, вышеуказанное определение носит оценочный характер, что значительно усложняет работу экспертов судебно-экономической экспертизы.

Нам также видится, что к вышеперечисленным фактам организации «финансовой пирамиды», подлежащим исследованию, следует отнести операции по перечислению денежных средств с расчетных счетов организации на цели, не связанные с хозяйственной или инвестиционной деятельностью организации. Например, компания — эмитент ценных бумаг после первичного размещения облигаций и привлечения денежных средств граждан перечислила денежные средства на счета фирм-однодневок, хотя согласно проспекту ценных бумаг целью привлечения денежных средств являлось строительство спортивного объекта. Таким образом, движение денежных средств может являться существенным фактом, подтверждающим отсутствие намерений выполнения обязательств перед инвесторами.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что исследование цифровых следов с точки зрения криминалистически значимой информации актуально не только на сегодняшний день, но на годы вперед. Для успешного противодействия преступлениям на финансовом рынке важно различать виды цифровых следов, это должно помочь в том числе в планировании и приоритизации проверочных мероприятий, успешном изъятии цифровых следов. Проведение судебно-экономических и компьютерно-технических экспертиз при исследовании цифровых следов позволит извлекать криминалистически значимую информацию для следственных органов, которая будет основанием для принятия соответствующих процессуальных решений.

³¹ Понятие «схема Понци» связано с именем итальянского иммигранта в США Чарльза Понци, который в 1919 г. обещал своим вкладчикам выплачивать 40 %-ный доход по депозитам на срок в 45 дней.

³² Законопроект № 881156-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/881156-6> (дата обращения: 16.09.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств : учеб. пособие. — М. : Академия управления МВД России, 2022. — 76 с.
2. Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е. Развитие учения о криминалистической регистрации в условиях цифровой трансформации преступности // Труды Академии управления МВД России. — 2023. — № 2 (66). — С. 99–105.
3. Гаврилин Ю. В., Шмонин А. В. Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. — 2019. — № 1 (49). — С. 105–111.
4. Гужаева В. А., Прокофьева Е. В., Прокофьева О. Ю. Преступность в сети Интернет: криминалогические характеристики // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 4. — С. 111–114.
5. Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 2. — С. 27–40.
6. Россинская Е. Р., Сааков Т. А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей или мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 3 (15). — С. 106–123.
7. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). — Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2019. — С. 6–9.
8. Савицкий А. А. Актуальные задачи и вопросы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве в уголовном и арбитражном процессах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 3. — С. 64–76.

Материал поступил в редакцию 23 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. Ustanovlenie vladeltsev kriptovalyutnykh koshelkov pri rassledovanii prestupleniy v sfere nezakonnoogo oborota narkoticheskikh sredstv: ucheb. posobie. — M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. — 76 s.
2. Gavrilin Yu. V., Saleeva Yu. E. Razvitie ucheniya o kriminalisticheskoy registratsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii prestupnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2023. — № 2 (66). — S. 99–105.
3. Gavrilin Yu. V., Shmonin A. V. Ispolzovanie informatsii, poluchennoy iz seti Internet, v rassledovanii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2019. — № 1 (49). — S. 105–111.
4. Guzhaeva V. A., Prokofeva E. V., Prokofeva O. Yu. Prestupnost v seti Internet: kriminologicheskie kharakteristiki // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2019. — № 4. — S. 111–114.
5. Rossinskaya E. R. Teoriya informatsionno-kompyuternogo obespecheniya sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti kak novaya chastnaya teoriya sudebnoy ekspertologii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 2. — S. 27–40.
6. Rossinskaya E. R., Saakov T. A. Problemy sobiraniya tsifrovyykh sledov prestupleniy iz sotsialnykh setey ili messenzherov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. — 2020. — № 3 (15). — S. 106–123.
7. Rossinskaya E. R., Ryadovskiy I. A. Kontseptsiya tsifrovyykh sledov v kriminalistike // Aubakirovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19 fevralya 2019 g.). — Almaty: Қазақстан Respublikasy ІІМ М. Esbolatov atyndaғы Almaty akademiya'synың ҒЗжРБЖҰБ, 2019. — S. 6–9.
8. Savitskiy A. A. Aktualnye zadachi i voprosy sudebnoy finansovo-ekonomicheskoy ekspertizy po delam o bankrotstve v ugovnom i arbitrazhnom protsessakh // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2024. — № 3. — S. 64–76.

Интернет вещей: криминалистические аспекты

Аннотация. В работе представлен обзор криминальных угроз в области эксплуатации умных устройств (IoT-устройств). Особое внимание уделено использованию ботнетов из скомпрометированных умных устройств для совершения DDoS-атак, распространения вредоносного программного обеспечения, майнинга криптовалюты, превращения умных устройств в прокси-серверы. Автором рассмотрены основные факторы уязвимости умных устройств. Сделан вывод о том, что IoT-устройства являются ценными источниками криминалистически значимой информации, в первую очередь о пространственно-временных факторах. Отмечена возможность использования умных устройств в целях противодействия расследованию преступлений. Автор обращает внимание на целесообразность привлечения специалиста для работы с умными устройствами в ходе следственных действий, т.к. умные устройства являются носителями цифровых следов. Подчеркивается важность подготовительного этапа в проведении следственных действий, предполагающих работу с умными устройствами. Сформулирован алгоритм поэтапной проверки криминалистически значимой информации, полученной от умных устройств.

Ключевые слова: интернет вещей (IoT); умные устройства (IoT-устройства); ботнет; DDoS-атака; вредоносное программное обеспечение; цифровой след; специалист; криминалистически значимая информация; пространственно-временные факторы; судебная компьютерно-техническая экспертиза.

Для цитирования: Коринь А. В. Интернет вещей: криминалистические аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 125–133. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.125-133.

Internet of Things: Forensic Aspects

Aleksey V. Korin, Postgraduate Student, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
korin.alexej@yandex.ru

Abstract. The paper presents an overview of criminal threats in the field of exploitation of smart devices (IoT devices). Particular attention is given to the use of botnets of compromised smart devices to carry out DDoS attacks, distribute malware, mine cryptocurrency, and turn smart devices into proxy servers. The author examines the main factors that determine the vulnerability of smart devices. It is concluded that IoT devices are valuable sources of forensically significant information, primarily information about spatio-temporal factors. The possibility of using smart devices to counteract crime investigations was noted. The author draws attention to the advisability of involving a specialist to work with smart devices during investigative actions, since smart devices are carriers of digital traces. The importance of the preparatory stage in conducting investigative actions that involve working with smart devices is emphasized. An algorithm for the step-by-step verification of forensically significant information obtained from smart devices has been formulated.

© Коринь А. В., 2025

* Коринь Алексей Вячеславович, соискатель кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
korin.alexej@yandex.ru

Keywords: Internet of Things (IoT); smart devices (IoT devices); botnet; DDoS attack; malware; digital footprint; specialist; forensically significant information; spatio-temporal factors; forensic computer expertise.

Cite as: Korin AV. Internet of Things: Forensic Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):125-133. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.125-133.

В настоящее время возросло применение интернета вещей во всех сферах жизнедеятельности человека. Впервые термин «интернет вещей» (Internet of Things, IoT) был введен в оборот в 1999 г. основателем исследовательской группы Auto-ID при Массачусетском технологическом институте Квином Эштоном¹. С тех пор термин прочно вошел в повседневный лексикон и, согласно одному из наиболее популярных определений, означает «динамическую глобальную сетевую инфраструктуру с возможностями самоконфигурирования на основе стандартных и совместимых протоколов связи, где физические и виртуальные “вещи” имеют идентификаторы, физические и виртуальные атрибуты и используют интеллектуальные интерфейсы, а также легко интегрируются в инфокоммуникационные технологии и информационную сеть»².

На сегодняшний день можно с полной уверенностью утверждать о состоявшемся переходе от интернета людей к интернету вещей. По данным статистического портала «Statista», количество вещей, подключенных к сети Интернет, по всему миру в 2021 г. достигло 11,3 млрд с перспективой увеличения до более чем 29 млрд устройств интернета вещей в 2030 г.³ Аналитики корпорации «Cisco» считают период с 2008 по 2009 г. настоящим рождением интернета вещей, т.к. именно в этом промежутке количество устройств, подключенных к глобальной сети, превысило численность населения Земли⁴. Однако,

по нашему мнению, на тот момент технологии интернета вещей еще не достигли зрелости: умные вещи имели ограниченное распространение, в основном представляли собой смартфоны, роутеры и видеокамеры. В настоящий момент устройства интернета вещей (далее — умные или IoT-устройства) применяются в здравоохранении, промышленности, военно-промышленном комплексе, сельском хозяйстве, ритейле, участвуют в управлении жизнью города («умный город») и стали привычными атрибутами окружающего мира, воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (например, устройства «умного дома»: датчики открытия дверей и окон, датчики дыма, камеры видеонаблюдения, лампочки, системы вентиляции, метеодатчики, счетчики электричества, воды, отопления и т.д.).

По нашему мнению, маркером перехода от интернета людей к интернету вещей является не превышение количеством умных устройств числа людей, а создание и развитие нового вида социальной связи «вещь — вещь».

Говоря о ценности интернета вещей, необходимо принимать во внимание эффект эмерджентности — появление у громадного количества умных устройств, объединенных в единую систему, новых качеств. Концепция интернета вещей позволяет не только объединять предметы материального мира посредством Интернета для обмена информацией между ними, но и развивать возможности накопления, структурирования и анализа различной информации.

¹ Черняк Л. С. Платформа интернета вещей // Открытые системы. СУБД. 2012. № 7. С. 44.

² Жариков А. Р. Перспективы развития и правовое регулирование индустриального интернета вещей в России // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И. Вернадского. 2018. № 2 (68). С. 106.

³ Number of Internet of Things (IoT) connected devices worldwide from 2019 to 2023, with forecasts from 2022 to 2030 // URL: <http://https://www.statista.com/statistics/1183457/iot-connected-devices-worldwide/> (дата обращения: 21.03.2024).

⁴ Evans D. The Internet of Things. How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything (April 11, 2011) // URL: https://www.cisco.com/c/dam/en_us/about/ac79/docs/innov/IoT_IBSG_0411FINAL.pdf (дата обращения: 21.03.2024).

Ценность интернета вещей осознает в полной мере и преступный мир, в орбиту интересов которого всё чаще попадают умные устройства. Как правильно отмечают ученые, «современные научные открытия и технические достижения открывают широкие перспективы для социально-экономического и культурного прогресса, но они могут поставить под угрозу и осуществление прав и свобод человека»⁵.

Чем привлекательны IoT-устройства для преступников?

1. Эти устройства являются ценными источниками информации о своем владельце. Так, смартфон, умные часы, браслеты, весы способны поведать о состоянии здоровья человека. Данные видеокамер, умных колонок, датчиков движения и освещения расскажут о его передвижениях, привычках и увлечениях. Не менее ценными являются и хранящиеся в умных устройствах данные банковских карт для покупок в онлайн-магазинах, логины и пароли для соцсетей, переписка в соцсетях, электронной почте и пр.

В следственной практике всё чаще встречаются примеры использования злоумышленниками данной информации для подготовки, совершения и сокрытия преступлений. Так, житель г. Черкесска, являясь сотрудником IT-компании, используя служебное положение, получил доступ к личному кабинету приложения «умный дом» двух жительниц Черкесска и осуществлял просмотры видеокамер, установленных в квартирах потерпевших. В дальнейшем данный гражданин был задержан сотрудниками полиции, в отношении него было возбуждено два уголовных дела⁶.

2. Взлом умных устройств позволяет преступникам строить из них ботнеты. М. Ю. Косенко и А. В. Мельников приводят следующее определение: ботнет — это сеть ботов, которые находятся под удаленным контролем злоумышленника. Бот — программное обеспечение робота, экземпляр вредоносного программного обеспечения, работающий на зараженном компьютере автономно и автоматически без ведома пользователя⁷.

Полагаем, что в современных реалиях данное определение нуждается в корректировке, т.к. частью ботнета может стать не только компьютер, но и иное компьютерное устройство. В этой связи уместно обратить внимание на позицию Верховного Суда РФ, изложенную в постановлении Пленума от 15.12.2022 № 37: «К числу компьютерных устройств могут быть отнесены любые электронные устройства, способные выполнять функции по приему, обработке, хранению и передаче информации, закодированной в форме электрических сигналов (персональные компьютеры, включая ноутбуки и планшеты, мобильные телефоны, смартфоны, а также иные электронные устройства, в том числе физические объекты, оснащенные встроенными вычислительными устройствами, средствами и технологиями для сбора и передачи информации, взаимодействия друг с другом или внешней средой без участия человека), произведенные или переделанные промышленным либо кустарным способом»⁸. Исходя из изложенного, допустимо отнесение IoT-устройств к числу компьютерных устройств.

Рассмотрим основные способы использования ботнетов в преступной деятельности.

⁵ Ищенко Е. П., Кручинина Н. В. Высокие технологии и криминальные вызовы // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 2. С. 199.

⁶ В Карачаево-Черкесии работник IT-компании подозревается в получении неправомерного доступа к компьютерной информации // URL: <https://09.мвд.рф/news/item/28097143> (дата обращения: 01.04.2024).

⁷ Косенко М. Ю., Мельников А. В. Вопросы обеспечения защиты информационных систем от ботнет атак // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 20.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // СПС «КонсультантПлюс».

2.1. Ботнет используется для совершения DDoS-атак (Distributed Denial of Service, или «распределенный отказ в обслуживании»). Атака «отказ в обслуживании» — сетевая атака, приводящая к блокированию информационных процессов в автоматизированной системе⁹. Суть данной атаки заключается в том, что с ботнета на веб-сервер направляется огромное число ложных, пустых запросов, превышающее пропускные возможности канала связи или возможности по одновременной обработке запросов веб-сервером. В результате этих действий появляются перебои в работе или происходит падение сайта, потому что его веб-сервер начинает испытывать перегрузку и не может своевременно обрабатывать легитимные запросы.

Известна DDoS-атака на веб-серверы американского интернет-провайдера Дун, в результате которой в течение нескольких часов было недоступно более 80 интернет-платформ по всему миру, среди которых Netflix, Amazon, Airbnb, GitHub, HBO, CNN и др. По данным «Лаборатории Касперского», атака на Дун проводилась с помощью гигантского ботнета, включавшего десятки миллионов устройств: IP-камеры, роутеры, принтеры и другие устройства из интернета вещей. Все вместе они передавали данные на серверы Дун со скоростью 1,2 Тбит/с¹⁰.

В основном DDoS-атаки используются в качестве инструмента для совершения следующих видов преступлений:

- вымогательство за остановку атаки. Требование выплаты вознаграждения в криптовалюте зачастую позволяет сохранить анонимность преступника;
- воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Всё чаще в качестве целей преступники выбирают объекты критической инфраструктуры: объекты энергетики, медицинские учреждения, сайты государственных органов и Единый портал государственных и муниципальных услуг, систему дистанционного электронного голосования в ходе выборов и пр.;

- DDoS-атака как попытка воспрепятствования функционированию бизнеса конкурента. Остановка/замедление работы сайта, нарушение процессов продаж, обслуживания, информирования могут дискредитировать или разрушить бизнес;

- с целью сокрытия других преступлений или облегчения их совершения, например, чтобы отвлечь внимание от проникновения в инфраструктуру организации или вывести уже полученную информацию;

- DDoS-атаки применяются и активистами, стремящимися с помощью кибератак привлечь внимание общественности на социальные, политические и другие проблемы. Данное явление получило название «хактивизм» (от англ. hacktivism).

2.2. На входящие в ботнет скомпрометированные устройства может быть загружено вредоносное программное обеспечение с целью сбора личной информации о владельце, рассылки спама или распространения вредоносного программного обеспечения. Например, по приговору суда М. был осужден по ч. 1 ст. 273 УК РФ¹¹. Согласно установленным по делу обстоятельствам, М. использовал вредоносное программное обеспечение для заражения 50 ЭВМ неустановленных пользователей сети Интернет и построения на их основе ботнета, предназначенного для несанкционированного копирования информации о логинах и паролях

⁹ Национальный стандарт ГОСТ Р 53114-2008 «Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения» от 01.10.2009 (ред. от 01.11.2018) // СПС «Кодекс».

¹⁰ Что случилось с Twitter, PayPal, Amazon и другими американскими сервисами // URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/attack-on-dyn-explained/13471/> (дата обращения: 02.04.2024).

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Приговор Андроповского районного суда Ставропольского края от 06.04.2017 № 1-31/2017 по делу № 1-31/2017 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/EkNTBHRi14x1/?regular-txt=ботнет®ular-case_

авторизации пользователей на различных интернет-ресурсах¹².

2.3. Вычислительные мощности устройств, составляющих ботнет, могут быть использованы для майнинга криптовалюты.

2.4. Устройства могут быть превращены в прокси-серверы, которые используются для перенаправления сетевого трафика преступников, при этом затрудняется его отслеживание и обеспечивается анонимность преступника. Зачастую созданные таким образом прокси-серверы сдаются в аренду другим преступникам. Так, по приговору суда П. был осужден по ч. 1 ст. 273 УК РФ. Согласно установленным по делу обстоятельствам, П. использовал вредоносное программное обеспечение для получения доступа к удаленным компьютерам, создания ботнета из роутеров и использования их в качестве прокси-сервера¹³.

Развитие и повсеместное распространение технологии интернета вещей открыло перед преступным миром множество возможностей для использования в своих целях IoT-устройств. Полагаем, что высокая уязвимость умных устройств обусловлена рядом факторов, среди которых необходимо выделить следующие:

— производители умных устройств по-прежнему действуют как обычные производители бытовой техники и электроники, а не как поставщики цифровых услуг. Следствие — уязвимости на аппаратном уровне или на уровне программного обеспечения производимых устройств, медленная реакция производителей на выявленные уязвимости в их продуктах (несвоевременный выпуск обновлений программного обеспечения или их полное отсутствие);

— проблема совместимости умных устройств от разных производителей. При построении системы «умного дома» редко используется оборудование одного производителя, что приводит к конфликту протоколов обмена данными (например, некорректная реализация защищенного соединения между двумя

устройствами влечет за собой угрозу перехвата данных);

— передача данных между устройством и облачным хранилищем создает риск их перехвата;

— несоблюдение пользователями умных устройств базовых правил информационной безопасности (использование заводских паролей, предоставление доступа к домашней сети Wi-Fi посторонним лицам, отказ от обновления программного обеспечения и пр.).

С другой стороны, насыщение окружающей среды умными устройствами привело к тому, что они всё чаще встречаются в обстановке совершения преступления. Данное обстоятельство необходимо учитывать следователям, особенно при производстве таких следственных действий, как осмотр и обыск. Предназначенные для сбора информации и обмена ею умные устройства являются ценными источниками криминалистически значимой информации.

По содержанию это преимущественно информация о пространственно-временных факторах. Так, наиболее полную информацию о передвижениях конкретного лица умные устройства (смартфоны, часы, браслеты) способны дать благодаря приемнику GPS, которым оснащены большинство из них. Если устройства привязаны к смартфону, то через него можно установить их нахождение. Также информацией о факте передвижения лица, пройденном расстоянии, скорости передвижения устройства могут поделиться благодаря наличию функции подсчета пройденных шагов (шагомера). Информацию о передвижениях лица, факте его нахождения/отсутствия в помещении можно получить в результате анализа данных различных датчиков: открытия окон и дверей, освещенности, движения.

подавляющее большинство устройств ведут журнал активности, в котором фиксируются факты использования устройства, продолжительность выполнения отдельных действий.

doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1665089289280 (дата обращения: 02.04.2024).

¹³ Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 23.12.2016 по делу № 1-584/2016 // URL: <https://actofact.ru/case-54RS0007-1-584-2016-2016-10-06-2-0/> (дата обращения: 02.04.2024).

Умная колонка способна сообщить, в течение какого времени она работала. Умная подушка фиксирует время сна, в том числе моменты пробуждения и засыпания. Часы и браслеты самостоятельно определяют виды физической активности, фиксируют их продолжительность.

Информацию о состоянии здоровья человека (пульс, уровень кислорода в крови, артериальное давление, уровень стресса и пр.), его антропометрических характеристиках собирают такие IoT-устройства, как весы, зубная щетка, фитнес-браслет, часы и, конечно же, смартфон, в котором, как правило, объединяется вся эта информация. Эти данные могут быть приняты во внимание при решении вопроса о нахождении лица в необычном психофизиологическом состоянии.

Синхронизированные со смартфоном умные часы и фитнес-браслеты могут содержать историю звонков, посещения сайтов в сети Интернет; данные банковских карт; переписку в мессенджерах и социальных сетях, электронной почте; фото-, видео- и аудиозаписи. Последние могут быть сделаны и самим умным устройством, оснащенным видеокамерой.

О привычках, распорядке дня человека могут рассказать журналы активности умных вещей, установленные сценарии. Сценарий — набор команд, последовательность действий, которую пользователь устанавливает в контроллере «умного дома» для умных устройств.

Вместе с тем необходимо учитывать возможность использования преступником умных устройств для создания ложного алиби, инсценировки события преступления. В частности, злоумышленник с помощью смартфона, который работает как управляющий элемент для системы «умный дом», может удаленно запустить один из сценариев, цель которых — создать видимость его присутствия в доме. По определенному сигналу в доме автоматически включится

свет, закроются шторы на окнах и умная колонка начнет воспроизводить музыку — это создаст у соседей впечатление, что он действительно там находится.

Уместно обратить внимание на зарубежный опыт использования IoT-устройств при раскрытии и расследовании преступлений. В США известен случай, когда данные фитнес-браслета помогли опровергнуть ложные показания потерпевшей по делу об изнасиловании. Анализ данных гаджета показал, что потерпевшая не спала, а ходила по дому, что противоречило ее показаниям¹⁴. По другому делу фитнес-браслет зафиксировал изменения пульса убитой женщины: ее сердцебиение резко замедлилось и остановилось в 15:28, примерно за пять минут до того, как подозреваемый, судя по данным наружных камер видеонаблюдения, покинул дом жертвы¹⁵. Аналогичное дело было раскрыто в Греции, где данные умных часов и смартфона обратили внимание следствия на несоответствия в показаниях подозреваемого. Так, согласно данным шагомера, установленного на смартфоне подозреваемого, он был активен в тот момент, когда, по его утверждению, он был обездвижен грабителями¹⁶.

Таким образом, криминалистически значимая информация, которую аккумулируют в себе умные устройства, может быть использована для разрешения целого ряда задач, возникающих на этапе предварительного расследования, в первую очередь таких, как установление базовых элементов события преступления: времени и места; проверка алиби подозреваемого; выявление и разоблачение инсценировки; преодоление ложных показаний (в том числе самоговора).

Впрочем, собирание данной информации — задача не из легких. Работа с умными устройствами, обнаруженными на месте происшествия либо в ходе обыска, имеет специфику, которую

¹⁴ Woman's FitBit watch disproves her rape story // URL: <https://www.reviewjournal.com/uncategorized/womans-fitbit-watch-disproves-her-rape-story/> (дата обращения: 03.04.2024).

¹⁵ Police Use Fitbit Data to Charge 90-Year-Old Man in Stepdaughter's Killing // URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/03/us/fitbit-murder-arrest.html> (дата обращения: 03.04.2024).

¹⁶ How app and fitness watch helped convict Brit mum Caroline Crouch's husband killer // URL: <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/how-app-fitness-watch-helped-26986593> (дата обращения: 03.04.2024).

необходимо учитывать следователю: умные устройства являются носителями цифровых следов — криминалистически значимой компьютерной информации о событиях/действиях в процессе ее возникновения, обработки, хранения, передачи, отраженной в материальной среде¹⁷.

Одним из свойств цифровых следов является возможность их быстрого уничтожения или преобразования в другую форму, что может привести к утрате криминалистически значимой информации. Поэтому при работе с умными устройствами должна быть обеспечена неизменность хранящихся в них цифровых следов. Достигается это путем применения криминалистических программных и аппаратных средств (копировщиков и блокираторов). Кроме того, в протоколе следственного действия в полном объеме должны быть зафиксированы все действия по изъятию, хранению и передаче цифровых следов, доступу к ним и, соответственно, к устройствам, на которых они содержатся.

Для работы с умными устройствами в ходе следственных действий рекомендуется привлекать специалиста, имеющего соответствующую подготовку. Это особенно важно ввиду того, что большинство преступлений, совершенных с использованием IoT-устройств, совершается в условиях неочевидности, когда потерпевший сталкивается с наступившими в результате совершенного деяния негативными последствиями, но ни способ преступления, ни преступник неизвестны.

Специалист может обратить внимание следователя на необходимость исследования умных устройств, которые хотя и не были непосредственно использованы при совершении преступления, но хранящаяся на них информация может быть полезна для установления

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В случае необходимости изъятия умного устройства в ходе производства следственных действий частью 2 ст. 164.1 УПК РФ¹⁸ прямо предусмотрено обязательное участие специалиста.

В том случае, если специалисту не удастся извлечь цифровые следы из умного устройства, то в отношении устройства необходимо назначить судебную компьютерно-техническую экспертизу. К слову, в научной литературе давно высказывается мнение о необходимости выделения такого рода судебной компьютерно-технической экспертизы, как экспертиза нетипичных компьютерных средств, и ее видов: программно-компьютерной экспертизы нетипичных компьютерных средств, информационно-компьютерной экспертизы нетипичных компьютерных средств¹⁹.

Специалист еще на этапе подготовки к производству следственного действия в зависимости от конкретных обстоятельств дела должен оказать содействие следователю в разработке плана следственного действия, обратить внимание на технические возможности умных устройств, предусмотреть порядок действий на месте, рассмотреть возможные проблемные ситуации, связанные с поиском, фиксацией и изъятием умных устройств и хранящихся на них цифровых следов, и способы их разрешения.

Проверка криминалистически значимой информации, полученной от умных устройств, должна осуществляться в несколько этапов.

На первом этапе при помощи специалиста следователь должен проанализировать данные, полученные от умных устройств, на предмет их соответствия стандартам точности и надежности. Во внимание должны быть приняты точность и погрешность измерений, производимых

¹⁷ Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы Международной научно-практической конференции (19 февраля 2019 г.). Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 2019. С. 8.

¹⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Судебная экспертиза в цивилистических процессах : науч.-практ. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2018. С. 316.

устройствами. Необходимо удостовериться, что устройство вело записи надлежащим образом. Погрешности, аномалии в данных могут возникнуть из-за ошибок в работе устройств, проблем с подключением, потери сигнала или неправильной калибровки датчиков. Также нельзя игнорировать вероятность того, что данные, хранящиеся в умных устройствах, были ранее фальсифицированы.

На втором этапе целесообразно сопоставление данных из разных умных устройств, собирающих аналогичную информацию. Например, умные часы и фитнес-браслеты собирают сведения о геопозиционировании устройства, раскрывающие местонахождение его пользователя в конкретный период. Эти данные могут быть сопоставлены с данными, полученными с других устройств, таких как смартфоны или планшеты, которые также собирают аналогичную информацию.

Третий этап заключается в сопоставлении данных умных устройств с криминалистически значимой информацией, полученной из иных источников. Так, в результате допроса свидетелей может быть установлено, что в день совершения преступления подозреваемый отдал во

временное пользование умные часы другому лицу, что опровергает показания подозреваемого о нахождении в другом месте во время совершения преступления.

Необходимо добавить, что за деятельностью по проверке криминалистически значимой информации следует (а зачастую сопутствует ей) деятельность, направленная на оценку данного вида информации²⁰.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что стремительное распространение умных устройств повлекло за собой возникновение новых криминальных угроз, что ставит большие задачи перед криминалистической наукой. Вместе с тем IoT-устройства являются ценными источниками различной криминалистически значимой информации, и в первую очередь о пространственно-временных факторах. Работа с умными устройствами в ходе производства следственных действий требует от следователя знания правил работы с цифровыми следами и в большинстве случаев предполагает участие специалиста. Следует еще раз подчеркнуть важность подготовительного этапа в проведении следственных действий, предполагающих работу с умными устройствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Жариков А. Р.* Перспективы развития и правовое регулирование индустриального интернета вещей в России // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И. Вернадского. — 2018. — № 2 (68). — С. 105–113.
2. *Ищенко Е. П., Кручинина Н. В.* Высокие технологии и криминальные вызовы // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — № 2. — С. 199–206.
3. *Коринь А. В.* Проблемы проверки криминалистически значимой информации // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 2 февраля 2023 г. — М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. — С. 95–97.
4. *Косенко М. Ю.* Вопросы обеспечения защиты информационных систем от ботнет атак // Вопросы кибербезопасности. — 2016. — № 4 (17). — С. 20–28.
5. *Россинская Е. Р., Рядовский И. А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения : материалы международной научно-практической конференции, Алматы, 19 февраля 2019 г. —

²⁰ *Коринь А. В.* Проблемы проверки криминалистически значимой информации // Советская и российская криминалистика: традиции и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 2 февраля 2023 г. М. : Московская академия Следственного комитета РФ, 2023. С. 97.

Алматы : Қазақстан Республикасы ИІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 2019. — С. 6–9.

6. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : науч.-практ. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. — М. : Проспект, 2018. — 704 с.

7. Черняк Л. С. Платформа интернета вещей // Открытые системы. СУБД. — 2012. — № 7. — С. 44–45.

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zharikov A. R. Perspektivy razvitiya i pravovoe regulirovanie industrialnogo interneta veshchey v Rossii // Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet imeni V.I. Vernadskogo. — 2018. — № 2 (68). — S. 105–113.
2. Ishchenko E. P., Kruchinina N. V. Vysokie tekhnologii i kriminalnye vyzovy // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2022. — № 2. — S. 199–206.
3. Korin A. V. Problemy proverki kriminalisticheski znachimoy informatsii // Sovetskaya i rossiyskaya kriminalistika: traditsii i perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 2 fevralya 2023 g. — M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2023. — S. 95–97.
4. Kosenko M. Yu. Voprosy obespecheniya zashchity informatsionnykh sistem ot botnet atak // Voprosy kiberbezopasnosti. — 2016. — № 4 (17). — S. 20–28.
5. Rossinskaya E. R., Ryadovskiy I. A. Kontseptsiya tsifrovyykh sledov v kriminalistike // Aubakirovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Almaty, 19 fevralya 2019 g. — Almaty: Қазақстан Республикасы ИІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗЖРБЖҰБ, 2019. — С. 6–9.
6. Судебная экспертиза в цивилистических процессах: науч.-практ. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. — М.: Проспект, 2018. — 704 с.
7. Chernyak L. S. Platforma interneta veshchey // Otkrytye sistemy. SUBD. — 2012. — № 7. — S. 44–45.

Буферные зоны объектов всемирного природного наследия в российской и зарубежной практике

Аннотация. Анализируется международно-правовая конструкция буферной зоны. Выявляется использование буферных зон в различных видах человеческой деятельности. Констатируется разная функциональная направленность буферных зон, объединяемая общим назначением — сглаживанием социальных конфликтов. Рассматривается генезис этого явления в международной нормативной системе и национальных правовых порядках, показывается особая роль опыта создания буферных зон в системе биосферных резерватов. Детальному анализу подвергнуто нормативно-правовое регулирование режима буферных зон в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Исследована зарубежная практика создания буферных зон на объектах всемирного природного наследия, показано разнообразие их пространственной конфигурации и функциональной направленности. Проанализированы особенности создания буферных зон объектов всемирного природного наследия в России. Показываются различные варианты выполнения рекомендаций мониторинговой миссии Центра всемирного наследия и Международного союза охраны природы по созданию буферной зоны озера Байкал как объекта всемирного природного наследия.

Ключевые слова: буферные зоны; особо охраняемые природные территории; природоохранная деятельность; объект всемирного природного наследия; режим правовой охраны; охранные зоны; Комитет всемирного наследия; экологическое право; международное право; озеро Байкал.

Для цитирования: Колобов Р. Ю. Буферные зоны объектов всемирного природного наследия в российской и зарубежной практике // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 134–145. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.134-145.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

© Колобов Р. Ю., 2025

* Колобов Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, лаборатория правовых исследований высокотехнологичных отраслей производства Иркутского института химии имени А.Е. Фаворского; доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета
г. Иркутск, Российская Федерация
roman.kolobov@gmail.com

Buffer Zones of World Natural Heritage Sites in Russian and Foreign Practice

Roman Yu. Kolobov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Laboratory of Legal Research of High-Tech Industries, Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky; Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
roman.kolobov@gmail.com

Abstract. The paper analyzes international legal structure of the buffer zone and covers the use of buffer zones in various types of human activities. The different functional orientations of buffer zones are noted, united by their common purpose — smoothing out social conflicts. The genesis of this phenomenon in the international regulatory system and national legal orders is considered, and the special role of the experience of creating buffer zones in the system of biosphere reserves is shown. The legal framework governing the buffer zone regime in the Guidelines for the Implementation of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage has been subjected to a detailed analysis. The foreign practice of creating buffer zones at world natural heritage sites is studied, and the diversity of their spatial configuration and functional orientation is shown. The features of creating buffer zones of World Natural Heritage sites in Russia are analyzed. Various options for implementing the recommendation of the monitoring mission of the World Heritage Centre and the International Union for Conservation of Nature to create a buffer zone of Lake Baikal as a World Heritage Site are shown.

Keywords: buffer zones; specially protected natural areas; nature conservation activities; world natural heritage site; legal protection regime; protected areas; World Heritage Committee; environmental law; international law; Lake Baikal.

Cite as: Kolobov RYu. Buffer Zones of World Natural Heritage Sites in Russian and Foreign Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):134-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.134-145.

Acknowledgments. The research was carried out under the state assignment of the Russian Academy of Sciences (RAN) No. 125013001144-6.

Роль буферных зон в природоохранной деятельности человека

Буферные зоны вне зависимости от их наименования используются в разных видах человеческой деятельности. При урегулировании вооруженных конфликтов они создаются для разделения противоборствующих сторон и обеспечения их сосуществования¹. Данное предназначение буферных зон можно назвать медирующей функцией, поскольку они направлены на недопущение развития конфликта. Со

структурной точки зрения действие буферных зон в контексте проводимого исследования можно описать при помощи понятий «объект» и «среда». Буферная зона может служить для защиты объекта от среды, например препятствуя расширению сельскохозяйственных земель в границы охраняемой территории, либо, наоборот, ограничивать среду от неблагоприятных проявлений исходящих от объекта (например, диких животных). Такое понимание буферных зон в природоохранной деятельности позволяет включать в них значительное число явлений,

¹ Katz E. Between Here and There: Buffer Zones in International Law // *University of Chicago Law*. Vol. 84. No. 3. P. 1379–1423.

В исторических исследованиях показывается, что прием разделения противоборствующих поселений использовался достаточно давно и по всему миру. Так, например, поступали жители Амазонии XVI–XVII вв. См.: DeBoer W. Buffer Zones in the Cultural Ecology of Aboriginal Amazonia: An Ethnohistorical Approach // *American Antiquity*. 1981. Vol. 46. No. 2. P. 364–365.

например водоохранные и санитарно-защитные зоны. В целях настоящего исследования под термином «объекты» подразумеваются только особо охраняемые природные территории, независимо от того, имеют они международную или национальную природу.

Обоснование необходимости применения буферных зон как инструмента природоохранной деятельности в доступной научной литературе датируется 1930-ми гг. Практика охраны природы в США того периода столкнулась с необходимостью увеличения территорий национальных парков по причинам необходимости расширения пастбищ для крупных травоядных млекопитающих и защиты от развития проектов добывающей промышленности и строительства плотин².

Практическое использование буферных зон как природоохранного инструмента начинается во второй половине XX в. и связано с развитием сети биосферных резерватов в рамках программы «Человек и биосфера». Изначальная система зонирования предполагала выделение зоны ядра, а также внутренней и внешней буферных зон³. Границы внутренней буферной зоны

определялись строго, поскольку ее назначением является обеспечение охраны зоны ядра. В ее границах допускалось проведение научных исследований. Во внешней буферной зоне решалась образовательная и рекреационная деятельность⁴.

Усиление антропоцентричного дискурса в природоохранной деятельности отразилось и на подходах к зонированию биосферных резерватов⁵. В докладе о результатах IX сессии Международного координационного совета программы «Человек и биосфера» отмечено, что использование словосочетания «буферная зона» в отношении внешнего контура резервата создает впечатление о наличии ограничений и установлении режима ограничений человеческой деятельности⁶. В этой связи внешние буферные зоны стали именовать зонами перехода (англ. transition zone) или зонами сотрудничества (англ. cooperation zone), которые могут не иметь жестких границ⁷.

Подходы, выработанные в системе биосферных резерватов, получили распространение и в других системах охраны природы. Например, руководство по управлению водно-болотными

² *Shafer C.* US National Park Buffer Zones: Historical, Scientific, Social, and Legal Aspects // *Environmental Management*. 1999. Vol. 23. P. 50.

³ См.: Task Force on Criteria and Guidelines for the Choice and Establishment of Biosphere Reserves, Paris, 1974 ; final report. P. 24–26, 48 // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000009834?posInSet=100&queryId=N-EXPLORE-dd6a95a3-6ca9-4bad-8487-2e9539fdd051> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ В науке подобное трехчастное зонирование было описано еще в 1930-х гг. в трудах Виктора Шелфорда, председателя Комитета по изучению растительных и животных сообществ Американского экологического общества: «Американское экологическое общество призывает провести внутреннее деление всех (кроме небольших по размеру) резерватов на заповедные зоны (sanctuaries), буферные зоны частичной защиты и территории развития, предназначенные для использования человеком...» (*Shelford V.* Nature Sanctuaries — A Means of Saving Natural Biotic Communities // *Science*. 1933. Vol. 77. No. 1994. P. 282).

⁵ Кардинальное изменение подходов к направлению развития биосферных резерватов произошло в 1995 г. в связи с принятием Севильской стратегии, отражавшей идеи устойчивого развития, закрепленные в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. Многие резерваты «первого поколения», построенные по классическим моделям консервационизма, перестали соответствовать новым подходам, требующим учета интересов развития общества. См.: *Köck G., Arnberger A.* The Austrian Biosphere Reserves in the light of changing MAB strategies // *Management and Policy Issues*. 2017. Vol. 9. P. 86.

⁶ См.: International Coordinating Council of the MAB Programme, 9th session, Paris, 1986 ; final report // URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000074790?posInSet=23&queryId=N-EXPLORE-dd6a95a3-6ca9-4bad-8487-2e9539fdd051> (дата обращения: 15.11.2024).

⁷ *Price M. F.* People in biosphere reserves: An evolving concept // *Society & Natural Resources: An International Journal*. 1996. Vol. 9. No. 6. P. 648.

угодьями, принятое на VIII совещании Конференции сторон Рамсарской конвенции⁸, прямо рекомендует использовать наработки в части зонирования биосферных резерватов применительно к охране водно-болотных угодий международного значения⁹.

В национальных правовых актах внедрение категории буферных зон проходило со значительными отличиями, в связи с чем выделим лишь одну наиболее характерную закономерность их реализации, зависящую от степени экономического развития государств. Распространение западной модели особо охраняемых природных территорий в виде строгих резерватов и национальных парков столкнулось с экономическими и антропологическими реалиями. Местное население, жизнедеятельность и религиозные практики которого на протяжении веков были связаны с природой, стали ограничивать в доступе охраняемые территории. В этих условиях концепция буферных зон стала использоваться по первоначальному предназначению — для сглаживания конфликтов. К числу наиболее известных примеров такого рода относится законодательная практика Непала. В 1993 г. были приняты поправки к закону о национальных парках и сохранении дикой природы, предусматривавшие возможность создания буферных зон, в которых разрешалось на постоянной основе использование лесных ресурсов местным населением¹⁰.

В качестве промежуточного вывода необходимо констатировать, что основная медирующая

функция буферных зон реализуется либо в природоохранном аспекте, либо в социальном, которые нередко совмещаются, как это демонстрирует практика системы биосферных резерватов.

Буферные зоны в системе охраны всемирного наследия: нормативный аспект

Основой построения системы охраны всемирного наследия является одноименная Конвенция — единственный элемент «строгого»¹¹ международного права, из которого проистекают международно-правовые обязанности государств. Какого-либо упоминания о буферных зонах она не содержит, однако они фигурируют в основном «подконвенционном» акте — Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее — Руководство), — начиная с первой его редакции, принятой Комитетом всемирного наследия (далее — Комитет) в 1977 г.¹² Пункт 26 закреплял, что при определении границ объектов, вносимых в Список, при необходимости может использоваться концепция буферной зоны, что предполагает ее определение в материалах номинации как территории, окружающей объект. При этом ее границы должны определяться в каждом конкретном случае отдельно. Расширение правил о буферных зонах в Руководстве было связано

⁸ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц (Рамсар, 2 февраля 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

⁹ Resolution VIII.14. New Guidelines for management planning for Ramsar sites and other wetlands. § 59 // URL: https://www.ramsar.org/sites/default/files/documents/pdf/res/key_res_viii_14_e.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

Интересно, что пункт 56 Руководства допускает как включение буферной зоны в состав рамсарского участка, так и нахождение ее вне номинированной территории.

¹⁰ Heinen J. T., Mehta J. N. Emerging Issues in Legal and Procedural Aspects of Buffer Zone Management with Case Studies from Nepal // *The Journal of Environment & Development*. 2000. Vol. 9. No. 1. P. 49.

¹¹ Мы употребляем этот термин в качестве противопоставления актам «мягкого» международного права, значительное число которых было разработано за более чем 50-летнюю историю Конвенции.

¹² Operational Guidelines for the World Heritage Committee. CC-77/CONF.001/8 // URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide77a.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

с масштабными изменениями, которые этот документ претерпел в 2005 г.

Определение буферной зоны содержит пункт 104 Руководства. Такие зоны представляют собой территории, окружающие объект¹³, создаваемые с целью его эффективной охраны путем установления дополнительных правовых или обычных ограничений на использование и развитие (застройку) территорий. Буферные зоны включают в себя непосредственное окружение объекта, важные пространства и другие территории.

Создание буферных зон не является обязательным, однако если они не создаются, в материалах номинации должна содержаться аргументация решения не создавать такие зоны (п. 106).

С процедурной точки зрения создание или изменение границ буферных зон утверждается Комитетом в порядке, установленном для незначительного изменения границ объекта всемирного природного наследия (далее — ОВПН), несмотря на то, что буферные зоны не являются частью номинируемых объектов (п. 107). На буферные зоны распространяются требования по созданию системы управления объектом (п. 112).

Вместе с тем анализ соотношения пунктов 101 и 104 Руководства не позволяет прийти к однозначным выводам о признаках разграничения территорий в составе собственно *объекта* всемирного наследия и его *буферной зоны*. Первое из приведенных положений указывает, что в границы *объекта* должны входить территории, прилегающие к территориям, обладающим выдающейся универсальной цен-

ностью (далее — ВУЦ), и обеспечивающие их охрану. Согласно п. 104 Руководства буферные зоны создаются с целью создания дополнительного уровня защиты¹⁴ объекта. Таким образом, участки, не обладающие ВУЦ, могут входить и в состав территории объекта всемирного наследия, и в состав буферной зоны.

Декларируемые в приведенных положениях Руководства цели создания буферных зон также недостаточны. На это, в частности, обращалось внимание в материалах Международной экспертной встречи по тематике буферных зон объектов всемирного наследия в Давосе в 2008 г. В программном заявлении Международного союза по охране природы (далее — МСОП) по итогам встречи указывалось, что целями создания буферных зон могут быть регулирование масштабов и мест размещения туристской инфраструктуры; поддержка устойчивого использования и получение выгод для местных сообществ; обеспечение связи охраняемой территории с ее более широким окружением¹⁵.

Известную долю неопределенности придает и несамоисполнимый характер большинства положений Конвенции и производных от нее документов. Число природоохранных запретов прямого действия чрезвычайно мало и сводится к двум категоричным позициям Комитета, которые он транслирует государствам в своих решениях с использованием формулы «несовместимость со статусом объекта всемирного наследия». Первая запрещает разработку новых месторождений полезных ископаемых¹⁶, а вторая — строительство крупных плотин гидроэлектростанций в границах объектах всемирного

¹³ Как будет показано далее, эта характеристика не должна пониматься буквально, поскольку на некоторых объектах буферные зоны находятся внутри объекта.

¹⁴ Руководство не проводит строго различия между понятиями «охрана» и «защита», свойственного российской юриспруденции.

¹⁵ World Heritage and Buffer Zones. International Expert Meeting on World Heritage and Buffer Zones. Davos, Switzerland. 11–14 March 2008. P. 51. URL: <https://whc.unesco.org/en/series/25/> (дата обращения: 15.11 2024 г.).

¹⁶ Это ограничение проистекает из добровольного самоограничения членом Совета по горному делу и металлам, принятого в 2003 г.; это обязательство неосуществления деятельности (англ. «no-go» commitment). См.: Affolder N. A. The Private Life of Environmental Treaties // The American Journal of International Law. 2009. Vol. 103. No. 3. P. 515.

наследия¹⁷. Какие-либо категоричные или рекомендательные позиции Комитета в отношении экономической деятельности в границах буферных зон ОВПН не выработаны, что препятствует реализации данного режима на практике.

Буферные зоны объектов всемирного природного наследия в зарубежной практике

Скупость общего международно-правового регулирования режима буферных зон обуславливает важность анализа практики его реализации на отдельных ОВПН, прежде всего в целях выявления общих закономерностей их функционирования.

В первые десятилетия после вступления в силу Конвенции еще не были выработаны строгие и детализированные требования к составу номинаций и их оценке, в связи с чем решения Комитета

и материалы оценки номинаций для многих объектов были чрезвычайно лаконичными¹⁸.

Анализ доступных материалов на сайте Центра всемирного наследия (далее — Центр) показывает, что характеристики буферных зон весьма разнятся в части:

1) *протяженности*: одними из самых протяженных являются зоны серийного объекта «Архипелаг Ревилья-Хихедо», составляющие 14 186 420 га¹⁹. Самая маленькая в абсолютном исчислении — буферная зона Карьера Мессель (22,5 га)²⁰;

2) *площади*: площадь буферной зоны Архипелага Ревилья-Хихедо в 22 раза больше площади объекта, а площадь ОВПН «Охотничий резерват “Селус”» в 238 раз больше его буферной зоны²¹;

3) *пространственной конфигурации*: классический вариант полного окружения объекта относительно непротяженной по ширине буферной зоной — «Гора Этна»²². Буферная зона

¹⁷ Появление этого запрета прошло обратный путь: планомерное накопление решений Комитета по этим вопросам привело к его признанию компаниями — мировыми лидерами в области гидроэнергетики в Декларации Сан-Хосе об устойчивой гидроэнергетике, принятой в 2021 г. на Всемирном конгрессе по гидроэнергетике (URL: <https://www.hydropower.org/publications/deklaraciya-san-hose-ob-ustoychivoj-gidroenergetike> (дата обращения: 15.11.2024)). Правовая природа такого рода запретов иная, чем у норм «строгого» международного права и тем более национального законодательства. Будучи встроенными в сложную систему юридико-политических отношений, они реализуются через более тонкие механизмы. Практике охраны всемирного наследия известны отступления от них как государств — участников Конвенции, так и самого Комитета. Например, в 2008 г. Комитет санкционировал изменение границ объекта всемирного наследия «Охотничий резерват “Селус”» в Танзании в целях разработки уранового месторождения, а затем, уже в 2020-х гг., Правительство Танзании возвело ГЭС в ущелье Стиглера, нарушив целостность ОВПН. См.: Dye B. J. Dam building by the illiberal modernisers: ideological drivers for Rwanda and Tanzania’s megawatt mission // *Critical African Studies*. 2022. Vol. 14. No. 3. P. 243.

¹⁸ Например, решение II сессии Комитета, состоявшейся в 1978 г., содержит лишь перечисление объектов природного наследия, вносимых в Список, без какого-либо описания их охраняемых атрибутов, а оценка МСОП материалов номинации занимает только половину листа А4 (см.: Galapagos Islands, Ecuador // URL: <https://whc.unesco.org/document/151492> (дата обращения: 15.11.2024)).

¹⁹ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Archipiélago de Revillagigedo (Mexico). ID No. 1510. P. 84 // URL: <https://whc.unesco.org/document/152835> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁰ Сам объект также является одним из самых небольших по площади — 42 га. См.: World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Messel Pit Fossil Site (Germany). ID No. 720. P. 125 // URL: <https://whc.unesco.org/document/154103> (дата обращения: 15.11.2024).

²¹ См.: World Heritage Minor Boundary Modification Proposal — IUCN Technical Evaluation. Selous Game Reserve (Tanzania). ID No. 199. P. 167 // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/199/documents/> (дата обращения: 15.11.2024).

²² См.: Nomination of Mount Etna for Inscription on the World Heritage List UNESCO. Areas 1:50.000 Scale // URL: <https://whc.unesco.org/document/123804> (дата обращения: 15.11.2024).

пейзажной достопримечательной зоны «Цзючжайгоу» в Китае расположена только у западной и северо-западной границ объекта²³, а на канадском объекте Мистейкен Пойнт ее ширина составляет всего 30 м и она простирается вдоль береговой части объекта²⁴;

4) *конфигурации буферной зоны, поглощенной объектом всемирного наследия*: в Охотничьем резервате «Селус» объект окружает буферную зону со всех сторон²⁵. Практически полностью буферная зона поглощается и территорией ОВПН «Архипелаг Сокотра» в Йемене²⁶;

5) *социально-демографических характеристик*: в буферных зонах ОВПН «Комплекс В-Арли-Пенджари» расположено 350 деревень с населением 900 000 человек²⁷. В пределах буферных зон ОВПН «Гетбол, приливно-отливные равнины в Корее» проживает 42 289 человек²⁸;

6) *функциональной направленности*: они могут устанавливаться для обеспечения миграционных коридоров²⁹ и поглощения естественной эрозии побережья³⁰. В Национальном парке Горы Бале (Эфиопия) буферная зона создана для предотвращения выпаса скота³¹, в таджикском

ОВПН «Тугайные леса заповедника Тигровая Балка» — для снижения воздействия сельскохозяйственных угодий³². Южная буферная зона ОВПН «Намибское песчаное море» создана в целях развития туризма³³.

Буферные зоны объектов всемирного природного наследия в России

Практика использования режимов буферных зон ОВПН в России складывалась по-разному. В России расположено 11 ОВПН. По данным, представленным на сайте Центра, буферные зоны созданы в пяти ОВПН. Существование режима буферной зоны ОВПН связано с результатами международно-правовой процедуры ее утверждения, которые должны принимать форму решения Комитета при наличии заключения консультативного органа.

Анализ имеющихся в публичном доступе документов не позволяет прийти к однозначному выводу о принятии такого решения в отношении ОВПН «Природный комплекс заповед-

²³ Jiuzhaigou Valley Scenic and Historic Interest Area // URL: <https://whc.unesco.org/document/127723> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁴ Mistaken Point Nominated Property, Appendix 1, Map 1 of 3 // URL: <https://whc.unesco.org/document/141594> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁵ Selous Game Reserve — World Heritage Property // URL: <https://whc.unesco.org/document/119672> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁶ Boundaries of the nominated property and buffer zone // URL: <https://whc.unesco.org/document/101027> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁷ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. W-Arly-Pendjari Complex (Benin / Burkina Faso). ID No. 749 Bis. P. 11 // URL: <https://whc.unesco.org/document/159773> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁸ Getbol, Korean Tidal Flat. For Inscription on the World Heritage List. P. 213 // URL: <https://whc.unesco.org/document/172303> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁹ Например, в ОВПН «Лесные резерваты юго-восточного атлантического побережья» (World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Atlantic Forest (South-East) Brazil. P. 22 // URL: <https://whc.unesco.org/document/154531> (дата обращения: 15.11.2024)).

³⁰ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Mistaken Point (Canada). ID No. 1497. P. 58 // URL: <https://whc.unesco.org/document/152802> (дата обращения: 15.11.2024).

³¹ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Bale Mountains National Park (Ethiopia). ID No. 111Rev. P. 128–129 // URL: <https://whc.unesco.org/document/205648> (дата обращения: 15.11.2024).

³² World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Tugay Forests of the Tigrovaya Balka Nature Reserve (Tajikistan). ID No. 1685.

³³ Namib Sand Sea World Heritage Nomination. P. 738 // URL: <https://whc.unesco.org/uploads/nominations/1430.pdf> (дата обращения: 15.11.2024).

ника «Остров Врангеля»». В информационной карточке на сайте Центра указывается площадь буферной зоны этого объекта — 3 745 300 га³⁴. Однако решений Комитета о ее утверждении обнаружить не удалось. В 2017 г. реагирующая мониторинговая миссия Центра и МСОП указывает, что национальный режим охранной зоны заповедника «не зарегистрирован официально в Центре как буферная зона объекта», и рекомендует утвердить ее в качестве таковой³⁵.

С момента включения в Список ОВПН «Центральный Сихотэ-Алинь» в 2001 г. вопрос о создании и расширении его буферной зоны поднимался неоднократно. В оценке материалов номинационного досье о расширении территории объекта за счет включения в него Национального парка Бикин МСОП отмечает критически важный характер буферных зон ОВПН для серийных объектов, поскольку они обеспечивают экологическую связанность и эффективное управление частями объекта³⁶. Несмотря на отрицательную оценку Международным союзом охраны природы предлагаемого расширения объекта, Комитет утвердил изменения, отметив необходимость утверждения новых параметров буферной зоны³⁷. В последующих решениях Комитет указывал на необходимость создания буферных зон объекта через процедуру незначительного изменения границ³⁸.

Немногочисленные решения Комитета в отношении ОВПН «Центральный Сихотэ-Алинь» также не позволяют утверждать о принятии им

решения о создании именно буферной зоны объекта всемирного наследия, несмотря на то, что на сайте Центра указана площадь буферной зоны (129 509 га)³⁹.

На объекте «Плато Путорана» такая зона создана в 2010 г. одновременно с внесением объекта в Список, ее площадь сопоставима с размером самого объекта и составляет 1 773 300 га. Оценивая материалы номинации, МСОП указал на важность устойчивого традиционного скотоводства и природопользования, которые можно развивать в буферной зоне объекта⁴⁰.

Заслуживает внимания и позиция МСОП, выраженная в материалах оценки номинации объекта «Девственные леса Коми» в 1995 г. Консультативный орган отметил наличие «пустот, дыр» (англ. holes) в номинируемой территории объекта, которые необходимо наделить хотя бы статусом буферных зон⁴¹. Несмотря на то что буферная зона для объекта не была сформирована, приведенная позиция МСОП свидетельствует о еще одной функции буферных зон — обеспечения гармонизации международно-правового режима охраны уникальных природных объектов в соответствии с Конвенцией, которая может иметь значение при установлении буферной зоны ОВПН «Озеро Байкал».

Для серийного объекта «Вулканы Камчатки» буферная зона ОВПН не установлена, но такая рекомендация содержится в отчете миссии, посетившей объект в 2019 г., отметившей, что бу-

³⁴ Natural System of Wrangel Island Reserve // URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1023> (дата обращения: 15.11.2024).

³⁵ World Heritage Centre — IUCN Reactive Monitoring mission to the World Heritage property «Natural System of Wrangel Island Reserve» (Russian Federation). P. 17 // URL: <https://whc.unesco.org/document/165339> (дата обращения: 15.11.2024).

³⁶ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Bikin River Valley (Russian Federation). ID No. 766Bis. P. 56 // URL: <https://whc.unesco.org/document/168753> (дата обращения: 15.11.2024).

³⁷ Decision 42 COM 8B.9 Central Sikhote-Alin (Russian Federation) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7122> (дата обращения: 15.11.2024).

³⁸ См.: Decision 45 COM 7B.94 Central Sikhote-Alin (Russian Federation) (No. 766bis).

³⁹ Central Sikhote-Alin. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/766/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴⁰ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. The Putorana Plateau (Russian Federation). ID No. 1234rev // URL: <https://whc.unesco.org/document/152122> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴¹ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. The Virgin Komi Forests (Russian Federation). P. 40 // URL: <https://whc.unesco.org/document/154096> (дата обращения: 15.11.2024).

ферные зоны являются важным инструментом обеспечения необходимой охраны объекта⁴².

Такая же рекомендация была высказана и экспертами миссии, посетившей ОВПН «Западный Кавказ». Эксперты сформулировали необходимость создания буферных зон, указав на положения Руководства, которые определяют международно-правовой режим данного института⁴³.

Буферная зона ОВПН «Озеро Байкал»

Вопрос об определении границ объекта всемирного наследия «Озеро Байкал» возник еще в начале 1990-х гг. при подготовке материалов номинации. Определенные сложности с решением вопроса о границах объекта вызывает качество картографического материала, в связи с чем миссия, посетившая Байкал в 2023 г., рекомендовала осуществить так называемое ретроспективное уточнение границ объекта. Следует отметить, что границы объекта всемирного наследия являются установленными и соответствуют границам центральной экологической зоны Байкальской природной территории

за исключением территорий пяти населенных пунктов (Слюдянка, Култук, Бабушкин, Северобайкальск, Байкальск), что подтверждено решением Комитета 31 СОМ 7В.31⁴⁴. Зона атмосферного влияния и буферная зона⁴⁵ Байкальской природной территории не входят в состав ОВПН «Озеро Байкал», однако подпадают под понятие «более широкое окружение» (англ. a wider setting), используемое в Руководстве.

Вопрос о создании буферной зоны ОВПН «Озеро Байкал» был впервые поднят в отчете миссии, посетившей объект в 2023 г. Эксперты рекомендовали формализовать буферную зону в соответствии с требованиями Конвенции в основном тексте отчета⁴⁶ и в 11-й рекомендации⁴⁷. При этом каких-либо рекомендаций о конфигурации и размере таких зон отчет не содержит, за исключением утверждения, что буферная зона уже создана в соответствии с национальным законодательством⁴⁸.

Определение территорий, которые могут быть представлены для утверждения Комитету в качестве буферных зон, должно основываться как минимум на двух соображениях. Во-первых, такие территории должны выполнять какую-ли-

⁴² Joint UNESCO World Heritage Centre — IUCN Reactive Monitoring Mission to the World Heritage Property «Volcanoes of Kamchatka» — Russian Federation 8–14 August 2019. P. 8 // URL: <https://whc.unesco.org/document/183777> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴³ Reactive Monitoring Mission to the Western Caucasus World Heritage Site, Russia, from 18 to 25 April 2008. P. 18–19 // URL: <https://whc.unesco.org/document/100686> (дата обращения: 15.11.2024). На момент проведения настоящего исследования буферная зона объекта не создана.

⁴⁴ Decision 31 COM 7B.31 Lake Baikal (Russian Federation) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1412> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴⁵ Во избежание терминологической путаницы вновь обратим внимание на необходимость различать национальный и международно-правовой режимы буферных зон. Буферная зона Байкальской природной территории — сугубо внутригосударственное явление, созданное в соответствии с Федеральным законом от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал». Буферная зона озера Байкал как объекта всемирного наследия не создавалась.

⁴⁶ Report on the joint UNESCO World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring Mission to Lake Baikal World Heritage Property, Russian Federation, from 12 to 16 December 2023. P. 67 // URL: <https://whc.unesco.org/document/207572> (дата обращения: 15.08.2024).

В этом месте отчета одновременно указывается на пункты 103–107 Руководства, определяющие режим буферных зон.

⁴⁷ Report on the joint UNESCO World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring Mission to Lake Baikal World Heritage Property, Russian Federation, from 12 to 16 December 2023. P. 11, 75.

⁴⁸ Report on the joint UNESCO World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring Mission to Lake Baikal World Heritage Property, Russian Federation, from 12 to 16 December 2023. P. 67.

бо медирующую функцию. Во-вторых, необходимо принимать во внимание незаконоустроенный характер документов системы охраны всемирного наследия, в связи с чем на территориях, определенных в качестве буферных зон ОВПН, подлежит установлению специальный национальный режим охраны.

С учетом сказанного существует три основных варианта формализации буферной зоны ОВПН «Озеро Байкал»:

1) придание международно-правового статуса буферной зоне и зоне атмосферного влияния Байкальской природной территории. Зона атмосферного влияния расположена в западном и северо-западном направлении от акватории Байкала. Ее функциональное значение обусловлено необходимостью контроля за выбросами в атмосферу объектами, расположенными в Иркутской области.

Буферная зона Байкальской природной территории определена пунктом 2 ст. 2 Федерального закона «Об охране озера Байкал» как территория за пределами центральной экологической зоны, включающая в себя водосборную площадь озера Байкал в пределах территории Российской Федерации. Эта зона охватывает 75 % территории Республики Бурятия, 25 % территории Забайкальского края⁴⁹.

Правовой режим указанных территорий сформирован на настоящий момент весьма скромно и выражается в основном в установленных нормативах предельно допустимых воздействий на экосистему Байкала⁵⁰.

Рассматриваемый вариант приведет к необходимости создания специального детализированного режима двух экологических зон Байкальской природной территории, урегулированных крайне фрагментарно на настоящий момент.

Равным образом совмещение границ буферной зоны ОВПН с этими зонами позволит обеспечить стабильность границ и территориального состава Байкальской природной территории;

2) создание буферной зоны ОВПН «Озеро Байкал» путем ее совмещения с водоохранной зоной озера. Современные границы водоохранной зоны утверждены в 2018 г.⁵¹, а ее режим сформирован прежде всего положениями ВК РФ⁵². Функциональное соответствие водоохранной зоны режиму буферной зоны ОВПН не вызывает сомнений, и признание ее таковой способно обеспечить стабильность ее границ. В случае избрания данного варианта определения буферной зоны возможен предварительный пересмотр таких границ с учетом мнения ведущих научных организаций СО РАН. Очевидно, что логичным следствием такого подхода будет и признание буферной зоной ОВПН «Озеро Байкал» его рыбохозяйственной заповедной зоны, поскольку биоразнообразие озера является одной из составляющих ВУЦ, подтвержденной Комитетом;

3) признание буферной зоной ОВПН «Озеро Байкал» территорий пяти населенных пунктов, изъятых из его состава при включении объекта в Список в 1996 г. Как было показано, Комитет поддерживает создание буферных зон внутри территории объекта, в том числе и в целях гармонизации правовых режимов охраны.

Описанные варианты могут сочетаться или представлять этапы процесса планомерного расширения буферной зоны озера по мере детализации режимов правовой охраны соответствующих территорий.

Проведенное исследование показывает значительный потенциал использования режима буферной зоны ОВПН при решении природоохранных задач.

⁴⁹ Maysyuk E. Energy Sector of the Baikal Natural Territory in Terms of Impact Assessment on the Ecosystem of Lake Baikal // International Scientific Journal «Industry 4.0». 2019. No. 5. P. 230.

⁵⁰ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 21.02.2020 № 83 «Об утверждении нормативов предельно допустимых воздействий на уникальную экологическую систему озера Байкал и перечня вредных веществ, в том числе веществ, относящихся к категориям особо опасных, высокоопасных, опасных и умеренно опасных для уникальной экологической системы озера Байкал» // Официальный портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. 18.10.2022. № 0001202210180004.

⁵¹ Распоряжение Правительства РФ от 26.03.2018 № 507-р «О внесении изменений в приложение к распоряжению Правительства РФ от 05.03.2015 № 368-р» // СЗ РФ. 2018. № 14. Ст. 2015.

⁵² Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Affolder N. A.* The Private Life of Environmental Treaties // *The American Journal of International Law*. — 2009. — Vol. 103. — No. 3. — P. 510–525.
2. *DeBoer W.* Buffer Zones in the Cultural Ecology of Aboriginal Amazonia: An Ethnohistorical Approach // *American Antiquity*. — 1981. — Vol. 46. — No. 2. — P. 364–377.
3. *Dye B. J.* Dam building by the illiberal modernisers: ideological drivers for Rwanda and Tanzania’s megawatt mission // *Critical African Studies*. — 2022. — Vol. 14. — No. 3. — P. 231–249.
4. *Heinen J. T., Mehta J. N.* Emerging Issues in Legal and Procedural Aspects of Buffer Zone Management with Case Studies from Nepal // *The Journal of Environment & Development*. — 2000. — Vol. 9. — No. 1. — P. 45–67.
5. *Katz E.* Between Here and There: Buffer Zones in International Law // *University of Chicago Law*. — 2017. — Vol. 84. — No. 3. — P. 1379–1423.
6. *Köck G., Arnberger A.* The Austrian Biosphere Reserves in the light of changing MAB strategies // *Management and Policy Issues*. — 2017. — Vol. 9. — P. 85–92.
7. *Maysyuk E.* Energy Sector of the Baikal Natural Territory in Terms of Impact Assessment on the Ecosystem of Lake Baikal // *International Scientific Journal «Industry 4.0»*. — 2019. — No. 5. — P. 228–231.
8. *Mumcu C., Fried G., Liu D.* Buffer Zone: Policies, Procedures, and Reality // *Journal of Legal Aspects of Sport*. — 2019. — Vol. 29. — No. 1. — P. 86–101.
9. *Price M. F.* People in biosphere reserves: An evolving concept // *Society & Natural Resources: An International Journal*. — 1996. — Vol. 9. — No. 6. — P. 645–654.
10. *Robinson M., Maglaras L., Jones K., Janicke H.* Protecting Civilians from Cyber Warfare with Cyber Buffer Zones // *International Journal of Smart Security Technologies*. — 2019. — Vol. 6. — No. 1. — P. 31–48.
11. *Shafer C.* US National Park Buffer Zones: Historical, Scientific, Social, and Legal Aspects // *Environmental Management*. — 1999. — Vol. 23. — No. 1. — P. 49–73.
12. *Shelford V.* Nature Sanctuaries — A Means of Saving Natural Biotic Communities // *Science*. — 1933. — Vol. 77. — No. 1994. — P. 281–282.

Материал поступил в редакцию 19 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Affolder N. A.* The Private Life of Environmental Treaties // *The American Journal of International Law*. — 2009. — Vol. 103. — No. 3. — P. 510–525.
2. *DeBoer W.* Buffer Zones in the Cultural Ecology of Aboriginal Amazonia: An Ethnohistorical Approach // *American Antiquity*. — 1981. — Vol. 46. — No. 2. — P. 364–377.
3. *Dye B. J.* Dam building by the illiberal modernisers: ideological drivers for Rwanda and Tanzania’s megawatt mission // *Critical African Studies*. — 2022. — Vol. 14. — No. 3. — P. 231–249.
4. *Heinen J. T., Mehta J. N.* Emerging Issues in Legal and Procedural Aspects of Buffer Zone Management with Case Studies from Nepal // *The Journal of Environment & Development*. — 2000. — Vol. 9. — No. 1. — P. 45–67.
5. *Katz E.* Between Here and There: Buffer Zones in International Law // *University of Chicago Law*. — 2017. — Vol. 84. — No. 3. — P. 1379–1423.
6. *Köck G., Arnberger A.* The Austrian Biosphere Reserves in the light of changing MAB strategies // *Management and Policy Issues*. — 2017. — Vol. 9. — P. 85–92.
7. *Maysyuk E.* Energy Sector of the Baikal Natural Territory in Terms of Impact Assessment on the Ecosystem of Lake Baikal // *International Scientific Journal «Industry 4.0»*. — 2019. — No. 5. — P. 228–231.

8. Mumcu C., Fried G., Liu D. Buffer Zone: Policies, Procedures, and Reality // *Journal of Legal Aspects of Sport*. — 2019. — Vol. 29. — No. 1. — P. 86–101.
9. Price M. F. People in biosphere reserves: An evolving concept // *Society & Natural Resources: An International Journal*. — 1996. — Vol. 9. — No. 6. — P. 645–654.
10. Robinson M., Maglaras L., Jones K., Janicke H. Protecting Civilians from Cyber Warfare with Cyber Buffer Zones // *International Journal of Smart Security Technologies*. — 2019. — Vol. 6. — No. 1. — P. 31–48.
11. Shafer C. US National Park Buffer Zones: Historical, Scientific, Social, and Legal Aspects // *Environmental Management*. — 1999. — Vol. 23. — No. 1. — P. 49–73.
12. Shelford V. Nature Sanctuaries — A Means of Saving Natural Biotic Communities // *Science*. — 1933. — Vol. 77. — No. 1994. — P. 281–282.

Использование принципа наиболее благоприятствуемой нации как инструмента финансовых санкций в отношении России

Аннотация. В статье проводится анализ нормативных правовых актов США, Великобритании, Канады и Австралии, которые стали основанием для отмены в 2022 г. режима наиболее благоприятствуемой нации в отношении России. Исследуется гипотеза о том, что односторонние ограничительные меры (финансовые санкции) со стороны государств — членов ВТО по введению дополнительных таможенных тарифов в отношении других членов ВТО являются противоправными и нарушают принцип недискриминации в международной торговле. Рассматривается тенденция к трансформации целей и задач принципа наиболее благоприятствуемой нации и национального режима: от изначальных (устранение барьеров мировой торговли, открытие новых рынков) до текущих в виде инструментов санкционной политики. Манипулирование указанными принципами в зависимости от экономических интересов отдельных государств противоречит нормам ВТО. Подвергается критике подход об обосновании финансовых санкций целями защиты существенных интересов национальной безопасности с помощью ст. XXI(b)(iii) ГАТТ 1947.

Ключевые слова: принцип наиболее благоприятствуемой нации; принцип национального режима; тарифная ставка; таможенная пошлина; ВТО; ГАТТ; односторонние ограничительные меры; финансовые санкции; защита интересов национальной безопасности; РФ; США; Великобритания; Канада; Австралия.

Для цитирования: Рыжкова И. В. Использование принципа наиболее благоприятствуемой нации как инструмента финансовых санкций в отношении России // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 146–153. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.146-153.

Application of the Most Favored Nation Principle as an Instrument of Financial Sanctions against Russia

Irina V. Ryzhkova, Master of Laws, Postgraduate Student, Department of Administrative and Financial Law, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
ryzhkova142@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the regulatory legal acts of the USA, Great Britain, Canada and Australia, which became the basis for the abolition of the most favored nation status in relation to Russia in 2022. The hypothesis is examined that unilateral restrictive measures (financial sanctions) imposed by WTO member states to introduce additional customs tariffs in relation to other WTO members are illegal and violate the principle of non-discrimination in international trade. The paper examines the tendency to transform the goals and objectives of using the most favored nation principle and national treatment: from the original (removing barriers to world trade, opening

© Рыжкова И. В., 2025

* Рыжкова Ирина Владимировна, магистр юриспруденции, соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры административного и финансового права МГИМО МИД России
Вернадского пр., д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
ryzhkova142@gmail.com

new markets) to the current ones in the form of sanctions policy instruments. Manipulation of these principles depending on the economic interests of individual states is contrary to WTO norms. The approach of justifying financial sanctions by the aim of protecting essential national security interests through Article XXI (b) (iii) of GATT 1947 is criticized.

Keywords: most favored nation principle; national treatment principle; tariff rate; customs duty; WTO; GATT; unilateral restrictive measures; financial sanctions; protection of national security interests; Russian Federation; USA; Great Britain; Canada; Australia.

Cite as: Ryzhkova IV. Application of the Most Favored Nation Principle as an Instrument of Financial Sanctions against Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):146-153. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.146-153.

В основе торговых отношений лежит принцип наиболее благоприятствуемой нации. Он представляет собой условие в международном договоре, в соответствии с которым государство соглашается предоставить договаривающейся стороне режим не менее благоприятный, чем тот, который оно предоставляет другим государствам¹.

Этот принцип имеет богатую историю. Положение о наиболее благоприятствуемой нации использовалось в международном праве в течение длительного времени. Первое упоминание такого рода условий можно найти в XI в. в Мантуанской хартии, где император Священной Римской империи гарантировал итальянскому городу все привилегии, предоставленные «любому другому городу»².

Традиционно с принципом наиболее благоприятствуемой нации связан принцип национального режима. Согласно нему государство предоставляет иностранным субъектам и объектам (например, товарам) права и привилегии, аналогичные тем, что предоставлены в данном государстве национальным субъектам. С помощью этого принципа достигается конкурентное равенство условий, созданных в отдельном госу-

дарстве для иностранных лиц и их товаров и для национальных³.

Изначально принципы наиболее благоприятствуемой нации и национального режима использовались для открытия иностранных рынков. Указания на эти принципы можно встретить во многих документах. Например, Нанкинский договор 1842 г. был подписан Китаем на условиях Великобритании после поражения в англо-китайской войне 1840–1842 гг. и устанавливал выгодные для Великобритании ввозные и вывозные пошлины, а также режим наибольшего благоприятствования для английских товаров⁴. Симоносекский договор 1895 г., заключенный между Японией и Китаем в результате поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг., также содержал условия о национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования. По договору Китай открывал ряд портов для торговли, а также предоставлял японцам право строительства промышленных предприятий в Китае⁵. В статье 4 Рапалльского договора, заключенного в 1922 г. между Советской Россией и Германией, также содержится условие о режиме наибольшего благоприятствования между государствами⁶.

¹ Шепенко Р. А. Международные налоговые правила : в 2 ч. М., 2012. Ч. 1. С. 28–29.

² Wang A. History of the MFN Clause in International Law // The Interpretation and Application of the Most-Favored-Nation Clause in Investment Arbitration. Brill, Nijhoff, 2022. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004517899_003.

³ Смбалян А. С. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО: избранные решения (1952–2005 гг.). М., 2006. С. 55.

⁴ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 30–31.

⁵ Гримм Э. Д. Указ. соч. С. 53–55.

⁶ Горлов С. А. Совершенно секретно : Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения. СССР — Германия). М., 2001. С. 68.

Оба упомянутых принципа образуют основу торгового режима ВТО.

Согласно ст. I(1) ГАТТ⁷ (Женева, 1947 г.) в отношении таможенных пошлин и сборов любого рода, налагаемых на импорт или экспорт или в связи с ними или налагаемых на международный перевод платежей за импорт или экспорт, и в отношении метода взимания таких пошлин и сборов, и в отношении всех правил и формальностей в связи с импортом и экспортом, и в отношении всех вопросов, упомянутых в ст. III(2, 4) ГАТТ 1947, любое преимущество, благосклонность, привилегия или иммунитет, предоставленные любой договаривающейся стороной любому товару, происходящему из любой другой страны или предназначенному для нее, должны быть немедленно и безоговорочно предоставлены аналогичному товару, происходящему из территорий всех других договаривающихся сторон или предназначенному для них.

Принцип наиболее благоприятствуемой нации в контексте ВТО означает отсутствие дискриминации в отношении импорта или экспорта товаров между государствами-членами. Любое торговое преимущество, предоставленное государству (вне зависимости от того, является ли оно членом ВТО), должно быть предоставлено в отношении аналогичных товаров государствам-членам.

В статье III ГАТТ 1947 закреплен принцип национального режима, который предоставляет в том числе режим налогообложения в отношении импортированных товаров, аналогичный тому, что предоставлен отечественным товарам.

Российская Федерация является членом ВТО с 2012 г.⁸ наряду с остальными 163 государствами, включая США, Канаду, Великобританию и Австралию. Указанные государства обязаны

соблюдать принцип национального режима и принцип наиболее благоприятствуемой нации в международной торговле по отношению друг к другу.

В условиях антироссийской истерии наблюдается последовательная трансформация целей и задач использования указанных принципов. Если изначально принцип наиболее благоприятствуемой нации и национальный режим использовались для открытия рынков, устранения барьеров мировой торговли, получения преимуществ, то теперь они стали инструментами санкционной политики и сдерживания экономического развития отдельных государств.

В марте 2022 г. Канада в одностороннем порядке аннулировала статус наиболее благоприятствуемой нации для России и Белоруссии⁹. Решение было принято в форме приказа генерал-губернатора в Совете по рекомендации министра финансов в соответствии со ст. 31(1)(a, b) Акта Канады 1997 г. «О таможенном тарифе»¹⁰. Указанная статья позволяет:

а) распространить действие тарифа наибольшего благоприятствования на любые товары, происходящие из страны, к которой применяется общий тариф;

б) лишить права на применение тарифа наибольшего благоприятствования любые товары, происходящие из страны, которая имеет право на этот тариф, и распространить на эти товары действие Общего тарифа.

Согласно ст. 29 Акта Канады «О таможенном тарифе» общая тарифная ставка таможенной пошлины для товаров, импортируемых в Канаду из страны, которой не был предоставлен статус наиболее благоприятствуемой нации или для которой такой статус был отменен в соответствии со ст. 31(1)(a, b), составляет 35 %. Таким образом, после 2 марта 2022 г. минимальная

⁷ General Agreement on Tariffs and Trade, 1947 // URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/gatt47_01_e.htm (дата обращения: 26.03.2024).

⁸ Russian Federation and the WTO // URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/russia_e.htm (дата обращения: 27.03.2024).

⁹ Most-Favoured-Nation Tariff Withdrawal Order 02.03.2022 No. 2022-0182 // URL: <https://orders-in-council.canada.ca/results.php?lang=en> (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁰ Customs Tariff (S.C. 1997, с. 36) // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-54.011.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

ставка 35 % применяется ко всем товарам, происходящим из России или Белоруссии, при их импорте в Канаду.

Вскоре после принятия приказа генерал-губернатора в Совете стало очевидно, что важнейший медицинский товар — радиокобальт, который применяется в том числе для стерилизации медицинских инструментов и материалов, — поставляется из России в Канаду и не может быть получен где-либо еще в ближайшем будущем. В октябре 2022 г. Правительство Канады восстановило право на импорт радиокобальта по тарифу наиболее благоприятствуемой нации, тем самым сделав импорт из России и Белоруссии беспошлинным¹¹. Это исключение можно считать подтверждением неправовой природы финансовых санкций, когда право на введение ограничений используется государством в зависимости от его экономических интересов и приоритетов во внешней политике.

В практике Канады процедура лишения статуса наиболее благоприятствуемой нации встречается крайне редко, а единственным государством, которому Канада не предоставила такой статус, является Северная Корея¹². Можно предположить, что односторонние и необоснованные действия государств — членов ВТО по отмене статуса наиболее благоприятствуемой нации по отношению к другим государствам-членам нарушают принцип недискриминации в международной торговле.

Вслед за Канадой президент США объявил, что Соединенные Штаты, действуя в координа-

ции с Европейским Союзом и лидерами крупнейших экономик, входящих в «Большую семерку», начнут предпринимать шаги по отмене в отношении России статуса наиболее благоприятствуемой нации (именуемого в США статусом постоянных нормальных торговых отношений)¹³.

В апреле 2022 г. президент США подписал Акт «О приостановке нормальных торговых отношений с Россией и Беларусью» (после того, как документ был принят Сенатом и Палатой представителей 420 голосами против 3)¹⁴. Таким образом, на импорт из России и Белоруссии больше не распространяются льготные ставки таможенных пошлин, предоставляемые большинству других членов ВТО, а вместо этого применяются более высокие тарифные ставки, указанные в столбце 2 Гармонизированного тарифного перечня США¹⁵.

Если рассматривать средние показатели тарифного перечня, то лишение России статуса наиболее благоприятствуемой нации на начальном этапе повысило пошлины США на импорт из России примерно с 3 до 32 %. Так, Россия и Белоруссия присоединились к Кубе и Северной Корее как к единственным странам, не имеющим статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговых отношениях с США.

С апреля 2023 г. ввозная таможенная пошлина на некоторые металлы, минералы и химикаты, производимые в России, увеличилась с 35 до 70 %, а в отдельных случаях (например, в отношении алюминиевых изделий) — до 200 %¹⁶.

¹¹ Most-Favoured-Nation Tariff Withdrawal Order 07.10.2022 No. 2022-1089 // URL: <https://orders-in-council.canada.ca/results.php?lang=en> (дата обращения: 27.03.2024).

¹² Canada revokes Most-Favoured-Nation tariff status from Russia and Belarus // URL: <https://www.osler.com/en/resources/regulations/2022/canada-revokes-most-favoured-nation-tariff-status-from-russia-and-belarus> (дата обращения: 27.03.2024).

¹³ Revocation of Russia's Most-Favored-Nation Trade Status: What Companies Need to Know // URL: <https://www.globalpolicywatch.com/2022/03/revocation-of-russias-most-favored-nation-trade-status-what-companies-need-to-know/> (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁴ Suspending Normal Trade Relations with Russia and Belarus Act, 2022 // URL: <https://www.congress.gov/117/bills/hr7108/BILLS-117hr7108enr.pdf> (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁵ Harmonized Tariff Schedule, 2024 // URL: <https://hts.usitc.gov/> (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁶ A Proclamation on Adjusting Imports of Aluminum into the United States // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/02/24/a-proclamation-on-adjusting-imports-of-aluminum-into-the-united-states-4/> (дата обращения: 27.03.2024).

Несмотря на отзЫв статуса постоянных нормальных торговых отношений с Россией, таможенные тарифы на многие товары, входящие в состав наиболее значимого экспорта России в США, не изменились. Например, импорт мочевины, российского продукта, используемого в качестве удобрения и кормовой добавки, в настоящее время облагается тарифной ставкой 0 %. Аналогичные (беспошлинные) условия сохраняются для импорта российских крабов, палладия и хлорида калия¹⁷.

Санкционная политика США имеет исторические предпосылки. До 2012 г. право России на получение статуса постоянных нормальных торговых отношений с США было ограничено в соответствии с разд. IV Акта США 1974 г. «О торговле»¹⁸. В частности, часть 401 разд. IV Акта требовала от президента США отказать России (ранее — СССР) и другим коммунистическим странам в статусе нормальных торговых отношений, тогда как часть 402 разд. IV Акта, известная как поправка Джексона — Вэника, накладывала дополнительные ограничения для государств с нерыночной экономикой в случае, если они лишают своих граждан права на свободу эмиграции¹⁹. Поэтому для того, чтобы США предоставили России статус постоянных нормальных торговых отношений, Конгрессу пришлось принять закон, снимающий ограничения разд. IV Акта «О торговле» применительно к России. Это произошло в 2012 г. после вступления России в ВТО²⁰.

Несмотря на различия в формулировках, указанных в качестве оснований принятия по-

правки Джексона — Вэника в Акт «О торговле» и Акта «О приостановке нормальных торговых отношений с Россией и Беларусью», исторические параллели сохраняются и по прошествии 50 лет. Основной целью принятия указанных документов является сдерживание экономического развития России.

По примеру США Правительство Великобритании объявило о запрете экспорта в Россию элитных товаров класса люкс, а также о повышении на 35 % импортных пошлин на сотни ключевых товаров²¹. Таким образом, Великобритания как член ВТО лишила Россию в одностороннем порядке статуса наиболее благоприятствуемой нации, национальный режим для продукции из России также под запретом.

Решение о введении новых таможенных тарифов вступило в силу 25 марта 2022 г. и было принято в соответствии с разд. 15 и 32 Акта Великобритании 2018 г. «О налогообложении в сфере трансграничной торговли»²². Согласно разд. 15 «при наличии спора между Правительством Ее Величества в Соединенном Королевстве и правительством страны или территории» государственный секретарь уполномочен принимать постановления, изменяющие размер импортной пошлины, применимой к определенным товарам, происходящим из этой страны или территории.

Указанный нормативный правовой акт является одним из примеров реализации права на свободу торговой политики Великобритании после принятия решения о выходе из состава Евросоюза²³.

¹⁷ Harmonized Tariff Schedule, 2024.

¹⁸ Trade Act of 1974 // URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-10384/pdf/COMPS-10384.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

¹⁹ Юнгблуд В. Т., Ильин Д. В. Поправка Джексона — Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (2). С. 7–39. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.

²⁰ Конгресс США отменил поправку Джексона — Вэника // URL: <https://rg.ru/2012/11/17/ssha-site.html> (дата обращения: 28.03.2024).

²¹ The UK Government has today announced a ban on exports to Russia of high-end luxury goods, while also hitting hundreds of key products with new import tariffs // URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-announces-new-economic-sanctions-against-russia> (дата обращения: 28.03.2024).

²² Taxation (Cross-border Trade) Act, 2018 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/22/contents/enacted> (дата обращения: 29.03.2024).

²³ Brexit: почему Великобритания выходит из ЕС и к чему это приведет // URL: <https://rg.ru/2020/01/31/brexit-pochemu-velikobritaniia-vyhodit-iz-es-i-k-chemu-eto-privedet.html> (дата обращения: 29.03.2024).

Аналогичные меры были приняты Правительством Австралии, которое 1 апреля 2022 г. опубликовало официальное уведомление об отмене режима наибольшего благоприятствования и введении дополнительной пошлины в размере 35 % от таможенной стоимости товаров, импортируемых из России и Белоруссии²⁴.

Дополнительная пошлина была введена Правительством Австралии в соответствии с разд. 159 Акта 1901 г. «О таможене»²⁵, а также разд. 1 ч. 2 Акта 2011 г. «Об автономных санкциях»²⁶ (нормативный правовой акт, на основании которого вводятся односторонние ограничительные меры Австралии) и разд. 4А ч. 2 Правил введения автономных санкций (документ, который конкретизирует виды санкций в отношении отдельных государств)²⁷. Ставка таможенной пошлины для каждого товара в данном случае определяется как сумма дополнительной пошлины и общей ставки таможенной пошлины, акцизного эквивалента или таможенной пошлины в долларовом эквиваленте, перечисленных в приложении 3 к Акту Австралии 1995 г. «О таможенном тарифе»²⁸.

Отношения Австралии и России никогда не отличались стабильностью. Несмотря на то что контакты между государствами начались в 1807 г., русское консульство появилось в Мельбурне только в 1893 г. После революции 1917 г. в России официальные отношения между государствами были прекращены и были восстанов-

лены только в 1942 г. В 2001 г. Австралия ввела антидемпинговую пошлину на ввоз российского нитрата аммония. Со своей стороны Россия, главный покупатель мяса австралийского кенгуру (около 70 % от объема производства), в августе 2009 г. наложила временный запрет на его импорт, ссылаясь на то, что в нем обнаружены сальмонеллы и бактерии группы кишечочной палочки²⁹.

Представленный перечень государств, изменивших весной 2022 г. режим торговых отношений с Россией, не является исчерпывающим. Их примеру последовали зависимые государства — 13 стран (Албания, Исландия, Молдавия, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Северная Македония, Черногория, Япония) — и Европейский Союз³⁰. Однако юридическую технику, использованную в Канаде, США, Великобритании и Австралии, можно считать тем шаблоном, который применили другие государства.

Решения об отмене режима наибольшего благоприятствования и национального режима принимались, как правило, главой исполнительной власти (президентом, генерал-губернатором, государственным секретарем). Основанием являлось внутреннее законодательство государств о таможенных тарифах, но есть и примеры самостоятельных нормативных правовых актов (США). Формулировки о причинах принятия таких решений однотипны и направлены на сдерживание внешней политики России.

²⁴ Australia to impose tariff increases on all imports from Russia // URL: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/marise-payne/media-release/australia-impose-tariff-increases-all-imports-russia> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁵ Customs Act, 1901 // URL: <https://www.legislation.gov.au/C1901A00006/2023-07-01/text> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁶ Autonomous Sanctions Act, 2011 // URL: <https://www.legislation.gov.au/C2011A00038/latest/text> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁷ Autonomous Sanctions Regulations, 2011 // URL: <https://www.legislation.gov.au/F2011L02673/2022-03-28/text> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁸ Customs Tariff Act, 1995 // URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04997/2023-05-31/text> (дата обращения: 30.03.2024).

²⁹ Кривушин И. В. Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 1. С. 133–158. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158.

³⁰ Режим неопределенного благоприятствования // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5292334> (дата обращения: 01.04.2024).

Решения властей Канады, США, Великобритании и Австралии о лишении России статуса наиболее благоприятствуемой нации и введении дополнительных таможенных тарифов для российской продукции противоречат нормам ВТО.

В большинстве случаев государства ссылаются на национальное законодательство, а также на исключения, основанные на ст. XXI(b)(iii) ГАТТ 1947. Указанная правовая норма предусматривает, что ничто не должно быть истолковано как препятствующее любой договаривающейся стороне предпринимать такие действия, которые она считает «необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности», если они «принимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях»³¹.

При толковании ст. XXI(b)(iii) ГАТТ 1947, как и любого другого положения договора, основной целью является выявление намерений договаривающихся сторон. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. принимает в качестве общего правила толкования текстуальный подход, который закреплен в ст. 31³². Он предусматривает, что договор «должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». Представляется, что этот подход отражает общепринятый вариант толкования норм международного права³³.

Поскольку ни одно из рассматриваемых государств не находится в состоянии войны с Россией, а термин «чрезвычайные обстоятель-

ства в международных отношениях» крайне расплывчатый, возникает вопрос, попадают ли дополнительные таможенные пошлины в диапазон мер, которые необходимы для обеспечения существенных интересов безопасности.

Законность действий отдельных государств в случае лишения другого государства — члена ВТО статуса наиболее благоприятствуемой нации можно рассматривать только в том случае, если меры применяются для защиты существенных интересов национальной безопасности в условиях войны или в иных чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях. При этом бремя доказывания наличия угрозы национальной безопасности лежит на стороне, которая в своей правовой позиции ссылается на исключения, установленные статьей XXI(b)(iii) ГАТТ 1947.

Представляется, что государства, вводящие финансовые санкции против другого государства, но не являющиеся при этом стороной военного конфликта и не находящиеся в иных чрезвычайных ситуациях, не могут ссылаться на ст. XXI(b)(iii) ГАТТ 1947 для оправдания таких ограничительных мер.

В более широком значении отказ в предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации и национального режима подрывает значение принципов права, которые, по всей видимости, переоценены. Текущая практика показывает, что они, как и законы, могут быть изменены, когда это будет необходимо для целей внешней политики отдельных государств.

³¹ General Agreement on Trade in Services, 1947.

³² Венская конвенция о праве международных договоров, 1969 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.03.2024).

³³ *Fietta S.* Most Favoured Nation Treatment and Dispute Resolution under Bilateral Investment Treaties: A Turning Point? // URL: https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/arbitrationarbitrationlawpub1395_1.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горлов С. А. Совершенно секретно : Альянс Москва — Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия). — М. : Олма-Пресс, 2001. — 352 с.
2. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). — М. : Издание Института востоковедения имени Н.Н. Нариманова, 1927. — 219 с.
3. Кривушин И. В. Российско-австралийские отношения до и после украинского кризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019. — Т. 12. — № 1. — С. 133–158. — DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158.
4. Смбалян А. С. Международные торговые споры в ГАТТ/ВТО: избранные решения (1952–2005 гг.). — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 326 с.
5. Шепенко Р. А. Международные налоговые правила : в 2 ч. — Ч. 1. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 510 с.
6. Юнгблюд В. Т., Ильин Д. В. Поправка Джексона — Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. // Вестник МГИМО-Университета. — 2020. — Т. 13(2). — С. 7–39. — DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
7. Fietta S. Most Favoured Nation Treatment and Dispute Resolution under Bilateral Investment Treaties: A Turning Point? // URL: https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/arbitrationarbitrationlawpub1395_1.pdf.
8. Wang A. History of the MFN Clause in International Law // The Interpretation and Application of the Most-Favored-Nation Clause in Investment Arbitration. Brill, Nijhoff, 2022. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004517899_003.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorlov S. A. Sovershenno sekretno: Alyans Moskva — Berlin, 1920–1933 gg. (Voenno-politicheskie otnosheniya SSSR — Germaniya). — M.: Olma-Press, 2001. — 352 s.
2. Grimm E. D. Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy na Dalnem Vostoke (1842–1925). — M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya imeni N.N. Narimanova, 1927. — 219 s.
3. Krivushin I. V. Rossiysko-avstraliyskie otnosheniya do i posle ukrainskogo krizisa // Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. — 2019. — T. 12. — № 1. — S. 133–158. — DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-133-158.
4. Smbatyan A. S. Mezhdunarodnye torgovye spory v GATT/VTO: izbrannye resheniya (1952–2005 gg.). — M.: Volters Kluver, 2006. — 326 s.
5. Shepenko R. A. Mezhdunarodnye nalogovye pravila: v 2 ch. — Ch. 1. — M.: Yurlitinform, 2012. — 510 s.
6. Yungblyud V. T., Ilin D. V. Popravka Dzheksona — Venika i razvitie sovetsko-amerikanskikh otnosheniy v 1972–1975 gg. // Vestnik MGIMO-Universiteta. — 2020. — T. 13(2). — S. 7–39. — DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-7-39.
7. Fietta S. Most Favoured Nation Treatment and Dispute Resolution under Bilateral Investment Treaties: A Turning Point? // URL: https://www.international-arbitration-attorney.com/wp-content/uploads/arbitrationarbitrationlawpub1395_1.pdf.
8. Wang A. History of the MFN Clause in International Law // The Interpretation and Application of the Most-Favored-Nation Clause in Investment Arbitration. Brill, Nijhoff, 2022. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004517899_003.

Применение Россией антисанкционных мер в регулировании внешней торговли товарами

Аннотация. В статье рассматриваются публично-правовые регуляторы внешней торговли товарами, названные в российском законодательстве специальными экономическими мерами и мерами воздействия (противодействия). Проводится сравнительный анализ указанных мер с едиными мерами нетарифного регулирования Евразийского экономического союза. Подчеркивается принципиальная разница между ними. Представлены примеры специальных экономических мер, мер воздействия (противодействия), а также результаты разрешения международного спора об ограничении транзитных перевозок по территории России. Демонстрируются сходства и различия специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) в подзаконных нормативных правовых актах. Обращается внимание на терминологию, используемую в таможенных правоотношениях при контроле соблюдения лицами запретов вывоза товаров в недружественные страны. Раскрываются особенности таможенного декларирования товаров, создающие риски нарушения установленных запретов. Предлагаются нормативные уточнения, исключающие возможности обхода мер воздействия (противодействия) и сохраняющие права добросовестных участников внешнеторговой деятельности.

Ключевые слова: специальные экономические меры; меры воздействия (противодействия); внешняя торговля товарами; нетарифное регулирование; Всемирная торговая организация; Евразийский экономический союз; таможенный транзит; запреты и ограничения; режим наибольшего благоприятствования; таможенное декларирование товаров.

Для цитирования: Халипов С. В. Применение Россией антисанкционных мер в регулировании внешней торговли товарами // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 154–164. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.154-164.

Russia's Use of Anti-Sanction Measures in Foreign Trade in Goods Regulations

Sergey V. Khalipov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Public Law, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russian Federation
shalipov@vavt.ru

Abstract. The paper examines public law regulators of foreign trade in goods, called special economic measures and measures of influence (counteraction) in Russian legislation. A comparative analysis of these measures is carried out with the uniform measures of non-tariff regulation of the Eurasian Economic Union. The fundamental difference

© Халипов С. В., 2025

* Халипов Сергей Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России
Воробьевское шоссе, д. 6А, г. Москва, Российская Федерация, 119285
shalipov@vavt.ru

between them is emphasized. Examples of special economic measures, measures of influence (counteraction), as well as the results of resolving an international dispute on the restriction of transit traffic through the territory of Russia are presented. The similarities and differences between special economic measures and measures of influence (counteraction) in by-laws are demonstrated. Attention is given to the terminology used in customs legal relations when monitoring compliance by individuals with prohibitions on the export of goods to unfriendly countries. The features of customs declaration of goods that create risks of violating established prohibitions are revealed. Regulatory clarifications are proposed that eliminate the possibility of circumventing measures of influence (counteraction) and preserve the rights of bona fide participants in foreign trade activities.

Keywords: special economic measures; measures of influence (counteraction); foreign trade in goods; non-tariff regulation; World Trade Organization; Eurasian Economic Union; customs transit; prohibitions and restrictions; most-favored-nation treatment; customs declaration of goods.

Cite as: Khalipov SV. Russia's Use of Anti-Sanction Measures in Foreign Trade in Goods Regulations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):154-164. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.154-164.

Введение

Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия), именуемые неофициально антисанкциями или контрсанкциями, занимают самостоятельное место в публично-правовом регулировании внешнеторгового товарооборота. Созвучие с традиционными для внешней торговли мерами нетарифного регулирования дает поводы к их отождествлению, в частности, когда вводятся запреты и ограничения на ввоз (вывоз) товаров. Последствия такого отождествления порождают новые вопросы, например о правомерности:

— обращения Российской Федерации к специальным экономическим мерам и мерам воздействия (противодействия) в условиях участия во Всемирной торговой организации (далее — ВТО) и членства в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС, Союз);

— создания Россией препятствий свободному обороту товаров на единой таможенной

территории ЕАЭС, т.е. во взаимной торговле товарами.

Если применение Россией специальных экономических мер и других антисанкций (контрсанкций) уже стало предметом научных публикаций¹, то их правовая связь с едиными мерами регулирования внешней торговли товарами ЕАЭС и последующее влияние на евразийскую экономическую интеграцию пока не привлекли должного внимания исследователей. При этом авторами отмечается опыт использования антисанкционных мер, дающий богатую почву для анализа и конкретных правовых решений².

Антисанкционные меры России в условиях членства в ЕАЭС

Правовые основы российских специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) закреплены в трех законодательных актах: о безопасности³, о специальных экономи-

¹ См., например: Камышевский В. И. Евразийский экономический союз в условиях экономических санкций против России: координация совместных усилий в выработке адекватных мер правового реагирования // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 40–44; Добрынина Л. Ю., Губарева А. В. Правовое обоснование ответных мер Российской Федерации на экономические санкции США, ЕС и их союзников // Национальная безопасность / Nota bene. 2020. № 1. С. 24–37; Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141; Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 4 (55). С. 72–80.

² Габов А. В. Указ. соч. С. 122.

³ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

ческих и принудительных мерах⁴, о мерах воздействия (противодействия)⁵. Первые специальные экономические меры были введены в 2014 г. Указом Президента РФ⁶. Данными мерами устанавливались ограничения на транзитные перевозки, а также запрет на ввоз в страну отдельных категорий товаров, происходящих из государств, применивших экономические санкции в отношении российских юридических и (или) физических лиц либо присоединившихся к таким санкциям. Правительство РФ конкретизировало запрет⁷ перечнем стран⁸, видами товаров⁹ и ограничениями транзитных перевозок грузов¹⁰.

Введение Россией запретов на ввоз и ограничений на транзит товаров создало правовые средства, не идентифицированные в системе публично-правового регулирования внешней торговли товарами ЕАЭС. Так, в п. 26 приложения № 1 к Докладу Евразийской экономической комиссии¹¹ (далее — ЕЭК) препятствия для транзита товаров, в отношении которых одним из государств-членов применяются специальные эко-

номические меры, которые были определены как ограничения. В Методологии квалификации препятствий¹² под ограничениями понимаются препятствия для свободного движения товаров на внутреннем рынке Союза, возникшие по причине отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза. Непонятно, какие имеются в виду экономические отношения (вся внешняя торговля товарами либо только таможенный транзит). Может, в приложении № 1 подразумевались российские специальные экономические меры по ограничению транзита товаров, восполнившие пробел в праве Союза? Вместе с тем Договором о ЕАЭС не предусмотрено регулирование экономических отношений специальными экономическими мерами или мерами воздействия (противодействия). Другое дело, если бы такая норма была, но ЕЭК конкретные меры не вводились.

К изъятиям специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия)

⁴ Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 44.

⁵ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3394.

⁶ Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (ред. от 15.11.2021, с изм. от 18.09.2023) // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4470.

⁷ Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 № 778 «О мерах по реализации указов Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560, от 24 июня 2015 г. № 320, от 29 июня 2016 г. № 305, от 30 июня 2017 г. № 293, от 12 июля 2018 г. № 420, от 24 июня 2019 г. № 293, от 21 ноября 2020 г. № 730, от 20 сентября 2021 г. № 534 и от 11 октября 2022 г. № 725» (ред. от 10.10.2023) // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4543.

⁸ США, страны — члены ЕС, Канада, Австралия, Королевство Норвегия, Украина, Республика Албания, Черногория, Республика Исландия, Княжество Лихтенштейн и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

⁹ Свины живые, мясо, рыба, молоко и молочная продукция, овощи, фрукты, орехи и другие товары.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 27.12.2019 № 1877 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 г. № 290 “О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации”» (ред. от 31.01.2024) // СЗ РФ. 2020. № 1 (ч. I). Ст. 67.

¹¹ Доклад «О работе по выявлению и устранению барьеров, изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза за 2017 год». М., 2017. С. 24. URL: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/documents.aspx> (дата обращения: 08.04.2024).

¹² Решение Коллегии ЕЭК от 28.03.2023 № 41 «Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза и признания барьеров и ограничений устраненными» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 08.04.2024).

тоже отнести нельзя, поскольку изъятия — это предусмотренные правом Союза исключения (отступления) из общих правил функционирования внутреннего рынка Союза. Например, выпуск иностранных товаров в Республике Казахстан по ставкам таможенных пошлин, отличных от ставок ЕТТ ЕАЭС¹³, и последующее ограничение оборота таких товаров на территории Союза¹⁴. Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) в праве ЕАЭС не используются и исключениями не признаются.

Возможность отнесения к барьерам не бесспорна. Согласно Методологии квалификации препятствий барьеры в ЕАЭС возникают вследствие несоответствия действующих либо принятых, но не вступивших в силу норм законодательства государств-членов или сложившейся в государствах-членах правоприменительной практики праву Союза. Но каким нормам и принципам права Союза необходимо соответствовать? Например, в части запретов на ввоз/вывоз отдельных видов товаров нельзя утверждать о нарушениях Россией условий введения нетарифных мер в одностороннем порядке. Дело совсем не в формальностях, требующих предварительного уведомления ЕЭК и соблюдения шестимесячного срока действия односторонних нетарифных мер¹⁵. На основании п. 2 ст. 46 Договора о ЕАЭС меры нетарифного

регулирования вводятся и применяются на основе принципов гласности и недискриминации, а в ст. 34 Договора закреплён режим наибольшего благоприятствования в отношении внешней торговли товарами (в понимании ГАТТ 1994¹⁶). Принцип недискриминации исключает выборочное ухудшение торговых условий для отдельных государств, иностранных товаров или лиц и реализуется в системе ВТО через обязательства членов организации предоставлять режим наибольшего благоприятствования и национальный режим¹⁷. Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) отвергают благоприятствование для страны-нарушителя международных торговых правил и носят дискриминационный характер, выборочно ужесточая торговые меры в отношении конкретного государства. Этим объясняется отсутствие в законах о специальных экономических мерах и мерах воздействия (противодействия) упоминаний о нетарифном регулировании права Союза.

Российские антисанкционные меры в контексте права ВТО

Ограничения специальными экономическими мерами таможенного транзита противоречат принципу его свободы (ст. V ГАТТ 1994, ст. 11 Co-

¹³ Единый таможенный тариф ЕАЭС // URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/ett/> (дата обращения: 05.04.2024).

¹⁴ Протокол о некоторых вопросах ввоза и обращения товаров на таможенной территории Евразийского экономического союза (подписан в г. Бурабай 16 октября 2015 г.) ; Решение Совета ЕЭК от 14.10.2015 № 59 «О перечне товаров, в отношении которых Республикой Казахстан в соответствии с обязательствами, принятыми в качестве условия присоединения к Всемирной торговой организации, применяются ставки ввозных таможенных пошлин, более низкие по сравнению со ставками пошлин Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, и размеров таких ставок пошлин» (ред. от 26.01.2024) // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁵ Разд. X Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г., с учетом изм. и доп., вступ. в силу с 3 апреля 2023 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2024) (далее — Договор о ЕАЭС)).

¹⁶ Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 г. (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.) // СЗ РФ. 2012. № 37 (ч. V, приложение). Ст. 2032–2048.

¹⁷ Право Всемирной торговой организации (ВТО) : учебник / под ред. В. М. Шумилова, И. М. Лифшица. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Кнорус, 2023. С. 77, 80–81.

глашения об упрощении процедур торговли¹⁸). Вместе с тем право ВТО в ст. XXI ГАТТ 1994 допускает исключения из соображений безопасности. РФ имеет положительный опыт обращения к этой статье в Органе по разрешению споров ВТО¹⁹. В 2016 г. Украина инициировала разбирательство по поводу применения Россией специальных экономических мер к транзиту товаров с территории Украины. Речь шла об ограничениях, введенных Указом Президента РФ от 01.01.2016 № 1²⁰ (возможность автомобильного и железнодорожного транзита товаров с Украины на территории Республики Казахстан или Киргизской Республики по российской территории только с территории Республики Беларусь, в сопровождении навигационных пломб спутниковой системы ГЛОНАСС и учетных талонов для автомобильных перевозок, а также запрет перевозок товаров, облагаемых ввозными таможенными пошлинами (кроме нулевых ставок), и отдельных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия).

В кратком изложении основных выводов по отчету третьей группы экспертов, утвержденному Органом по разрешению споров ВТО, указывалось, что ситуация между Украиной и Россией с 2014 г. была чрезвычайной в международных отношениях. Оспариваемые ограничения и запреты транзита принимались в 2014 и 2016 гг., т.е. во время этой чрезвычайной ситуа-

ции. Действия России соответствовали ст. XXI(b) (iii) ГАТТ 1994. Чрезвычайная ситуация 2014 г., угрожавшая основным интересам безопасности России, была близка к состоянию войны или вооруженного конфликта (приняты доводы России о своих существенных интересах в области безопасности). Оспариваемые препятствия для транзита были связаны с этой ситуацией, что объясняло применение Россией мер для защиты своих существенных интересов безопасности²¹.

Кроме межгосударственного конфликта, приближенного к угрозе вооруженного противостояния, появились другие обстоятельства, вызвавшие необходимость в специальных экономических мерах и мерах воздействия (противодействия) — недобросовестные действия торговых партнеров по ВТО. В статье XXI ГАТТ 1994 и в праве ЕАЭС ничего об этом нет. Как поступить государству в обстоятельствах, затрагивающих интересы экономической безопасности? Позиция России заключается в том, что ограничения, вводимые ею в ответ на санкции со стороны иностранных государств, не считаются нарушением международных обязательств, равно как и положений российского права, поскольку принимаются в случаях, требующих немедленной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, угрожающее интересам и безопасности страны²². Например, в 2014 г.

¹⁸ Протокол о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации (подписан в г. Женеве 27 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. 2017. № 36. Ст. 5408.

¹⁹ См., например: *Боклан Д. С., Шауберт М. В.* Спор Россия — Меры, связанные с транзитом грузов: исторический доклад Третьей группы Органа по разрешению споров ВТО // *Международное правосудие.* 2019. № 2 (30). С. 20–30; *Тонких П. С.* Исключения по соображениям национальной безопасности в контексте реформы ВТО // *Торговая политика.* 2019. Т. 3. № 19. С. 7–24; *Комендантов С. В.* О реализации «исключений по соображениям национальной безопасности» в практике ГАТТ/ВТО // *Образование и право.* 2019. № 10. С. 38.

²⁰ Указ Президента РФ от 01.01.2016 № 1 «О мерах по обеспечению экономической безопасности и национальных интересов Российской Федерации при осуществлении международных транзитных перевозок грузов с территории Украины на территорию Республики Казахстан или Киргизской Республики через территорию Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 215.

²¹ Россия — Меры, касающиеся транзитных перевозок (DS512: Russia — Measures Concerning Traffic in Transit) // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds512_e.htm (дата обращения: 22.03.2024).

²² *Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю.* Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // *Международное правосудие.* 2018. № 4 (28). С. 128.

Европейским Союзом введен запрет экспорта в Россию оборудования для глубоководной разведки и добычи нефти, ограничен доступ к рынку капитала для определенных финансовых учреждений. Повод — «в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине». Одна из целей — «для оказания давления на российское правительство»²³. Общая цель — нанести ущерб экономике России и повлиять на изменение внешнеполитического курса²⁴. Сходной по сути, но более «богатой» была аргументация США при увеличении размера ставки ввозной таможенной пошлины до 200 % от таможенной стоимости на алюминий и алюминиевые изделия российского происхождения²⁵.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» российские специальные экономические меры — это всегда безотлагательная реакция на:

— международно-противоправное деяние;

— недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц.

Оба обстоятельства должны представлять угрозу интересам и безопасности РФ и (или) нарушать права и свободы ее граждан. В этом состоит отличие поводов для применения специальных экономических мер от, например, мер нетарифного регулирования, которые в исключительных случаях также могут вводиться для обеспечения обороны и безопасности²⁶, например в виде запретов (ограничений) внешнеэкономических операций. Однако нетарифные меры обезличены и не воздействуют на конкретных лиц или государства, а, например, обеспечивают потребности внутреннего рынка в определенных товарах²⁷. Специальные экономические меры обращены на конкретных лиц и/или государства, например количественные ограничения (квоты) на ввоз в РФ томатов свежих или охлажденных из Турецкой Республики²⁸. Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) направлены на

²³ Регламент Совета (ЕС) от 04.12.2014 № 1290/2014 о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014 относительно ограничительных мер в связи с действиями России, дестабилизирующими ситуацию в Украине, и внесении изменений в Регламент (ЕС) № 960/2014 о внесении изменений в Регламент (ЕС) № 833/2014 (Council Regulation (EU) No. 1290/2014 of 4 December 2014 amending Regulation (EU) No. 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, and amending Regulation (EU) No. 960/2014 amending Regulation (EU) No. 833/2014) // URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2014.349.01.0020.01.ENG (дата обращения: 22.03.2024).

²⁴ Кешнер М. В. Проблемные аспекты практики применения ограничительных мер // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 34–35.

²⁵ Постановление о регулировании импорта алюминия в Соединенные Штаты (The White House. A Proclamation on Adjusting Imports of Aluminum into the United States, February 24, 2023) // URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/02/24/a-proclamation-on-adjusting-imports-of-aluminum-into-the-united-states-4/> (дата обращения: 22.03.2024)).

²⁶ Пп. 9 п. 38 разд. VII Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран.

²⁷ См., например: постановление Правительства РФ от 29.02.2024 № 243 «О введении временного запрета на вывоз бензина товарного из Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1419.

²⁸ Указ Президента РФ от 28.11.2015 № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики» (ред. от 25.07.2019) // СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. II). Ст. 6820; постановление Правительства РФ от 30.11.2015 № 1296 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики»» (ред. от 21.12.2019) // СЗ РФ. 2015. № 48 (ч. II). Ст. 6843; приказ Минсельхоза России от 14.06.2023 № 567 «Об утверждении разрешенного объема ввоза в Российскую

прекращение какой-либо экономической зависимости от недружественного государства, на лишение его благ от использования российского рынка или товаров, происходящих из РФ.

Соотношение специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) в регулировании внешней торговли товарами

Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) имеют много общего, например обстоятельства и цели введения (устранение или минимизация угроз интересам и безопасности РФ), адресатов (США и иные, недружественные РФ государства²⁹), запреты или ограничения на ввоз/вывоз товаров.

В обоих законодательных актах используется понятие недружественных действий иностранных государств, но раскрывает его часть 1 ст. 1 Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Так, недружественные действия могут проявляться во введении политических или экономических санкций в отношении РФ, граждан РФ или российских юридических лиц, а также в совершении иных действий, угрожающих территориальной целостности России либо направленных на экономическую и политическую дестабилизацию страны.

При сходстве специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) за-

конодателем установлено, что каждая из этих мер применяется независимо от других мер, направленных на защиту интересов РФ, обеспечение безопасности РФ, а также на защиту прав и свобод ее граждан. С одной стороны, данная оговорка позволяет усиливать ответную реакцию страны комбинацией мер в отношении конкретного государства (государств) и видов товаров. С другой стороны, дает возможность обойти собственные ограничения, например, когда закон не разрешает мерами воздействия (противодействия) запрещать или ограничивать ввоз в РФ жизненно необходимых товаров, аналоги которых не производятся в РФ³⁰. Специальные экономические меры таких запретов не содержат. В жизни, разумеется, ни то ни другое не произойдет. Вряд ли РФ будет переходить от защиты к нападению, ужесточая одну меру другой, либо запрещать поставки товаров в ущерб интересам населения. На практике используются целевые вариации различных мер. Например, в ответ на недружественные и противоречащие международному праву действия Украины издан Указ Президента РФ от 22.10.2018 № 592³¹ (далее — Указ № 592). Содержание документа выходит за пределы его наименования и не ограничивается только специальными экономическими мерами, что следует из фабулы (данный нормативный правовой акт принят в соответствии с несколькими федеральными законами).

О специальных экономических мерах говорится в абз. 1 п. 1 Указа № 592. На основании

Федерацию товаров, предусмотренных приложением к постановлению Правительства РФ от 30 ноября 2015 г. № 1296 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2015 г. № 583 «О мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан Российской Федерации от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турецкой Республики»», классифицируемых кодом ТН ВЭД ЕАЭС 0702 00 000» // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.03.2024).

²⁹ См.: распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» (ред. от 29.10.2022) // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

³⁰ См. ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

³¹ Указ Президента РФ от 22.10.2018 № 592 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Украины в отношении граждан и юридических лиц Российской Федерации» (ред. от 27.04.2023) // СЗ РФ. 2018. № 44. Ст. 6706.

пп. «а», «б» п. 2 Указа № 592 Правительству РФ поручено определить конкретные виды специальных экономических мер и перечни лиц, на которых эти меры распространяются³², а подпункт «в» обязывает принять «иные меры», необходимые для реализации Указа № 592. «Иные меры» уже соответствуют мерам воздействия (противодействия) в виде запретов и ограничений, например:

— запрет на ввоз в РФ сельхозпродукции, продовольствия и других товаров, страной происхождения или отправления которых является Украина или которые перемещаются через территорию Украины;

— запрет вывоза из РФ на территорию Украины нефти, нефтепродуктов и других товаров³³.

В первом случае специальные экономические меры введены в отношении подсанкционных лиц (физических и юридических) и связаны с запретом ввоза в Россию любых товаров. Во втором — меры воздействия (противодействия) в виде запретов и ограничений применяются к конкретным товарам, независимо от лиц, перемещающих такие товары.

Приведенные примеры специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) указывают на еще один общий признак, а именно на неприменение общих (режимных) принципов регулирования внешней торговли товарами, закрепленных в ГАТТ 1994 и в праве ЕАЭС.

Различия между специальными экономическими мерами и мерами воздействия (противо-

действия) можно обнаружить только в сравнении конкретных видов мер (запретов, ограничений и др.), вводимых указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ.

Таможенные аспекты применения мер воздействия (противодействия)

Правительство РФ, реализуя «иные меры» согласно Указу № 592, установило, в частности, запреты на вывоз из страны отдельных видов товаров на территорию Украины (нефти, нефтепродуктов и других товаров³⁴). Данные запреты соответствуют мерам воздействия (противодействия)³⁵. Обеспечение запрета вывоза товаров на территорию Украины обнаруживает особенности правового понятия вывоза товаров: вывоз товаров из России за пределы ЕАЭС и тот же вывоз, но с указанием конкретного государства (государств) имеют между собой финальные различия.

Определения понятия вывоза товаров даны в Таможенном кодексе ЕАЭС³⁶ (далее — ТК ЕАЭС) и в Федеральном законе от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о таможенном регулировании)³⁷. Например, вывоз товаров с таможенной территории Союза завершается пересечением таможенной границы Союза (пп. 5 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС). Вывоз товаров из РФ завершается фактическим пересечением

³² Например, введен запрет на совершение сделок, предусматривающих ввоз в Россию товаров, производителем, продавцом или отправителем которых являются подсанкционные лица (постановление Правительства РФ от 01.11.2018 № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» (ред. от 28.10.2023) // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6952).

³³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1716-83 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» (ред. от 29.12.2023) // СЗ РФ. 2019. № 1. Ст. 12.

³⁴ См. постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1716-83.

³⁵ См. ст. 2 Федерального закона «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств».

³⁶ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 04.04.2024).

³⁷ СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

товарами Государственной границы РФ или таможенной границы Союза, обозначающей пределы искусственных островов, установок, сооружений, принадлежащих РФ (п. 3 ч. 1 ст. 5 Закона о таможенном регулировании). Обе таможенные дефиниции вывоза товаров заканчиваются их убытием после пересечения границы (Государственной границы России и/или таможенной границы Союза). То есть таможенный вывоз товаров ограничен по сравнению с вывозом товаров в конкретную страну. Внешнеторговый запрет на вывоз продолжается, распространяя свое действие на территорию недружественного государства, куда нельзя ввозить убывающие из России товары.

Вывоз товаров из РФ на территорию иностранного государства, очевидно не требующий разъяснений, содержит неопределенности в применении. Например, тождествен ли вывоз товара в конкретную страну вывозу в страну назначения товара? Подпадает ли под запрет транзит товара через территорию недружественной страны или ввоз товара в запрещенное государство с целью его перегрузки на другое транспортное средство и убытия в иную (незапрещенную) страну? Перечисленные вопросы возникают в связи с таможенным декларированием товаров. Так, на основании пп. 4 п. 1 ст. 106 ТК ЕАЭС подлежат указанию в декларации на товары (далее — ДТ), в частности, сведения о стране назначения декларируемых товаров. Согласно пп. 7 п. 18 разд. III Порядка заполнения ДТ на товары, вывозимые с таможенной территории³⁸, в графе 17 «Страна назначения» указывается краткое название страны, где товары будут потребляться, использоваться или подвергаться дальнейшей переработке. Как видим, транзит

и грузовые операции не отвечают признакам действий с товарами в стране их назначения. Еще один пример с неполным таможенным декларированием товаров (далее — НТД). Статья 115 ТК ЕАЭС допускает таможенное декларирование вывозимых товаров без указания в ДТ сведений о стране назначения товаров. Недостающие сведения сообщаются позже, в течение восьми месяцев после выпуска товаров. Появляется соблазн воспользоваться такой возможностью и скрыть страну назначения товара.

Для исключения попыток обхода запретов вывоза товаров в конкретные государства, а также ясного понимания самого запрета следует уточнить существующую формулировку. Например, установить запрет на вывоз из РФ товаров, страной назначения, транзита и (или) перегрузки (разгрузки) которых является недружественное государство. Можно также ввести разрешительный порядок для НТД товаров, подпадающих под запреты. Отметим, что пункт 4 ст. 115 ТК ЕАЭС³⁹, статья 102.1 Закона о таможенном регулировании⁴⁰ позволяют ограничивать НТД отдельных категорий товаров. Однако это затронет экспортеров, поставляющих товары в другие страны. Предлагаемый порядок сохранит права лиц на НТД товаров, вывозимых в дружественные страны, и выступит преградой потенциальным попыткам обойти запреты вывоза с помощью особенностей совершения таможенных операций.

Изложенные рекомендации применимы ко всем случаям запретов на вывоз из России отдельных видов товаров в конкретные иностранные государства, например к запретам, введенным постановлением Правительства РФ от 09.03.2022 № 313⁴¹.

³⁸ Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257 «О форме декларации на товары и порядке ее заполнения» (ред. от 05.12.2023) // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 04.04.2024).

³⁹ Определение национальным законодательством государств — членов Союза категорий товаров, в отношении которых не применяется неполное таможенное декларирование.

⁴⁰ Особенности применения неполного таможенного декларирования.

⁴¹ Например, запрет вывоза щепок и стружки древесины, металлических отходов и лома, товаров двойного назначения в США, в государства — члены ЕС, в Канаду, в Японию и другие государства (постановление Правительства РФ от 09.03.2022 № 313 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100» (ред. от 23.12.2023) // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1819).

Выводы

Подводя краткий итог проведенному анализу применения Россией специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия), можно сформулировать следующие выводы.

1. В праве ЕАЭС отсутствуют положения, позволяющие государствам-членам немедленно реагировать на международно-противоправные деяния и недружественные действия иностранных государств. Цели Союза и внешнеторговой политики Союза (ст. 4, п. 1 ст. 33 Договора о ЕАЭС) не затрагивают государственную (национальную) безопасность.

2. Для устранения или минимизации угроз экономическим интересам и национальной безопасности страны РФ вынуждена использовать специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия). Условия и порядок применения данных мер несопоставимы с правовым режимом нетарифного регулирования ЕАЭС. Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) являются а) ответной реакцией на международно-противоправные деяния или недружественные действия иностранных государств; б) всегда обращены к конкретным адресатам (иностранным государствам, физическим и юридическим лицам); в) исключают соблюдение международных торговых принципов недискриминации, наибольшего благоприятствования, свободы транзита.

3. Ограничения свободного оборота товаров на единой таможенной территории ЕАЭС, вызванные введением Россией специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия), представляют собой отдельный

вид препятствий, не связанных с правом Союза и отличных от классификации, используемой в Методологии квалификации препятствий. Российские антисанкционные меры являются временными, вынужденными, направленными на обеспечение экономических интересов и защиту национальной безопасности государства.

4. Специальные экономические меры и меры воздействия (противодействия) имеют общие признаки (устранение угроз экономическим интересам и безопасности России, неприменение режима наибольшего благоприятствования, ответная реакция на международно-противоправные деяния или недружественные действия иностранных государств, адресность и др.).

Различия обнаруживаются только при сравнении конкретных мер (в виде запретов, ограничений и других препятствий для осуществления импортно-экспортных операций), вводимых указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ.

5. Меры воздействия (противодействия) в виде запрета вывоза товаров в недружественные страны нуждаются в сопряжении с понятиями вывоза товаров, используемыми в едином таможенном регулировании ЕАЭС и в таможенном регулировании РФ.

В целях обеспечения вводимых запретов вывоза из РФ товаров в конкретные страны рекомендуется:

- конкретизировать запрет на любое попадание и нахождение в обозначенных государствах недопустимых к вывозу товаров;
- ввести разрешительный порядок применения НТД товаров, запрещенных к вывозу в конкретные страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боклан Д. С., Шауберт М. В. Спор Россия — Меры, связанные с транзитом грузов: исторический доклад Третьей группы Органа по разрешению споров ВТО // Международное правосудие. — 2019. — № 2 (30). — С. 20–30.
2. Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». — 2023. — № 4 (55). — С. 72–80.
3. Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 96–141.

4. Добрынина Л. Ю., Губарева А. В. Правовое обоснование ответных мер Российской Федерации на экономические санкции США, ЕС и их союзников // Национальная безопасность / Nota bene. — 2020. — № 1. — С. 24–37.
5. Камышевский В. И. Евразийский экономический союз в условиях экономических санкций против России: координация совместных усилий в выработке адекватных мер правового реагирования // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 1 (92). — С. 40–44.
6. Кешнер М. В. Проблемные аспекты практики применения ограничительных мер // Российский юридический журнал. — 2019. — № 6. — С. 34–46.
7. Комендантов С. В. О реализации «исключений по соображениям национальной безопасности» в практике ГАТТ/ВТО // Образование и право. — 2019. — № 10. — С. 36–39.
8. Право Всемирной торговой организации (ВТО) : учебник / под ред. В. М. Шумилова, И. М. Лифшица. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Кнорус, 2023. — 252 с.
9. Старженецкий В., Бутырина В., Драгунова Ю. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса // Международное правосудие. — 2018. — № 4 (28). — С. 126–139.
10. Тонких П. С. Исключения по соображениям национальной безопасности в контексте реформы ВТО // Торговая политика. — 2019. — Т. 3. — № 19.

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Boklan D. S., Shaubert M. V. Spor Rossiya — Mery, svyazannye s tranzitom gruzov: istoricheskiy doklad Treteyskoy gruppy Organa po razresheniyu sporov VTO // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2019. — № 2 (30). — S. 20–30.
2. Butakova Ya. S. Kontrsanktsii kak mezhotraslevoy institut rossiyskogo prava // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2023. — № 4 (55). — S. 72–80.
3. Gabov A. V. Antisanktsionnye mery v rossiyskom prave // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2023. — Т. 18. — № 3. — S. 96–141.
4. Dobrynina L. Yu., Gubareva A. V. Pravovoe obosnovanie otvetnykh mer Rossiyskoy Federatsii na ekonomicheskie sanktsii SShA, ES i ikh soyuznikov // Natsionalnaya bezopasnost / Nota bene. — 2020. — № 1. — S. 24–37.
5. Kamyshevskiy V. I. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz v usloviyakh ekonomicheskikh sanktsiy protiv Rossii: koordinatsiya sovmestnykh usilii v vyrabotke adekvatnykh mer pravovogo reagirovaniya // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2016. — № 1 (92). — S. 40–44.
6. Keshner M. V. Problemnye aspekty praktiki primeneniya ogranichitelnykh mer // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2019. — № 6. — S. 34–46.
7. Komendantov S. V. O realizatsii «isklyucheniy po soobrazheniyam natsionalnoy bezopasnosti» v praktike GATT/VTO // Obrazovanie i pravo. — 2019. — № 10. — S. 36–39.
8. Pravo Vsemirnoy torgovoy organizatsii (VTO): uchebnik / pod red. V. M. Shumilova, I. M. Lifshitsa. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Knorus, 2023. — 252 s.
9. Starzhenetskiy V., Butyrina V., Dragunova Yu. Ekonomicheskie sanktsii glazami rossiyskikh sudey: mezhdru zashchitoy publichnogo poryadka i interesov biznesa // Mezhdunarodnoe pravosudie. — 2018. — № 4 (28). — S. 126–139.
10. Tonkikh P. S. Isklyucheniya po soobrazheniyam natsionalnoy bezopasnosti v kontekste reformy VTO // Torgovaya politika. — 2019. — Т. 3. — № 19.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.165-179

С. А. Свирков*

Частноправовое регулирование в сфере возобновляемой энергетики: особенности и проблемы развития

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей частногоправового регулирования возобновляемой энергетики. В частности, выделены специфика частногоправового регулирования в названной сфере, связанная с его предметной направленностью на установление правового режима объектов по выработке энергии на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ); создание частногоправовых механизмов, направленных на развитие выработки электроэнергии на основе ВИЭ, в том числе правовое регулирование оборота сертификатов происхождения указанной электроэнергии; установление правового статуса участников отношений в сфере производства и обращения данной электроэнергии. Особое внимание уделяется предусмотренному законодательством механизму оборота атрибутов генерации и сертификатов происхождения электроэнергии. Подробно рассматриваются конструкции этих правовых инструментов, а также выявляется их правовая природа. Подвергается сомнению целесообразность параллельного существования в правовой плоскости атрибутов генерации и сертификатов происхождения электроэнергии. На основе анализа зарубежного опыта правового регулирования приводятся предложения по оптимизации механизма функционирования рынка данных сертификатов, рассматриваются особенности торговли сертификатами I-REC.

Ключевые слова: правовое регулирование возобновляемой энергетики; квалифицированные генерирующие объекты; продажа мощности квалифицированных генерирующих объектов на оптовом рынке электрической энергии и мощности; продажа электрической энергии с целью компенсации сетевых потерь; развитие микрогенерации; атрибуты генерации; сертификаты происхождения электрической энергии; объекты гражданских прав; двусторонний договор купли-продажи электрической энергии; система отслеживания происхождения электроэнергии.

Для цитирования: Свирков С. А. Частноправовое регулирование в сфере возобновляемой энергетики: особенности и проблемы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 165–179. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.165-179.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Свирков С. А., 2025

* Свирков Сергей Александрович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой энергетического права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
ker@msal.ru

Private Law Regulation in the Sphere of Renewable Energy: Features and Development Problems

Sergey A. Svirkov, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Energy Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kep@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the consideration of the features of private law regulation of renewable energy. In particular, the specifics of private law regulation in the specified area are highlighted. It is related to establishing the legal regime of facilities for generating energy based on renewable energy sources (RES); creating private law mechanisms aimed at developing the generation of electricity based on RES, including legal regulation of the circulation of certificates of origin of the specified electricity; establishing the legal status of participants in relations in the sphere of production and circulation of this electricity. Particular attention is given to the mechanism established by law for the circulation of generation attributes and certificates of origin of electricity. The structures of these legal instruments are examined in detail, and their legal nature is revealed. The advisability of the parallel existence in the legal plane of generation attributes and certificates of origin of electricity is questioned. Based on the analysis of foreign experience in legal regulation, proposals are made to optimize the mechanism for the functioning of the market for these certificates, and the specifics of trading I-REC certificates are considered.

Keywords: legal regulation of renewable energy; qualified generating facilities; sale of capacity of qualified generating facilities on the wholesale market of electric energy and capacity; sale of electric energy for the purpose of compensating network losses; development of microgeneration; generation attributes; certificates of origin of electric energy; objects of civil rights; bilateral contract of sale and purchase of electric energy; system for tracking the origin of electric energy.

Cite as: Svirkov SA. Private Law Regulation in the Sphere of Renewable Energy: Features and Development Problems. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):165-179. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.165-179.

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

В настоящее время развитие альтернативной (возобновляемой) энергетики стало ключевым вектором энергетической политики всего мирового сообщества, а также его ключевых участников. Человечество постоянно ищет новые источники энергии; при этом все они, включая углеводороды, атомную энергетику и т.д., имеют определенные преимущества и недостатки. Вопрос об источниках энергии лежит в основе широко распространенной концепции энергетического перехода. Процесс изучения новых источников энергии по существу отражает углубление науки в исследование природы, материального мира. Немаловажна в данном процессе климатическая (экологическая) повестка, связанная с декарбонизацией, сокращением выбросов парниковых газов, сдерживанием глобального потепления. В связи

с этим можно говорить об особом ответвлении энергетического законодательства — праве источников энергии.

Правовая наука в указанной сфере отражает вектор государственной политики, степень погруженности государства в соответствующие вопросы, а также степень вовлеченности в них общества. Законодательство о развитии использования возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ) присутствует во всех развитых странах.

Особенностью законодательства в сфере альтернативной энергетики является присутствие в нем двух блоков правовых норм: публично-правового регулирования и частноправового регулирования. Данное разделение в законодательном регулировании (или же схема структурирования таких норм) связано прежде

всего с различными целями правовой регламентации, которые достигаются частноправовым и публично-правовым регулированием в рассматриваемой сфере. Кроме того, безусловно наличие отличий в содержании названной регламентации: публично-правовое регулирование направлено прежде всего на установление мер стимулирующего характера, разработку императивных норм, в том числе закрепление определенных показателей по доле использования энергии, вырабатываемой на основе ВИЭ, формирование определенных принципов регулирования соответствующих отношений; вместе с тем частноправовое регулирование в данной области охватывает установление правового режима объектов по выработке энергии на основе ВИЭ, создание частноправовых механизмов, направленных на развитие выработки электроэнергии на основе ВИЭ, в том числе правовое регулирование оборота специфических правовых инструментов в этой сфере (таких как сертификаты происхождения энергии), определение правового статуса участников отношений в области производства и обращения энергии, выработанной на основе ВИЭ. Перечень механизмов, предусматриваемых частноправовым регулированием в сфере использования энергии ВИЭ, не остается неизменным, периодически обновляется. Остановимся на некоторых из них.

1. Механизм продажи мощности квалифицированных генерирующих объектов на оптовом рынке электрической энергии и мощности (ОРЭМ)

Постановлением Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359¹ утверждены Правила квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) являющегося низкоуглеродным генерирующим объектом (далее — Правила квалификации), которыми

установлены правила, критерии и порядок квалификации генерирующих объектов ВИЭ.

Е. М. Кологерманская, рассматривая правовой режим объектов, функционирующих на основе ВИЭ, определяет их как единый недвижимый комплекс, предназначенный для производства электрической энергии с применением ВИЭ, расположенный в пределах границ, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации². Однако этих признаков недостаточно, ведь действующее законодательство связывает правовой режим объектов по производству энергии с использованием ВИЭ с необходимостью прохождения *процедуры квалификации генерирующего объекта*.

Признание генерирующих объектов функционирующими на основе использования ВИЭ квалифицированными генерирующими объектами осуществляется уполномоченной организацией коммерческой инфраструктуры, в качестве которой постановлением Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359 определено ООО «Центр энергосертификации» (ОГРН 1237700572471)³. В компетенцию данной структуры входит: ведение реестра атрибутов генерации (далее — АГ), проведение проверок квалифицированных генерирующих объектов, обеспечение информационного обмена с гарантирующими поставщиками и иными системами сертификации ВИЭ. Кроме того, она выступает оператором специализированной информационной системы, в которой обеспечивается ведение реестра АГ.

Квалификация генерирующих объектов осуществляется на основании заявлений их собственников или иных законных владельцев, уполномоченных такими собственниками, с последующим заключением договора на квалификацию генерирующего объекта в соответствии с Правилами квалификации и при условии получения уполномоченной организацией в полном объеме оплаты за квалификацию генерирующего объекта. По договору на квалификацию генерирующего объекта уполномоченная

¹ СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. II). Ст. 237.

² Кологерманская Е. М. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 9.

³ Учредителем является Ассоциация «НП Совет рынка» (размер доли 100 %).

организация на основании заявления на квалификацию собственника или иного законного владельца генерирующего объекта оказывает заявителю услуги по квалификации такого генерирующего объекта, а заявитель оплачивает данные услуги. Генерирующий объект признается квалифицированным в течение четырех лет с даты принятия уполномоченной организацией решения о признании этого генерирующего объекта квалифицированным генерирующим объектом.

Вместе с тем уместность конструкции оказания услуг в данном случае вызывает сомнения. По существу, заявитель претендует на определенный статус, в котором собственно и состоит положительный эффект от таких услуг. Кроме того, вызывает большие сомнения правомочность возложения на ООО «Центр энергосертификации» компетенции по оценке и принятию решений о признании генерирующего объекта квалифицированным объектом, функционирующим на основе ВИЭ. Как было отмечено, здесь речь идет о наделении определенным правовым статусом, поэтому принятие подобных решений, очевидно, должно возлагаться на управомоченный государственный орган. Например, такая ситуация имеет место с процедурой наделения статусом гарантирующего поставщика, реализуемой Минэнерго России⁴.

Аналогичные вопросы вызывает компетенция ООО «Центр энергосертификации» по проведению проверки квалифицированных генерирующих объектов в соответствии с разд. VI Правил квалификации. Проблема здесь также усугубляется открытым перечнем организаций коммерческой инфраструктуры на оптовом рынке электроэнергии и мощности (далее — ОРЭМ) в п. 1 ст. 33 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее — Федеральный закон «Об электроэнергетике»). Ясно, что подобного рода разреши-

тельная и проверочная деятельность должна осуществляться лишь незаинтересованным субъектом — уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, что обусловлено характером данной компетенции.

Постановлением Правительства РФ от 28.05.2013 № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности»⁵ в качестве механизма стимулирования использования ВИЭ на ОРЭМ определен механизм продажи мощности квалифицированных генерирующих объектов. В соответствии с Правилами оптового рынка электрической энергии и мощности⁶ на оптовом рынке торговля электрической энергией и мощностью осуществляется в том числе с использованием способа торговли мощностью, производимой квалифицированными генерирующими объектами, функционирующими на основе использования ВИЭ, на основании договоров купли-продажи (поставки) мощности. Эти договоры заключаются по результатам конкурсных отборов инвестиционных проектов по строительству генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ. Могут быть выделены следующие ключевые параметры данного механизма:

- коммерческий оператор торговой системы ОРЭМ ежегодно проводит конкурсные отборы инвестиционных проектов по строительству (реконструкции, модернизации) генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ;
- отбор проектов осуществляется по критерию наименьших полных капитальных затрат;
- значения предельных капитальных и эксплуатационных затрат для использования при проведении конкурсов учитывают зарубежный опыт, а также особенности структуры затрат при реализации проектов в целевых регионах Российской Федерации;

⁴ Также может быть рассмотрена модель с применением процедуры аккредитации либо лицензирования к отношениям по квалификации генерирующего объекта.

⁵ СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2909.

Данным документом утверждены также Правила определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе ВИЭ.

⁶ Утв. постановлением Правительства РФ от 27.12.2010 № 1172 (СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1916).

— определяется степень локализации в отношении генерирующего объекта, функционирующего на основе использования ВИЭ⁷;

— объемы вводов соответствуют потенциалу локализации производства оборудования.

В отношении отобранных проектов в установленном договором о присоединении к торговой системе ОРЭМ порядке заключаются договоры о предоставлении мощности квалифицированных генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ⁸.

2. Продажа электрической энергии, произведенной на основе ВИЭ, на розничных рынках сетевым компаниям с целью компенсации потерь в электрических сетях

Продажа сетевым организациям в целях компенсации сетевых потерь электрической энергии, производимой квалифицированными генерирующими объектами, осуществляется по договорам, предусмотренным Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии⁹, по регулируемым ценам (тарифам).

Порядок определения объемов продажи электрической энергии по указанным договорам устанавливается пунктом 65(2) данного

документа. Как и на оптовом рынке, ценообразование на электрическую энергию, производимую квалифицированными генерирующими объектами, предусматривает учет степени локализации генерирующего объекта (для объектов, вводимых в эксплуатацию с 1 января 2017 г.), а также нормативного индикатора коэффициента использования установленной мощности¹⁰.

3. Механизм развития микрогенерации, функционирующей в том числе на основе ВИЭ¹¹

Согласно данному механизму, предусмотрены следующие особенности деятельности по производству энергии на объектах микрогенерации:

— установлен правовой режим объекта микрогенерации;

— допускается осуществлять технологическое присоединение объектов микрогенерации только к объектам электросетевого хозяйства с уровнем напряжения до 1 000 вольт. Кроме того, определена специфика процедуры технологического присоединения объектов микрогенерации к электрическим сетям;

— установлен порядок реализации энергии, выработанной на объектах микрогенерации, на розничных рынках. Предусмотрена обязанность

⁷ Постановлением Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359 утверждены Правила определения степени локализации на территории Российской Федерации производства генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием ВИЭ по генерирующему объекту и показателя экспорта промышленной продукции (генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием ВИЭ) и (или) работ (услуг), выполняемых (оказываемых) при проектировании, строительстве и монтаже генерирующих объектов, расположенных на территориях иностранных государств, по генерирующему объекту.

⁸ См.: постановление Правительства РФ от 10.11.2015 № 1210 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ по вопросам использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» // СЗ РФ. 2015. № 46. Ст. 6394.

⁹ Утв. постановлением Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 3008).

¹⁰ Более подробно об этом механизме см.: Свирков С. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения. М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 364–377.

¹¹ Федеральный закон от 27.12.2019 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике” в части развития микрогенерации» // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Правительства РФ от 02.03.2021 № 299 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ в части определения особенностей правового регулирования отношений по функционированию объектов микрогенерации» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1796.

гарантирующего поставщика по заключению договора купли-продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, расположенных в зоне его деятельности. Гарантирующий поставщик приобретает электрическую энергию, произведенную на объектах микрогенерации, по ценам, не превышающим цен на приобретаемые на оптовом рынке гарантирующими поставщиками электрическую энергию и мощность;

— реализация физическими лицами электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, не является предпринимательской деятельностью.

4. Механизм обращения атрибутов генерации и сертификатов происхождения электроэнергии

Наибольшую известность в мировой практике получили различные системы обращения сертификатов происхождения электроэнергии (далее также — сертификаты), некоторые из которых имеют транснациональный характер. В соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 № 489-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике”»¹² в России введена национальная система обращения подобных сертификатов и АГ.

Статья 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» определяет АГ как права, связанные с характеристиками процесса производства электрической энергии на квалифицированном генерирующем объекте и со сведениями о таком генерирующем объекте и выработке им электрической энергии. Однако остается необъяснимым, как права в принципе можно

квалифицировать через указание на их связь с процессом или сведениями¹³.

Содержание АГ раскрывается в полномочиях владеющего ими лица (п. 1 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике»), особенность которых заключается в том, что все они имеют информационный характер. В определении АГ также указывается на правомочие их обладателя совершать действия в отношении определенного количества электроэнергии. Однако норма абз. 5 п. 1 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике» едва ли позволяет говорить о том, что у владельца АГ действительно присутствуют какие-либо права в отношении определенного количества электрической энергии. Это совершенно логично, поскольку оборот АГ, безусловно, должен разграничиваться с оборотом электроэнергии.

Прежде всего необходимо отметить весьма неудачную терминологию указанного Федерального закона¹⁴. Сам термин «атрибуты генерации» является калькой с английского выражения «energy attribute certificate» (ЕАС) — «сертификат происхождения электроэнергии». Однако в изначальной трактовке атрибуты относились к энергии и существовали исключительно в рамках конструкции сертификатов¹⁵. Вместе с тем генерация в электроэнергетике воспринимается в двух основных значениях: это производственные мощности (генерирующие объекты), а также вид деятельности (производство электроэнергии). В пункте 2 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике» установлено, что АГ являются самостоятельным объектом гражданских прав. При этом неясно, как субъективное право может быть признаком такого явления, как генерация, а также как признак

¹² СЗ РФ. 2023. № 32. Ст. 6221.

¹³ В такой логике можно предположить существование, например, транспортных прав, которые будут связаны с перевозкой грузов или пассажиров, а также сведениями о данной перевозке, равно как и любых иных прав в какой-либо отрасли экономики или промышленности.

¹⁴ «Атрибу́т (лат. attributum — приданное, от attribuo — придавать, наделять) — свойство, составляющее природу вещи, ее неотъемлемый субстанциональный признак». См.: URL: <https://bigenc.ru/c/atribut-694e38> (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁵ Термин «attribute» в переводе с английского означает «признак», «свойство», «характеристика». В данном контексте речь идет о таком свойстве энергии, как ее происхождение, выработка на основе использования ВИЭ.

энергии может рассматриваться в юридической плоскости в качестве субъективного права.

Соответственно, возникает вопрос о правовой квалификации АГ в рамках системы объектов прав, установленной статьей 128 ГК РФ¹⁶. О. А. Городов полагает, что «атрибуты генерации тяготеют к одной из разновидностей т.н. вторичных прав»¹⁷. Вообще, следует отметить, что в качестве вторичных зачастую квалифицируют весьма разнообразные «виды» новых прав, появляющихся в гражданском обороте, что далеко не всегда соответствует действительности. Принципиальной особенностью и одновременно квалифицирующим признаком вторичных прав, как известно, является источник их возникновения, в качестве которого признается правоспособность лица, на что указывал основоположник теории вторичных прав в российской доктрине М.М. Агарков¹⁸. Вторичное право возникает, когда лицо по своему усмотрению в целях реализации собственной правоспособности создает субъективные права особого рода. В некоторых случаях они становятся специфическими правовыми инструментами, применяемыми в гражданском обороте. Таковы, например, права, лежащие в основе производных финансовых инструментов (деривативов).

Однако же ситуация с АГ выглядит обратным образом: субъект не осуществляет никаких специальных действий (односторонних сделок) по созданию особого правового объекта (гражданских прав). Всё, что он делает, — это осуществляет производственную деятельность по выработке энергии на основе ВИЭ (генерацию), что, безусловно, имеет юридическое значение, может рассматриваться в качестве юридического факта. Но односторонней сделки, направ-

ленной на создание правоотношения, здесь нет, поскольку права (как «сопутствующее» генерации явление) возникают не в результате соответствующего волеизъявления субъекта, а в силу указания закона, который и является источником их возникновения. Аналогичная ситуация присутствует в случае с возникновением права недропользования из лицензии, выдаваемой в соответствии с Законом РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»¹⁹. Ввиду указанных отличий в источнике (основании) возникновения такие права не могут быть отнесены к вторичным.

Согласно норме абз. 2 п. 2 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике» АГ возникают у владельца квалифицированного генерирующего объекта по факту производства электрической энергии на квалифицированном генерирующем объекте в отношении количества электрической энергии, произведенной на квалифицированном генерирующем объекте. Данная конструкция с точки зрения законодательной техники напоминает механизм правового регулирования исключительных прав, которые возникают из факта создания произведения (ст. 1228 ГК РФ²⁰). При этом законодатель императивно перечисляет правомочия, составляющие содержание исключительных прав. Аналогичная картина имеет место в случае с АГ. В этом смысле они отчасти напоминают абсолютные права. Субъект права может распоряжаться им без участия третьих лиц. С другой стороны, здесь отсутствует объект права, с необходимостью имеющийся в абсолютном правоотношении. Кроме того, здесь вообще нет обязанного субъекта, как и самой обязанности, корреспондирующей данному праву (что говорит в пользу их квалификации в качестве секун-

¹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁷ *Городов О. А.* Атрибуты генерации как объект гражданских прав и инструмент достижения углеродной нейтральности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 8–13.

¹⁸ *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 1. С. 284–287.

¹⁹ СЗ РФ. 1995. № 10. Ст. 823.

²⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

дарных). В связи с этим О. А. Городов справедливо указывает на невозможность признания АГ абсолютными правами²¹.

Тот факт, что они могут отчуждаться, выступать предметом оборота, скорее, роднит их с относительными правами требования. Способность таких прав отчуждаться по двустороннему договору купли-продажи электроэнергии тоже свидетельствует об их относительной природе. Здесь налицо аналогия с правами недропользования, которые возникают из закона и при этом являются относительными. Как и права недропользования, АГ имеют срок действия, порядок определения которого установлен нормативно.

С точки зрения своего содержания данные права не могут быть отнесены ни к абсолютным, ни к относительным и представляют собой некие правомочия информационного плана. Вместе с тем имущественные права требования не могут сводиться к информационным правомочиям. Таким образом, имеет место следующая ситуация:

- с точки зрения особенностей своего оборота АГ выглядят как относительные права;
- с точки зрения своего содержания это права *sui generis*.

Соответственно, в данном случае имеет место прием фикции, когда определенные правомочия предлагается фактически считать относи-

тельными правами (каковыми они не являются) в целях создания возможности их оборота.

Вообще, прием формирования специализированной конструкции имущественных прав не является редкостью. Так, можно вспомнить о цифровых правах (ст. 141.1 ГК РФ)²², а также конструкции мощности на ОРЭМ²³. При этом в обоих случаях в конструкциях данных правовых инструментов заложено определенным образом сконструированное право требования²⁴.

Помимо конструкционных особенностей АГ, их квалифицирующими признаками выступают:

- сфера их применения;
- то, что они являются ключевым элементом конструкции сертификатов²⁵;
- их возникновение у владельца квалифицированного генерирующего объекта ВИЭ в силу прямого указания закона по факту выработки электроэнергии на квалифицированном генерирующем объекте;
- обеспечение в их отношении учета организацией коммерческой инфраструктуры посредством ведения их реестра²⁶ (ст. 41.3 Федерального закона «Об электроэнергетике»);
- определенность способов распоряжения ими (механизмов их обращения).

Механизм обращения АГ основан на установленных законодательством способах их передачи:

²¹ *Городов О. А.* Указ. соч. С. 8–13.

²² *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.

²³ *Свирков С. А.* Указ. соч. С. 255–263.

²⁴ В целом же регулятивный потенциал относительных прав на сегодня изучен в недостаточной степени; в особенности заслуживает внимания адаптация частноправовых средств регулирования к новым сферам оборота. См., например: *Фомина О. Н.* От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. 2023. № 2. С. 42–45.

²⁵ Вместе с тем проблема соотношения АГ и сертификатов является актуальной, поскольку и те, и другие являются самостоятельными объектами гражданских прав.

²⁶ См.: Правила ведения реестра атрибутов генерации, предоставления, обращения и погашения сертификатов происхождения электрической энергии (утв. постановлением Правительства РФ от 28.12.2023 № 2359) (далее — Правила ведения реестра АГ).

Согласно названному документу, учет в реестре сведений и внесение в реестр записей осуществляются при условии заключения лицом, по инициативе (в интересах) которого подлежат учету такие сведения и внесению такие записи, с оператором реестра договора о ведении реестра и открытия данному лицу лицевого счета в реестре.

1) по двустороннему договору купли-продажи электрической энергии²⁷. Особенности данного механизма имеют противоречия содержательного и организационного порядка: поскольку АГ являются самостоятельным объектом прав, то не совсем понятно, каким образом они могут передаваться по договору, предметом которого является электроэнергия (т.е. уже другой объект прав). В случае включения в такой договор условия о передаче АГ будет иметь место расширение его предмета. Если же АГ передаются «по умолчанию» приобретателю электроэнергии, выработанной на основе ВИЭ, становится непонятно, как быть с установленной законом их самостоятельной объектной природой (абз. 1 п. 2 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике»). Ведь, как было указано выше, оборот АГ не тождествен обороту электроэнергии;

2) посредством передачи сертификата происхождения электроэнергии;

3) иных способах передачи. Они подразумевают возможность создания альтернативных систем оборота АГ, помимо прямо предусмотренных Федеральным законом «Об электроэнергетике». При этом устанавливается необходимость обеспечения требований законодательства об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также информационного взаимодействия оператором иной информационной системы с организацией коммерческой инфраструктуры, осуществляющей ведение реестра АГ, посредством заключения соответствующего соглашения.

Показательно, что указанный во втором механизме передачи сертификат, наряду с АГ, также является самостоятельным объектом гражданских прав, который тоже не привязан к обороту электроэнергии (п. 2 ст. 41.2, п. 6 ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике»). Выявление правовой природы сертификатов, безусловно, представляет научный

(доктринальный), а также практический интерес. Здесь следует обратить внимание на сравнение О. А. Городовым сертификатов с ценными бумагами: «По своей экономической сущности сертификат происхождения тяготеет к ценной бумаге, хотя юридически таковой не является и к ним не применяется законодательство РФ о ценных бумагах»²⁸. Действительно, законодатель однозначно отграничивает сертификаты от ценных бумаг (п. 10 ст. 4.2 Федерального закона «Об электроэнергетике»), что представляется исключительно верным решением. Однако же, по нашему мнению, экономическая сущность едва ли позволяет раскрыть правовую природу новой правовой категории.

В частности, следует иметь в виду присутствие в доктрине и законодательстве достаточно полного перечня признаков ценных бумаг, представляющих собой прежде всего правовую категорию, важный институт гражданского права²⁹. При этом совершенно очевидно, что сертификаты не соответствуют практически ни одному из таких признаков. Более того, если рассмотреть характеристики прав, которые могут быть предметом ценной бумаги³⁰, становится очевидным, что данные права принципиально отличаются от прав, удостоверяемых сертификатом (т.е. прав, составляющих содержание АГ).

Сертификат — это правовой инструмент особого рода, созданный публичной властью, направленный на решение определенной (вполне утилитарной) задачи — создание механизма стимулирования развития альтернативной энергетики посредством организации оборота сертификатов и АГ, создание возможности получения определенных положительных стимулов для участников данного оборота. АГ и удостоверяющие их сертификаты являются оборотоспособными формами фиксации преимуществ возобновляемой и низкоуглеродной энергетики перед традиционной. Возможность заявлять, что потребление (покупка электрической энергии) обеспечено производ-

²⁷ В этом случае Правилами ведения реестра АГ предусматривается их маркировка.

²⁸ *Городов О. А.* Указ. соч. С. 8–13.

²⁹ См. подробнее: *Белов В. А.* Ценные бумаги в российском гражданском праве. М. : ЮрИнфоР, 1996. С. 19–36.

³⁰ *Белов В. А.* Указ. соч. С. 27–32.

ством электрической энергии на квалифицированных генерирующих объектах, представляет интерес как для конечных потребителей электрической энергии, так и для энергосбытовых организаций и гарантирующих поставщиков³¹. Очевидно, что рынок постоянно создает новые инструменты, которые зачастую не вписываются в традиционные юридические конструкции, однако же им не противоречат. В этом плане правовую природу сертификатов может раскрывать их рассмотрение в качестве особого рода правового средства (в широком понимании)³².

Особенности данного инструмента следующие:

- 1) исключительно электронная форма (т.е. фактически он существует как запись в реестре, которая производится оператором системы (ООО «Центр энергосертификации») на основании заявления о предоставлении сертификата);
- 2) нормативно определенная (ограниченная) сфера применения — рыночное обращение таких сертификатов, вне которого они не используются и вне которого их правовая квалификация представляется невозможной;
- 3) регламентированная процедура обращения, ограниченность возможных актов распоряжения сертификатами и действий в их отношении (предоставления, передачи, обременения, аннулирования, разделения, погашения);
- 4) ограниченность круга субъектов, участвующих в их обороте;
- 5) утилитарность — направленность на достижение определенной правовой цели;
- 6) выполнение удостоверяющей функции, содержание которой определено законом;
- 7) наличие имущественной ценности, способности выступать предметом оборота³³.

С точки зрения генезиса сертификатов в данном случае может быть рассмотрена их аналогия с деривативами, которые: 1) выступают продуктами финансовой инженерии, 2) создаются для решения определенной функциональной цели, 3) применяются в специфичной сфере (на срочном рынке), 4) создаются особыми субъектами (участниками финансового рынка — субъектами частного права), 5) создаются на специфичных основаниях возникновения (правоспособность лица), 6) имеют имущественную ценность, торгуются (выступают предметом оборота)³⁴. Ясно, что совпадение данных инструментов по всем указанным признакам невозможно. Однако же аналогию в аспекте этих характеристик (хотя и отличающихся по содержанию) сложно не заметить³⁵.

Вместе с тем, учитывая особенности содержания сертификата (электронный документ, удостоверяющий определенный объем АГ), целесообразность его признания самостоятельным объектом прав может быть поставлена под сомнение. Правовая природа сертификата вполне может раскрываться без введения нового объекта прав, поскольку обнаруживает себя в признаках уже известных объектов прав. При этом оборотоспособность сертификатов нельзя признать общей, учитывая вышеуказанные особенности их оборота. Природа данного инструмента своеобразна и полностью предопределяется его функциональным назначением, что приводит к выводу о наличии у него специальной (целевой) оборотоспособности.

Обращение сертификатов обеспечивается посредством реализации полномочий его владельца, установленных Правилами ведения реестра АГ, в том числе передачи, аннулирования,

³¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» в связи с введением в гражданский оборот атрибутов генерации и сертификатов происхождения электрической энергии» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/196167-8> (дата обращения: 28.09.2024).

³² См., например: *Филлипова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 168–209.

³³ Применимо не ко всем видам сертификатов.

³⁴ См. подробнее: *Райнер Г.* Деривативы и право. М. : Волтерс Клувер, 2005.

³⁵ В частности, сертификаты являются искусственно созданной конструкцией, спроектированной законодателем и закрепленной в законе (аналогия с финансовой инженерией).

разделения, погашения. Все действия с сертификатами оформляются посредством совершения соответствующих записей в реестре. Сертификаты, как и АГ, имеют срок действия. Сертификат может быть погашен только в полном объеме — его частичное погашение не допускается.

В рассматриваемой правовой плоскости вызывает вопросы параллельное существование АГ и сертификатов в российском законодательстве. Очевидно, что АГ были выделены в самостоятельный объект прежде всего в целях обеспечения возможности их отчуждения первым и третьим из числа вышеуказанных способов, т.е. вне процедуры передачи сертификатов. Вместе с тем подобный подход порождает ряд юридических и организационных проблем. Также непонятно, почему нельзя обеспечить оборот сертификатов в рамках первого и третьего механизмов, учитывая, что создание новой сущности (АГ) не снимает остроты организационных проблем в рамках передачи соответствующих прав по двустороннему договору купли-продажи электрической энергии. Отдельная институализация АГ представляется излишней, учитывая наличие в законодательстве сертификатов. Отсутствуют практические и теоретические основания для отделения АГ от сертификатов, которые соотносятся как форма и содержание: в международной практике сертификат — это форма закрепления АГ, которые представляют собой информацию о происхождении / особенностях генерации энергии.

Как представляется, рассматриваемый механизм не лишен ряда недостатков, которые будут препятствовать развитию внедрения энергии ВИЭ на энергорынке.

Прежде всего, наряду с закреплением в законодательстве стимулирующих мер (в том числе связанных с появлением у генераторов АГ по факту выработки энергии на основе ВИЭ)

необходимым видится установление обязанности генераторов по достижению определенных количественных параметров такой выработки.

Кроме того, открытым остается вопрос о правовых последствиях или же правовых целях, которые преследуют приобретатели сертификатов. Обычно речь идет о том, что с помощью них компании могут заявлять об экологической выгоде производства возобновляемой энергии для собственного потребления электроэнергии³⁶, компенсации углеродного следа, обеспечении ESG-отчетности, а также расчете косвенных энергетических выбросов, реализации климатических проектов и т.д.

Впрочем, указанных позитивных эффектов от приобретения АГ/сертификатов не вполне достаточно для активного развития рынка сертификатов. Представляется, что действенность такого механизма напрямую зависит от закрепления в законодательстве обязанности определенных категорий потребителей (прежде всего крупных) по приобретению сертификатов. В качестве модельного решения может быть предложено установление такой обязанности для потребителей, чья деятельность связана с повышенным риском причинения вреда окружающей среде, либо тех, в отношении которых в ходе реализации контрольно-надзорных процедур выявлены существенные нарушения обязательных требований в энергетической или экологической сферах³⁷. Похожий подход присутствует в Основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 г.³⁸, которыми предлагается установить обязанность по приобретению покупателями электрической энергии — участниками оптового рынка заданного объема электрической энергии, произведенной

³⁶ URL: <https://energy-attribute-certificates.com/> (дата обращения: 28.09.2024).

³⁷ Например, это могут быть обязательные требования, установленные Правилами технической эксплуатации электроустановок потребителей электрической энергии (утв. приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 12.08.2022 № 811 (зарегистрировано в Минюсте России 7 октября 2022 г. № 70433)).

³⁸ Утв. распоряжением Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-п (СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 515).

на квалифицированных генерирующих объектах, функционирующих на основе использования ВИЭ.

С этой точки зрения модельный механизм функционирования рынка сертификатов (*de lege ferenda*) предполагает три базовые составляющие:

1) установление обязанности генераторов по достижению определенных параметров выработки на основе ВИЭ;

2) определение в законодательстве стимулирующих мер по поддержке генераторов, функционирующих на основе ВИЭ³⁹;

3) закрепление обязанности крупных потребителей по сглаживанию углеродного следа, в том числе посредством покупки сертификатов, а также выполнения целевых показателей использования энергии, выработанной на основе ВИЭ⁴⁰.

Кроме того, немаловажным видится создание необходимых условий для развития биржевой и внебиржевой торговли сертификатами, в том числе посредством создания соответствующей коммерческой инфраструктуры. В нормативной плоскости данная цель может выражаться в установлении правил такой торговли с закреплением соответствующих механизмов⁴¹, как это сделано в Правилах ОРЭМ применительно к торговле электроэнергией и мощностью.

Предусматриваемый законодательством механизм обращения сертификатов и АГ во многом аналогичен применяемому в международной практике обращению сертификатов ЕАС. В этом смысле рассмотрение российского механизма невозможно без учета зарубежного опыта в данной сфере. Обращает на себя внимание существование множества систем оборота сертификатов, а также информационных систем

(систем отслеживания), в рамках которых они функционируют⁴². Например, в RE100, GHG, CDP присутствуют следующие системы сертификатов:

- североамериканские системы отслеживания REC (несколько региональных систем);
- европейская система энергетических сертификатов, гарантий происхождения (EECS-GO);
- фонд международных стандартов отслеживания (ранее стандарт I-REC);
- торгуемые инструменты для глобальных возобновляемых источников энергии (TIGR).

Помимо вышеупомянутых систем и реестров ЕАС существуют и другие, в основном национальные системы, например:

- Renewable Energy Target certificate (Австралия);
- RECS Brasil, предполагающая использование I-RECS (Бразилия);
- МЕНК (Венгрия);
- Green Power Certification System (Япония);
- zaRECs (Южная Африка).

Конструкции самих сертификатов также могут существенно различаться. Зарубежной практике известны в том числе следующие модели сертификатов: зеленые отметки (*green tags*), гарантии происхождения (*guarantee of origin*), международный стандарт REC (I-REC Standard), сертификаты возобновляемой энергии (RECs), кредиты на возобновляемую энергию (*renewable energy credits*), торгуемые инструменты для глобальных возобновляемых источников энергии (TIGRs), торгуемые возобновляемые сертификаты (TRCs), торгуемые сертификаты на возобновляемую энергию (TREC).

Особого внимания заслуживают торгуемые сертификаты, поскольку именно они представ-

³⁹ В частности, статья 4 Директивы ЕС 2018/2001 от 11.12.2018 предусматривает схемы поддержки использования энергии из возобновляемых источников (Directive (EU) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (recast) (Text with EEA relevance) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32018L2001> (дата обращения: 28.09.2024)).

⁴⁰ Альтернативным решением может стать закрепление в законодательстве положительных правовых последствий приобретения сертификатов.

⁴¹ В действующей редакции Правил ведения реестра АГ вопросы обращения сертификатов по сути не урегулированы.

⁴² В том числе RE100, The Carbon Disclosure Project (CDP), Greenhouse Gas (GHG) Protocol.

ляются наиболее эффективными инструментами, способными повысить интерес инвесторов к рынку сертификатов⁴³. С одной стороны, это новый инструмент торговли, имеющий имущественную ценность, являющийся способом инвестирования. При этом в данном механизме неизбежно присутствует элемент обязательности, в том числе в виде нормативно установленного предписания производителям электроэнергии о необходимых объемах выработки на основе ВИЭ, а также принципа компенсации углеродного следа потребителями⁴⁴. Необходимость исполнения публичных обязанностей в определенном смысле придает имущественную ценность такому инструменту, трансформируется в эту ценность под угрозой возникновения негативных финансовых последствий для субъекта либо утраты им своего положения на рынке. Здесь налицо аналогия с правовыми инструментами на рынках производных финансовых инструментов, о чем было сказано выше. Так, сертификаты I-REC, подобно дериватам, обращаются на многих биржах, в том числе Европейской энергетической бирже (EEX), Nord Pool и PJM Interconnection.

I-REC — система отслеживания происхождения электроэнергии, разработанная международной некоммерческой организацией

«International REC Standard Foundation»⁴⁵. Следует отметить, что изначально планировалась интеграция российской системы сертификатов в международную систему торговли сертификатами I-REC. Однако в 2022 г. международная система сертификатов I-REC приостановила работу в России из-за санкций, введенных в отношении России.

Важной особенностью сертификатов I-REC является их доказательственная функция в части определения происхождения энергии, потребляемой их конечным приобретателем. Если российская национальная система сосредоточена прежде всего на квалификации объектов генерации, то в системе I-REC основное внимание уделяется доказательству выработки энергии на основе ВИЭ, которое обеспечивается сертификатами I-REC. Однако же здесь присутствует очевидная условность. Как было указано, сертификат не привязан к конкретному объему энергии: такая привязка невозможна даже теоретически — хотя бы потому, что энергия не может быть индивидуализирована⁴⁶. Поэтому фактически речь идет, скорее, о механизме финансирования выработки электроэнергии на основе ВИЭ или же механизме финансирования деятельности организаций, генерирующих энергию на основе ВИЭ⁴⁷.

⁴³ Привлечение инвестиций считается одним из важнейших направлений государственной политики в данной сфере. См.: ENTSO-E Position Paper Sustainable Contracts for Difference (CfDs) Design. February 2024. P. 8 // URL: <https://www.np-sr.ru/ru/market/infond/list/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁴⁴ Например, в США существуют два основных рынка сертификатов: рынки соответствия и добровольные рынки. Рынки соответствия создаются на основе законодательства, применяемого в 29 штатах США, округе Колумбия и Пуэрто-Рико (Renewable Portfolio Standard). В этих штатах электроэнергетические компании обязаны производить определенную долю электроэнергии из ВИЭ к указанному году. В Великобритании применяется система сертификатов обязательств по ВИЭ (ROC). В Европейском Союзе используется система передаваемых «гарантий происхождения» в соответствии с требованиями Директивы 2009/72/ЕС. Директива 2009/28/ЕС и Директива 2012/27/ЕС требуют гарантии происхождения для возобновляемой энергии и высокоэффективной когенерации.

⁴⁵ См., например: URL: <https://www.trackingstandard.org/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁴⁶ Как указывается в источниках, «для большинства потребителей единая энергосистема России — большой котел, в котором невозможно отделить возобновляемую энергию от других». См.: URL: <https://stranarosatom.ru/2021/10/04/dokazhi-cto-vie-vse-o-mezhdunarodnyh-ser/> (дата обращения: 28.09.2024).

⁴⁷ Сертификаты не предполагают физическую поставку электроэнергии от поставщика к потребителю, но позволяют владельцу, погасившему сертификат, декларировать добровольную поддержку возобновляемой энергетики и приверженность принципам ESG-стратегии. См.: URL: <https://www.interfax.ru/russia/827568> (дата обращения: 28.09.2024).

Таким образом, рынок сертификатов является экономическим механизмом, направленным на постепенное внедрение энергии ВИЭ в оборот, повышение интереса инвесторов к данному рынку. С учетом сформированной структуры собственности в энергетике объективные требования энергетического перехода диктуют необходимость повышения доли ВИЭ в общем энергобалансе. Зарубежный опыт показывает неизбежность использования императивных (нормативных) рычагов, направленных на развитие указанного рынка (это могут быть региональное законодательство, стандарты энергетической отрасли и т.д.). Вместе с тем важной тенденцией является перспективность применения в данной сфере торговых механизмов, стимулирующих оборот сертификатов и обеспечивающих их инвестиционную привле-

кательность⁴⁸. С правовой точки зрения такой процесс предполагает появление принципиально новых частноправовых инструментов, которые обладают специфическим правовым режимом, особыми параметрами оборотоспособности.

На сегодня в России выбрана модель формирования национальной системы оборота сертификатов, что одновременно предполагает определенные преимущества и риски, возможность более оперативно влиять на развитие рынка, а также использовать имеющийся зарубежный опыт. Из существующих рисков следует назвать ограниченность масштаба данного рынка национальным уровнем, которая может преодолеваться в рамках развития интеграции энергетических рынков стран Евразийского экономического союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1. — М. : АО «Центр ЮрИнфоР», 2002.
2. *Белов В. А.* Ценные бумаги в российском гражданском праве. — М. : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1996.
3. *Гительман Л. Д., Ратников Б. Е.* Энергетический бизнес : учебник. — М. : Дело АНХ, 2008.
4. *Городов О. А.* Атрибуты генерации как объект гражданских прав и инструмент достижения углеродной нейтральности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2024. — № 1. — С. 8–13.
5. *Кологерманская Е. М.* Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в Российской Федерации и зарубежных государствах : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020.
6. *Райнер Г.* Деривативы и право. — М. : Волтерс Клувер, 2005.
7. *Свирков С. А.* Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения. — М. : Инфотропик Медиа, 2019.
8. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 7–29.
9. *Фомина О. Н.* От вещных прав к правам на нематериальные и цифровые объекты // Гражданское право. — 2023. — № 2. — С. 42–45.
10. *Трачук А. В.* Реформирование электроэнергетики и развитие конкуренции. — М. : Магистр, 2010.
11. *Филиппова С. Ю.* Инструментальный подход в науке частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014.

Материал поступил в редакцию 8 октября 2024 г.

⁴⁸ Следует отметить, что в энергетике конкуренция приобретает весьма специфичные формы. См., например: *Трачук А. В.* Реформирование электроэнергетики и развитие конкуренции. М. : Магистр, 2010 ; *Гительман Л. Д., Ратников Б. Е.* Энергетический бизнес : учебник. М. : Дело АНХ, 2008.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agarkov M. M. Obyazatelstvo po sovetскому grazhdanskomu pravu // Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t. T. 1. — M.: AO «Tsentr YurInfoR», 2002.
2. Belov V. A. Tsennye bumagi v rossiyskom grazhdanskom prave. — M.: Uchebno-konsultatsionnyy tsentr «YurInfoR», 1996.
3. Gitelman L. D., Ratnikov B. E. Energeticheskiy biznes: uchebnik. — M.: Delo ANKh, 2008.
4. Gorodov O. A. Atributy generatsii kak obekt grazhdanskikh prav i instrument dostizheniya uglerodnoy neytralnosti // Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava. — 2024. — № 1. — S. 8–13.
5. Kologermanskaya E. M. Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov energii v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh gosudarstvakh: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2020.
6. Rayner G. Derivativy i pravo. — M.: Volters Kluver, 2005.
7. Svirkov S. A. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie v sfere energosnabzheniya. — M.: Infotropik Media, 2019.
8. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2021. — T. 21. — № 6. — S. 7–29.
9. Fomina O. N. Ot veshchnykh prav k pravam na nematerialnye i tsifrovye obekty // Grazhdanskoe pravo. — 2023. — № 2. — S. 42–45.
10. Trachuk A. V. Reformirovanie elektroenergetiki i razvitie konkurentsii. — M.: Magistr, 2010.
11. Filippova S. Yu. Instrumentalnyy podkhod v nauke chastnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2014.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.



KUTAFIN LAW REVIEW

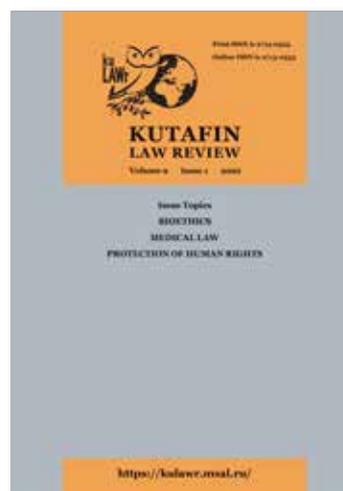
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!



Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 2 (171) февраль 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 194-1471



9 771994 147002